

LEFT ЯВЛЕНИЕ ВО СЛАВЕ BEHIND®

ПОСЛЕДНИЕ
ДНИ

64 000 000
проданных
экземпляров

ТИМ ЛАХЭЙ

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

LEFT BEHIND[®]

КНИГИ СЕРИИ
LEFT BEHIND®

ОСТАВЛЕННЫЕ

Роман о последних днях Земли

ОТРЯД СКОРБИ

Продолжение истории об оставленных

НИКОЛАЕ

Восстание Антихриста

ЖАТВА ЧЕЛОВЕКОВ

Мир разделяется

АВАДДОН

Демон-губитель сбросил оковы

ВОЗМЕЗДИЕ

Место: Иерусалим. Цель: Антихрист

ВОПЛОЩЕНИЕ

Зверь воцаряется

НАЧЕРТАНИЕ

Зверь правит миром

ОСКВЕРНЕНИЕ

Антихрист восходит на престол

ОСТАТОК

На пороге Армагеддона

АРМАГЕДДОН

Вселенская битва эпох

ЯВЛЕНИЕ ВО СЛАВЕ

Последние дни

ВОСХОЖДЕНИЕ

Рождение Антихриста

РЕЖИМ

Зло наступает

ВОСХИЩЕНИЕ

В мгновение ока

ДА ПРИИДЕТ ЦАРСТВО

Окончательная победа

LEFT BEHIND®

ТИМ ЛАХЭЙ

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

ЯВЛЕНИЕ ВО СЛАВЕ

ПОСЛЕДНИЕ

ДНИ

 КНИГОВЕЖ™
КНИЖНЫЙ КЛУБ | BOOK CLUB

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Л29

Оформление художника
А. БАЛАШОВОЙ

ЛаХэй Тим, Дженкинс Джерри Б.

Л29 Явление во Славе: Роман / Пер. с англ. А. Захарова. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2012. — 464 с. — (Left Behind).

ISBN 978-5-4224-0546-6

В двенадцатой книге серии «Left Behind®» — «Явление во Славе» — подходят к концу события семи лет Скорби, что выпали на долю людей, оставленных на земле после Восхищения. На землю нисходит Царь Царей, Иисус Христос, чтобы одержать окончательную победу над Люцифером в долине Армагеддон. Так заканчивается многовековая история человечества, запятнанная грехами, смертью и войнами, и начинается Тысячелетнее Царство Христово.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Left Behind # 12: Явление во Славе, Russian
Copyright © 2004 by Tim LaHaye & Jerry Jenkins
Russian edition © 2012 by Knigovek Book Club
with permission of Tyndale House Publishers, Inc.
All rights reserved.

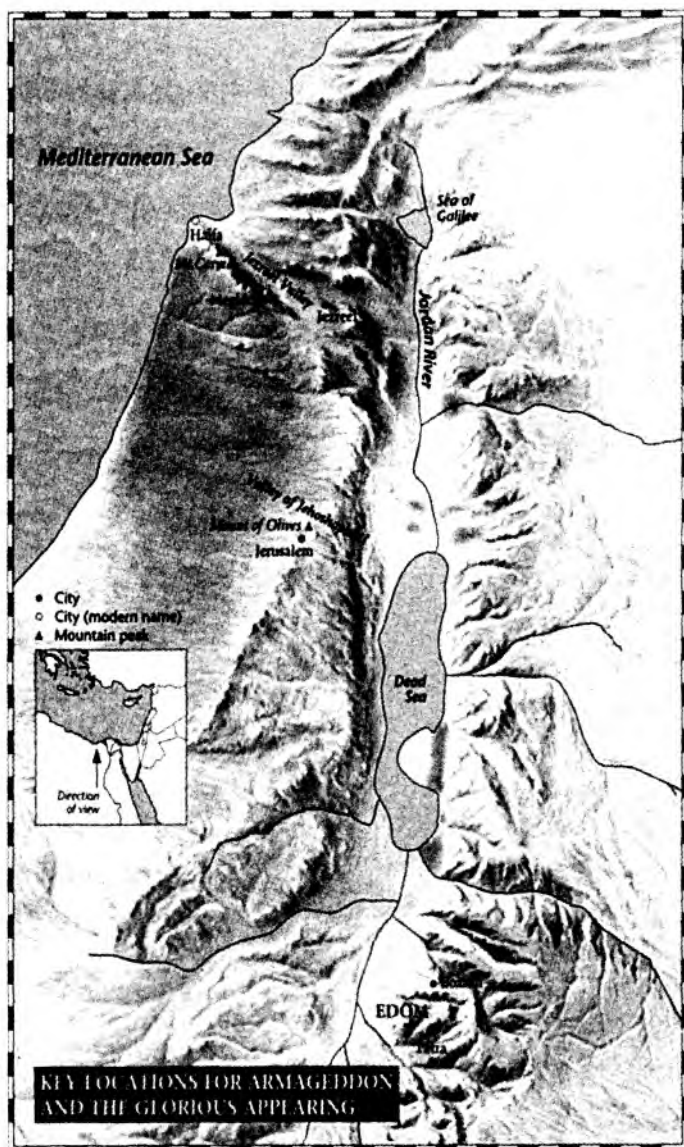
Left Behind ® is a registered trademark of Tyndale
House Publishers, Inc.

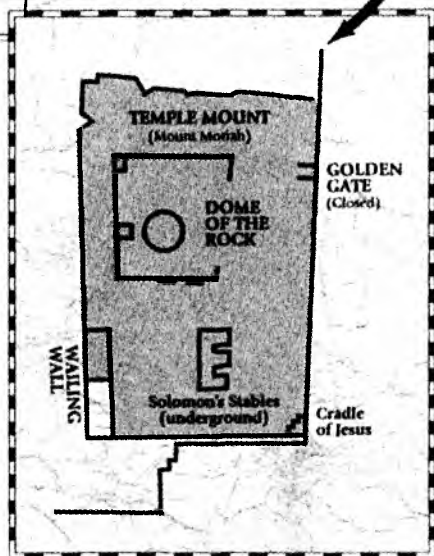
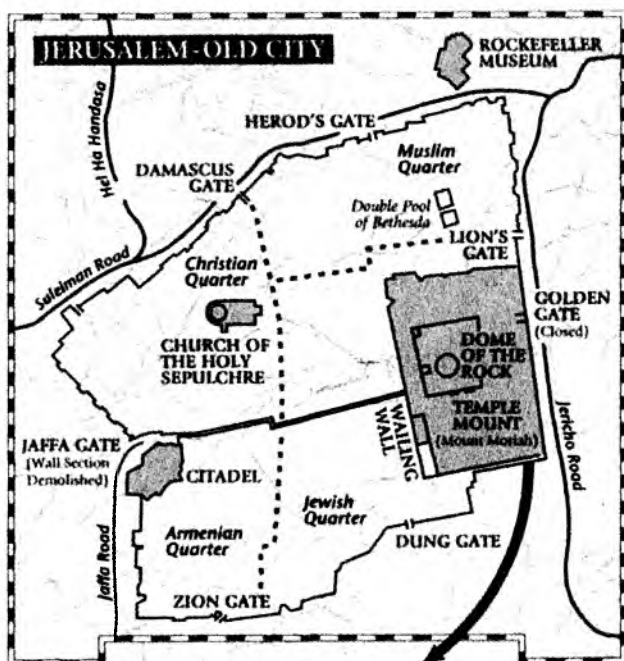
ISBN 978-5-4224-0546-6

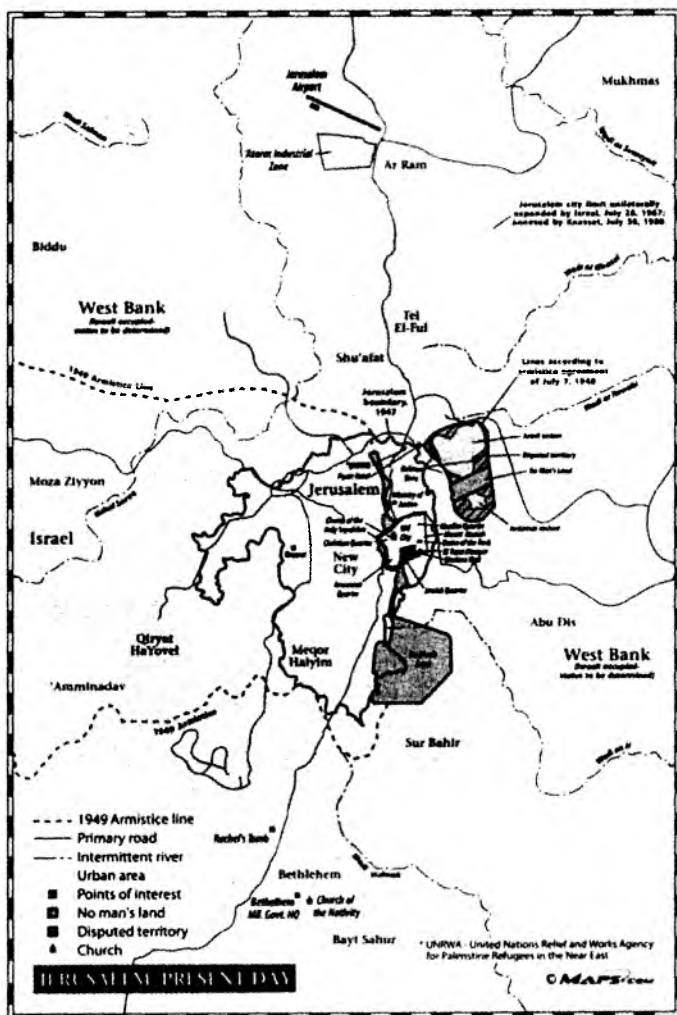
© Книжный Клуб Книговек, 2012

*Памяти Фрэнка Ла Хэя
и Гарри Дженкинса,
с которыми мы еще увидимся*

*Особая благодарность
Дэвиду Аллену
за техническую консультацию
и Джону Перродину
за дополнительные исследования Библии*

ПРОШЛО СЕМЬ ЛЕТ СКОРБИ И ТРИ С ПОЛОВИНОЙ ГОДА ВЕЛИКОЙ СКОРБИ

Верующие:

Отто Везер, пятьдесят лет. Глава небольшой группы немецких верующих, сбежавших из Нового Вавилона в Петру.

Чань Вонг, двадцать один год. Бывший шпион отряда Скорби в штаб-квартире Мирового Сообщества в Новом Вавилоне. Состоит в отряде Скорби, служит в Петре главой компьютерного отдела. Влюблен в Наоми Тибериус.

Минь Той Ву, около двадцати пяти. Сестра Чаня Вонга. Бывшая вдова, вышла замуж за Ри Ву. Бывшая охранница в Бельгийской женской исправительной тюрьме «Буфер». Самовольно покинула службу, ныне состоит в отряде Скорби, служит в

Петре, помогая в делах Международного общества взаимопомощи.

Ри Ву, около двадцати пяти лет. Муж Минь Той Ву. Пилот отряда Скорби, служит в Петре.

Энох Думас, чуть старше тридцати. Испано-американец. Пастырь прихода «Место» из тридцати человек, находившегося в Чикаго и перенесенного в тайное место в Палос-Хиллс, штат Иллинойс.

Монтгомери Клеберн (Мак) МакКаллам, чуть старше шестидесяти. Бывший пилот Верховного потентата Мирового Сообщества Николае Карпати. Считается погибшим в авиакатастрофе. Ведущий пилот отряда Скорби, ныне служит в Петре.

Ханна Пейлмун, около тридцати пяти. Бывшая медсестра МС. Имитировала свою смерть в авиакатастрофе. Состоит в отряде Скорби, служит в Петре. Работает в Международном обществе взаимопомощи, подпольной организации верующих.

Рейзор, чуть старше двадцати. Мексиканец. Адъютант Джорджа Себастьяна. Находится в Петре.

Доктор Хаим Розенцвейг (Михей), около семидесяти пяти. Израильский ученый и государственный деятель, лауреат Нобе-

левской премии. Бывший «Персона года» по версии «Глобал уикли». Убийца Карпати. Лидер миллионной еврейской общины в Петре.

Лия Роуз, чуть старше сорока. Бывшая главная медсестра в Мемориальном госпитале Артура Янга, Палатин, штат Иллинойс. Состоит в отряде Скорби, служит в Петре. Работает в Обществе взаимопомощи.

Джордж Себастьян, чуть младше тридцати. Бывший пилот боевого вертолета ВВС США, служил на базе в Сан-Диего. Работает в подполье с отрядом Скорби и Обществом взаимопомощи. Защищает Петру.

Присцилла Себастьян, тридцать лет. Жена Джорджа Себастьяна. Мать Бет Энн. Находится в Петре.

Абдулла Смит, около тридцати пяти. Бывший летчик-истребитель из Иордании. Бывший первый помощник на «Фениксе-216». Имитировал свою смерть в авиакатастрофе. Пилот отряда Скорби, ныне служит в Петре.

Рэйфорд Стил, чуть младше пятидесяти. Бывший первый пилот «Боинга-747» в компании «Пан-Континентал». Потерял жену и сына во время Восхищения. Потерял вторую жену в авиакатастрофе. Бывший пилот Верховного potentата Мирового Сообщества

Николае Карпати. Один из основателей отряда Скорби. Объявлен в международный розыск; в последний раз его видели возле Петры.

Елеазар Тибериус, чуть старше пятидесяти. Старейшина в Петре. Отец Наоми.

Наоми Тибериус, двадцать лет. Дочь Елеазара. Компьютерный гений. Влюблена в Чаня Вонга. Находится в Петре.

Кэмерон (Бизон) Уильямс, около тридцати пяти. Бывший старший репортер «Глобал уикли». Бывший издатель «Еженедельника Мирового Сообщества» при Карпати. Один из основателей отряда Скорби. Редактор интернетжурнала «Истина». Потерял жену Хлою на гильотине Мирового Сообщества. В последний раз его видели, когда он защищал Старый город в Иерусалиме.

Лайонел Уолем, чуть младше пятидесяти. Бывший бизнесмен. Бывший пилот Общества взаимопомощи. Состоит в отряде Скорби, служит в Петре в качестве нового руководителя Общества взаимопомощи.

Густав Цукермандель-младший (Зики, Зи), чуть младше тридцати. Специалист по подделке внешности и документов. Потерял отца на гильотине. Состоит в отряде Скорби, служит в Петре.

Новомученики:

Аль Б. (он же *Альби*), чуть старше пятидесяти. Жил в Басре (город к северу от Кувейта). Пилот. Бывший международный спекулянт. Состоял в отряде Скорби. Убит в Басре.

Цион Бен-Иегуда, чуть старше пятидесяти. Бывший раббин и израильский государственный деятель. Объявил о том, что верит в Иисуса как Мессию по международному телевидению, после чего убили его жену и двух детей-подростков. Бежал в США. Бывший духовный лидер и наставник отряда Скорби. Ежедневная аудитория в Интернете составляла более миллиарда человек. Учил еврейскую общину в Петре. Убит, защищая Старый город в Иерусалиме.

Хлоя Стил-Уильямс, около двадцати пяти. Бывшая студентка Стэнфордского университета. Потеряла мать и брата во время Восхищения. Дочь Рэйфорда. Жена Бизона. Мать Кенни Брюса (ему сейчас четыре с половиной года). Одна из основателей отряда Скорби. Бывший руководитель Международного общества взаимопомощи. Казнена на гильотине МС в бывшем Стейтвилльском коррекционном центре в городе Джолите, штат Иллинойс.

Враги:

Николае Джетти Карпати, чуть младше сорока. Бывший президент Румынии. Бывший Генеральный секретарь ООН. Самопровозглашенный потентат Мирового Сообщества. Убит в Иерусалиме. Воскрешен в Дворцовом комплексе МС в Новом Вавилоне. Возглавляет огромную Объединенную армию в долине Мегиддо. В последний раз его видели рядом с воротами Ирода на дороге Сулеймана в Иерусалиме.

Леон Фортунато, чуть младше шестидесяти. Бывший верховный главнокомандующий и правая рука Карпати. Ныне — высший преподобный отец карпатианства, прославляющий потентата как восставшего бога. Командный пост Объединенной армии, Мегиддо.

Вив Айвинз, чуть старше семидесяти. Всю жизнь дружит с Карпати. Тайный агент МС. Командный пост Объединенной армии, Мегиддо.

Сухайль Акбар, около сорока пяти. Возглавляет службу безопасности и разведки. Командный пост Объединенной армии, Мегиддо.

ПРОЛОГ

Из Армагеддона

Рэйфорд начал спускаться к другой стороне Петры. Это оказалось еще труднее, чем подниматься вверх. Он задержался у Чаня и Наоми чуть дольше, чем намеревался, так что Мак наверняка уже высматривает его, а Джордж думает, что он уже на месте.

Со своей высоты он хорошо видел армию, находившуюся в миле от него. Он потянулся за телефоном, чтобы заверить Мака, что едет, когда вдруг увидел, что что-то происходит. Передовые линии противника оттягивались назад — наверное, Джордж еще раз приказал пустить в ход лучевики.

На сей раз, однако, несмотря на возникший хаос, Объединенная армия не оставила удар без ответа. Рэйфорд услышал ответные выстрелы, подобные грому тысячемильной грозовой тучи. Он доста-

точно знал о снарядах, чтобы понять, что войска Карпати находятся еще далековато для навесного минометного обстрела. Снаряды будут падать, не долетая до периметра Петры.

Но он ошибся. Может, эти минометы были больше, чем обычные гладкие короткоствольные. Снаряды перелетали через периметр и теперь падали вокруг него. Когда один взорвался прямо перед ним, Рэйфорд чуть не вылетел из-за руля. Схватившись свободной рукой за руль, он увидел, как из окна вылетел его телефон и, ударившись о камень, полетел вниз с обрыва.

Его мотовездеход не слушался управления. Рэйфорда подбросило в воздух, и он понял, что летит, цепляясь одной рукой за руль. Приземлился он очень жестко, машина подскочила и полетела в сторону. В голове у него было только одна мысль — расшибется он или нет. Вскоре и этого выбора не осталось. Машина еще раз подбросила его, и на сей раз он выпустил руль. Ударившись о землю и перекатившись, он увидел, как мотовездеход разваливается на ходу, а потом врежется в скалу и летит в долину.

Рэйфорд напомнил себе, что не следует пытаться остановить собственное падение. Он свернулся клубком и попытался расслабиться, изо всех сил борясь с естественным инстинктом. Склон был слишком крутым, скорость слишком высокой, чтобы себя контролировать. Лучшее, что он мог сделать, — подыскать местечко для падения помягче.

Взрыв примерно в десяти футах справа от него оглушил его и отбросил в сторону. Рэйфорд ударился виском о камень и услышал что-то вроде гула воды, когда покатился по колючкам. Хотя выглядели они устрашающе, все же были помягче того, обо что он ударился.

Рэйфорд сумел переместить вес, когда полетел в колючие заросли, потому падение его замедлилось. Вот тогда он и понял, что это за звук текущей воды. С каждым ударом бешено бьющегося сердца из раны на виске его кровь била на шесть футов.

Он зажал рану ладонью и ощутил напор крови. Он прижал ладонь изо всех сил и понял, что может хоть немного замедлить потерю крови. Но теперь он был в опасности — в смертельной опасности. Никто не знал, где он находится в настоящий момент. У него не было связи, не было транспорта. Он даже не хотел осматривать свои раны — по сравнению с дыркой в голове все они были просто пустячными. Ему надо было найти помощь — и быстро, — иначе через несколько минут с ним будет кончено.

Руки Рэйфорда были в ссадинах, он ощущал острую боль в обоих коленях и лодыжке. Он свободной рукой подтянул брючину и тут же пожалел об этом. С лодыжки словно было срезано мясо до кости.

Сможет ли он идти? Осмелится ли хотя бы попробовать? Он был слишком далеко от любой точки, куда мог бы добраться ползком. Он подождал, пока сердцебиение успокоится и вернется душевное равновесие. Он сейчас где-то в миле от Мака и его людей и увидеть

их он не может. Назад наверх ему не взобраться. Он сел на корточки, одной рукой отчаянно пытаясь зажимать рану, чтобы не истечь кровью.

Попытался встать. Слушалась только одна нога — именно та, которая практически осталась без лодыжки. Наверное, на второй была сломана берцовая кость. Он пытался прыгать, но наклон был таким, что его снова понесло вперед. И на сей раз он снова потерял контроль над собой. Он пытался прыгать, чтобы не упасть, но с каждым прыжком лишь набирал скорость. Но руку от виска он не отнимал и старался делать все, чтобы в конце концов не упасть на что-то более твердое.

— Господи, самое время Тебе явиться.

* * *

Чань почувствовал, что что-то вот-вот начнется. Ему удалось перехватывать сигналы от геостационарных спутников, поддерживавших связь в многомиллионных войсках. Они были готовы начать наступление, и командование должно было об этом узнать.

Он позвонил Джорджу.

— Ждите наступления в течение шести-десяти секунд, — сказал он.

— Нас уже обстреливают, — крикнул в ответ Джордж. — Или ты имел в виду другое?

— Да, они сейчас двинутся.

— Рэйфорд у тебя?

— Да, был недавно. Он едет к Маку.

— Спасибо. Позвони Маку, ладно? Я проинформирую остальных.

Чань перезвонил Маку и сообщил то же самое.

— Эй, — сказал Мак, — я не могу дергать Себастиана, а Рэй что-то задерживается.

— Он в пути, — сказал Чань.

Он позвонил Бизону:

— Ждите наст...

Но связь прервалась. Он перезвонил. Ответа не было.

* * *

— Они идут! Они идут!

Бизон услышал крик молодого повстанца в тот самый момент, как зазвонил его телефон и он увидел, как из-за музея Рокфеллера прямо на него полетел зажигательный снаряд. Он увидел, как Объединенная армия двинулась сразу со всех направлений как раз в тот момент, когда прижал к уху телефон. Бомба ударила в стену перед ним и отскочила.

Он узнал голос Чаня за мгновение до того, как взрыв проделал дыру в стене. Камни и шрапнель полетели во все стороны, изрешетив весь его правый бок. Телефон был разбит, он выронил «узи». Когда камни под ним поехали, он понял, что что-то не так с его бедром и шеей.

Одного из подростков, что стояли рядом с ним, подбросило в воздух и швырнуло на мо-

стовую. Бизон был намерен падать вместе со стеной. Он потрогал шею и ощутил текущую кровь. Он не имел медицинского образования, но предположил, что что-то перебило его сонную артерию. Это было серьезное ранение.

Когда стена начала заваливаться, он балансировал и переступал ногами, чтобы не упасть, но одной рукой ему приходилось зажимать рану. «Узи» соскользнул на левый локоть, но когда он упер его во что-то, чтобы держать равновесие, автомат соскользнул вниз. Бизон был смертельно ранен, безоружен, он падал.

А враг наступал.

* * *

Рэйфорд мог остановить падение только свободной рукой, не осмеливаясь отнять другую руку от раны на виске. Его подбородку досталось не меньше, чем его запястью, пока он скользил по склону с наклоном примерно в сорок пять градусов. Идти он не сможет. Остается только ползти и пытаться выжить.

* * *

Бизон попал ногой в трещину неустойчивого каменного блока и полетел головой вперед. Он повис вниз головой с внутренней

стороны шатающейся стены Старого города. В его бедре была рваная рана, которая тоже кровоточила. Кровь прилила к его голове.

* * *

Даже в техцентре скального города Чань ощутил дрожь земли от шага миллионов солдат, надвигавшихся на Петру. Он переключался с одного на другое, пытался делать звонки. Сколько же еще Господь будет терпеть прежде, чем пошлет сюда Царя и Победителя?

* * *

Борясь с подступающим беспамятством, он осторожно пытался продвигаться вперед, опираясь одной рукой, а второй зажимая рану. С каждым дюймом склон казался все круче, земля все больше уходила из-под него. С каждым ударом сердца, с каждым толчком крови, с каждым приступом боли он все больше сомневался, что все это имеет смысл. Важно ли ему остаться в живых? Зачем? Ради кого?

— Иисусе, приди же!

Голова кружилась все сильнее, боль терзала его. Наверное, ему еще и пробило легкие. Дыхание выходило со свистом, мучительно, болезненно. Первым признаком

конца стала безумная пляска сердца. Оно то скакало, то останавливалось, то трепетало. Слишком большая потеря крови. Не хватает для питания мозга. Слишком мало кислорода. Вялость была сильнее паники. Погрузиться в беспамятство, отдохнуть...

И он сдался. Легкие готовы были лопнуть. Сердце задрожало и остановилось. Кровь перестала бить фонтаном, растекаясь лужицей.

Он ничего не видел широко открытыми глазами.

— Господи, прошу Тебя...

Он услышал приближение вражеской армии. Он ощущал его. Но вскоре он перестал ощущать что бы то ни было. В жилах не осталось крови, в легких не осталось воздуха. Его тело обмякло.

Он умер.

* * *

«И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются; тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою».

Евангелие от Матфея 24: 29—30

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мак МакКаллам рассматривал границу Петры через мощный полевой бинокль. Рэйфорд уже должен был прибыть к нему.

Часы Мака показывали 13:00 — час дня, Время Карпати. На солнце было около сорока градусов. Капельки пота стекали с рыжих с проседью волос, выбивавшихся из-под фуражки, и уже насквозь промочили ворот рубашки. Мак не чувствовал даже малейшего дуновения ветерка; он задумался, как же будет выглядеть со своими веснушками через несколько дней.

Не отнимая бинокля от глаз, Мак достал телефон и набрал номер Чаня Вонга в компьютерном центре.

— Где Рэй?

— Я собирался спросить то же самое, — сказал Чань. — Он уехал сорок пять минут назад, и больше его никто не видел.

— Что известно о Бизоне?

Мак заметил неуверенность в его голосе.

— Ничего нового.

— С каких пор?

— М-м-м, Рэйфорд говорил с ним с утра.

— И?..

Опять пауза.

— Ничего особенного.

— Что ты пытаешься сказать, Чань?

— Ничего.

— Я понял. Что случилось?

— Ничего такого, чего нельзя было бы исправить после...

— Не надо со мной заниматься демагогией, дружище. — Мак продолжал рассматривать каменистые склоны; несмотря на весь опыт и возраст, он не смог сдержать волнения. — Если ты не расскажешь мне, я позволю ему сам.

— Бизону?

— Ну а кому еще?

— Я пытался. Датчики показывают, что его телефон не работает.

— Отключен?

— Вряд ли, мистер МакКаллам.

— Так я и думал. Сломался? Поврежден?

— Надеюсь на первое, сэр.

— Хотя бы GPS работает?

— Нет, сэр.

* * *

Хаим Розенцвейг не спал этой ночью и лишь дважды подкрепился манной, так что

он ожидал, что вот-вот почувствует усталость. Но нет, судя по его подсчетам, все должно было случиться сегодня. От ожидания уже распирало грудь и голову. Мысли метались, а сердце учащенно билось в ожидании величайшего события в истории человечества.

Главные советники старика, полдюжины старейшин, сидели вместе с ним в глубоких пещерах Петры. Елеазар Тибериус, комплекцией напоминавший огромный шар, сообщил, что больше миллиона пилигримов, находящихся под их началом, тоже очень обеспокоены. Он спросил, нельзя ли что-нибудь сказать им.

— У меня есть одна идея, — сказал Хаим. — Но я не знаю, чего они ждут от меня.

— Я не так опытен в этом, как вы, рабби, но...

— Прошу вас, — Хаим поднял руку, — оставьте этот титул доктору Бен-Иегуде. Я всего лишь ученик, оказавшийся в таком положении...

— Тем не менее, — продолжил Елеазар, — мне кажется, что народ, как и я, с нетерпением ждет, чтобы узнать точное время пришествия Мессии. Если оно, как вы с доктором Бен-Иегудой так долго утверждали, произойдет через семь лет после заключения договора между Антихристом и Израилем, значит ли это, что все случится минута в минуту? Насколько помню, договор подписали примерно в четыре часа дня по израильскому времени ровно семь лет назад.

Хаим улыбнулся:

— Понятия не имею. Я знаю одно: Бог ведет собственный счет времени. Верю ли я, что Мессия явится сегодня? Да. Доставит ли мне какие-либо неудобства, если Он явится только завтра? Нет. Моя вера не пошатнется. Но я ожидаю Его очень скоро.

— Так что вы задумали?

— Хочу занять умы людей, пока мы ждем. Я нашел видеодиск с очень проникновенной проповедью, прочитанной еще до наступления нового века одним проповедником, который, конечно, уже давным-давно в раю. Предлагаю созвать всех и показать им запись.

— Господь может явиться во время просмотра, — сказал один из старейшин.

— Тем лучше.

— Среди нас по-прежнему есть неверующие, — сказал Елеазар.

Хаим покачал головой:

— Признаюсь, это озадачивает и беспокоит меня, но вместе с тем это соответствует пророчеству. Есть люди, находящиеся в безопасности в Петре, считающие, что Иисус — самый влиятельный человек из когда-либо живших на Земле, но при этом еще не верующие в Него. Они не признают Его как давно ожидаемого Мессию, они не признали Его своим Спасителем. Эта проповедь — евангелистская. Может быть, многие из тех, кто еще не определился, все-таки примут решение до явления Мессии.

— Это лучше, чем ждать самого пришествия, — заметил кто-то.

— Соберите людей к двум часам, — сказал Хаим, поднимаясь. — Давайте завершим собрание молитвой.

— Прошу прощения, — произнес Елеазар, — но ощущаете ли вы отсутствие доктора Бен-Иегуды так же сильно, как я?

— Сильнее, чем вы можете себе представить, Елеазар. Помолимся же за него прямо сейчас, а потом я позвоню ему. Мне не терпится передать людям весточку от него и узнать новости о событиях в Иерусалиме.

* * *

Мак разглядел в бинокль разноцветные металлические обломки, блестевшие на солнце примерно в миле от него. О нет!

Красный топливный бак и шина были очень похожи на те, что стояли на квадроцикле Рэйфорда. Пытаясь унять дрожь в руках, Мак посмотрел по сторонам, надеясь увидеть своего друга. Квадроцикл, похоже, разбился или от попадания ракеты с тепловым наведением, или от падения. «Возможно, даже хорошо, что Рэйфорда нет поблизости», — подумал он.

Мак снова позвонил Чаню.

— Прости за беспокойство, — сказал он, — но виден ли на твоём радаре телефон Рэя?

— Я боялся этого вопроса. Он тоже не работает, но GPS-передатчик пока действует. Телефон находится глубоко в узкой расще-

лине примерно в четырех с половиной тысячах футов ниже вас.

— Я иду туда.

— Подождите, мистер МакКаллам.

— Что?

— Я вижу это место через одну из камер. Человек в этой расщелине не поместится.

— Ты видишь телефон?

— Нет, но я знаю, что он там. Это не может быть ничем другим. Расщелина слишком узкая.

— А его квадроцикл ты видел?

— Я ищу его.

— Я уже нашел. Если телефон точно к югу от меня, то смотри примерно на двадцать градусов к востоку.

— Подождите немного... Вижу его.

— Но Рэя поблизости нет, Чань. Я пойду искать его.

— Сэр, может быть, пошлете кого-нибудь другого?

— Зачем? Я тут баклуши бью. Большой Пес-1 контролирует войска.

— Если честно, я бы предпочел, чтобы вы отправились в Иерусалим.

— Что происходит?

— Приходите ко мне, мистер МакКаллам. Я уважаю уверенность капитана Стила, но, думаю, вам и доктору Розенцвейгу нужно знать все.

Мак добрался до технического центра, скрытого глубоко в недрах Петры, примерно в половине второго. Хаим встал, чтобы поздороваться, а Чань лишь поприветствовал

его взглядом и снова уткнулся в многочисленные экраны. Лишь после того, как Чань сделал все необходимое, он отошел от своей приборной панели, и они втроем сели подальше от посторонних ушей. Впрочем, Мак заметил, что техники и другой персонал постоянно бросали взгляды в их сторону.

— Я не смогу смягчить удар, — начал Чань. — Этим утром капитан Стил передал нам с Наоми сообщение от мистера Уильямса. Доктор Бен-Иегуда убит в бою на улицах Иерусалима.

Мак оцепенел. Хаим закрыл лицо руками.

— Надеюсь, ему не пришлось испытать ужасных мук, — проговорил старик.

— Сейчас пропал капитан Стил и...

— Что? И он тоже? — воскликнул Хаим. — А я никак не могу дозвониться до Кэмерона...

— Я просто подумал, что вы оба должны это знать. Ну, я знаю, что завтра это все, может быть, уже не будет иметь значения.

— А может быть, уже сегодня в четыре часа, — сказал Хаим. — Вопрос в том, что нам делать и говорить сейчас.

— Мы делаем все, что можем, — ответил Мак. — Я послал Абдуллу Смита на поиски Рэя. Чань считает, что я должен отправиться в Иерусалим.

Хаим удивленно поднял голову.

— Да, так оно и есть, — сказал Чань. — Судя по тому, что осталось от машины и телефона капитана Стила, велика вероятность, что мистер Смит найдет лишь его останки. Простите за прямоту.

— Но лететь в Иерусалим сейчас? — спросил Хаим. — Просто чтобы убедиться, что Кэмерон...

— Я бы на его месте хотел именно этого, — сказал Мак. — Я знаю, что он, возможно, тоже погиб, да и в любом случае скоро явится Иисус, но, раз Цiona больше нет, я постараюсь хотя бы Бизона вытащить оттуда и доставить к нам.

— Даже если всего на час. — Хаим скорее утверждал, а не спрашивал.

— Как я уже сказал, я бы хотел именно этого.

— А что сказать людям? — спросил Хаим.

Через несколько минут Мак зашел в комнату Гуса Цукерманделя и сообщил молодому человеку о своих планах.

— Я собираюсь отбыть через десять минут, Зи.

— Дадите мне двадцать?

— Пятнадцать.

— Идет.

— Что тут у тебя? — спросил Мак, когда специалист по подделкам открыл ящик, порывшись в папках и бросил одну из них на стол.

— Ваши новые документы, — сказал Зики, широким жестом открыв шкаф с вещами. Там висели две дюжины черных униформ Объединенной армии Мирового Сообщества — от шлемов с зеркальными забралами до высоких сапог. — Найдите ту, которая подойдет вам, пока я работаю с бумагами. Не забудьте перчатки. Сейчас уже никто не проверяет меток верности, но на всякий случай...

— Как ты это делаешь, Зи? — спросил Мак, снимая с вешалки форму своего размера.

— Мне помогают. Ребята Себастьяна убили нескольких солдат, а у меня есть несколько помощников, которые выбегают за территорию и собирают их вещи — бумаги, одежду и прочее.

— Оружие?

— Конечно.

Когда Мак переоделся в идеально подошедшую ему форму, он увидел, что Зики готовит какое-то варево.

— Отлично выглядите, Мак, — сказал тот. — Проблема в том, что вам придется стать чернокожим.

— И ты сделаешь это за несколько минут?

— Если вы готовы.

— Я готов на все.

Мак снял шлем, куртку, рубашку и перчатки. Зики выкрасил его лицо и шею в темно-коричневый цвет.

— Не снимайте шлем — у нас нет времени на нормальную покраску волос.

— Хорошо.

— Давайте на всякий случай сделаем и руки. — Зики покрасил кожу Мака от предплечья до кончиков пальцев. — Краска засохнет через две с половиной минуты. Потом сделаем фотографию, и можете отправляться в дорогу. Передавайте наилучшие пожелания Бизону и Циону.

Мак поколебался, прежде чем ответить:

— Обязательно. Зики, ты гений.

Молодой боец фыркнул:

— Я просто служу здесь.

Уже на бегу к вертолету Мак дозвонился Абдулле Смиту.

— Пока ничего, Мак. Я сообщу тебе, как только что-нибудь обнаружу.

Взлетая, Мак увидел, как толпы людей из всех уголков Петры стекаются на центральную площадь.

* * *

Хаима тревожило настроение толпы. Такой большой аудитории он еще в Петре не собирал; люди шумели, явно беспокоились. Он слышал нервный смех, видел, как многие обнимаются. Когда один или двое поднимали глаза к небу, то же самое делали сотни, если не тысячи.

— Мои любимые братья и сестры во Христе, — начал Хаим, — а также ищущие и нерешительные среди нас, прошу, постарайтесь успокоиться. Пожалуйста! Я знаю, мы все ждем возвращения нашего Господа и Спасителя, и я не могу помыслить о величайшем благословении, чем Его явление во время моей речи. Но...

Его прервал гром аплодисментов и крики. Хаим жестом попросил всех сесть.

— Я разделяю ваш восторг! И хотя я знаю, что вы не будете думать ни о чем ином, пока Он не явится, я считаю, что сегодня нуж-

но еще сильнее сосредоточиться на Нем. Я знаю, что среди нас есть многие, кто отказывается принять какое-либо решение, пока Он не явится. Считайте мою речь последней попыткой убедить вас не ждать. Мы не знаем, что постигнет нас в тот момент, позволит ли Бог зубоскалам, насмешникам и сомневающимся поменять решение. Молитесь, чтобы Он не заставил зачерстветь ваши сердца из-за непокорности или неверия. Вы все видели достаточно свидетельств, чтобы не сомневаться в истинности Божьего промысла.

Пока мы смотрим и ждем, послушайте мысли великого проповедника, жившего десятилетия назад. Его звали доктор Шадрах Мешах Локридж, и его проповедь называется «Это мой Царь»...

Хаим знаком попросил включить диск. Изображение проецировалось на две белых стены из гладкого камня высотой в несколько этажей, где его могли увидеть все. Звуковая система доносила слова даже до самых дальних уголков города.

Локридж был оживлен и громогласен, часто прерывая собственные громовые выкрики шепотом и широкими улыбками. На диске сохранилась запись самого конца проповеди, и Локридж набирал ход.

— В Библии говорится, что мой царь — семикратно царь. Он — царь иудейский, царь народа. Он — царь Израиля, царь страны. Он — царь праведности. Он — царь веков. Он — царь небесный. Он — царь славы. Он — царь царей. Он не только семикратно

царь, но еще и Господь господствующих. Это мой царь. Мне интересно, знаете ли вы его?

Сотни тысяч заплодировали; многие встали, но снова сели, когда Локридж продолжил:

— Давид сказал: «Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь». Мой царь — верховный царь. Никакими мерками не измерить Его безграничную любовь. Ни в один самый зоркий телескоп не увидать берега его безбрежного изобилия. Ни один барьер не сможет помешать Ему излить Свое благословение.

Его сила не убывает. Он совершенно искренен. Он навеки верен. Он бессмертно благодатен. Он бесконечно властен. Он беспристрастно милостив. Знаете ли вы Его?

Многие закричали, что знают.

— Он — величайшее явление из всех, что случались когда-либо в этом мире. Он — Сын Божий. Он — Спаситель грешников. Он — краеугольный камень цивилизации. Он стоит в уединении с Собой. Он честен, и Он уникален. Он бесподобен. Он беспримерен.

Он — наивозвышенная идея литературы. Он — величайшая личность философии. Он — высочайшая проблема высшей критики. Он — фундаментальная доктрина истинного богословия. Он — ядро, необходимое для духовной религии. Он — чудо веков. Да, Он таков. Он — превосходная степень любого эпитета, которым вы захотите назвать Его. Он — единственный, кто может обеспечить нашу самодостаточность. Мне интересно, знаете ли вы Его сегодня?

Проповедник продолжал говорить. Все больше слушателей вставали; некоторые поднимали руки, другие выкрикивали слова одобрения, третьи кивали.

— Он дарует силу слабым. Он доступен испытанным и искушенным. Он сочувствует, и Он спасает. Он укрепляет и поддерживает. Он охраняет, и Он ведет. Он исцеляет больных. Он очищает прокаженных. Он прощает грешников. Он избавляет должников от долгов их. Он освобождает пленных. Он защищает немощных. Он благословляет молодых. Он служит несчастным. Он заботится о старых. Он награждает старательных. И Он украшает смиренных. Мне интересно, знаете ли вы Его.

Вот это мой царь. Он — ключ к знаниям. Он — источник мудрости. Он — дверь к избавлению. Он — путь к миру. Он — дорога праведности. Он — столбовая дорога святости. Он — врата славы. Знаете ли вы Его?

Его службы многочисленны. Его обещания правдивы. Его жизнь несравненна. Его добро безгранично. Его прощение вечно. Его любовь никогда не меняется. Его слов довольно. Его благодати достаточно. Его царствование праведно. Его иго благо, и бремя Его легко. Хотелось бы мне по-настоящему описать Его вам.

После этих слов раздался взрыв смеха и новые аплодисменты. Та же реакция была и у слушателей настоящей проповеди Локриджа; тот замолчал, позволив смеху стихнуть, и лишь потом продолжил:

— Он неописуем. Он непостижим. Он не-
уязвим. Он неодолим. Невозможно изгнать
Его из своего разума. Невозможно заставить
Его отпустить вашу руку. Вы не можете пе-
режить Его и не можете жить без Него. Фа-
рисеи не выносили Его, но обнаружили, что
не могут остановить Его. Пилат не нашел у
Него ни единого изъяна. Ирод не смог убить
Его. Смерть не смогла справиться с Ним, и
могила не удержала Его. Вот мой царь!

Уже все вскочили на ноги и подняли руки
к небу, многие аплодировали и кричали, не-
которые стали танцевать.

— Да придет царствие Твое, и власть, и
слава, отныне и присно и присно и присно!
Насколько это долго? И присно и присно!
А когда вечность пройдет, тогда мы скажем
«аминь»! Боже Всемогуций! Аминь!

* * *

Когда Мак увидел скалистые холмы Иудеи,
между которыми, дымясь на дневном солн-
це, лежал Иерусалим, он уже начал сомне-
ваться, найдет ли Бизона. Если с ним все в
порядке, почему он не взял у кого-нибудь те-
лефон, чтобы сообщить об этом? Последнее,
что было известно от Чаня, — Бизон расска-
зал Рэйфорду о смерти Циона, находясь в
Старом городе.

Хотя многомиллионные армии всего
мира, ныне слившиеся в Объединенную ар-

мию Мирового Сообщества, возглавляемую Карпати, растянулись от севера Иерусалима до древнего Эдома, с воздуха было отлично видно, что основная атака сейчас идет именно на Старый город.

Мак поискал, где бы приземлиться. Он должен выглядеть как офицер МС на задании — прийти пешком в Старый город, притворяясь, будто знает, что делает. На самом деле он вообще не представлял, что делать. Площадь Старого города составляла всего треть квадратной мили. Если он найдет Бизона живым, что ему делать? Арестовать его и силой увести в вертолет? В конце концов Мак решил, что найти Бизона, живого или мертвого, будет не легче, чем полосу сухой земли в болотах Луизианы.

Записал телефон Мака; на определителе появился номер Чаня.

— Я хочу услышать хорошую новость.

— Например?

— Например, что разбитый телефон Бизона внезапно начал показывать его местоположение.

— Нет, такого я вам не скажу. Но кое-что у меня есть. Карпати в ярости из-за уничтожения Нового Вавилона, и он забирает тепло у всего мира.

— Тепло?

— Все, кто зависел от Нового Вавилона, оплакивают его разрушение. Я вижу телевизионные репортажи отовсюду: президенты, дипломаты, бизнесмены — да кто угодно — буквально плачут, осуждая то, что случилось

с Новым Вавилоном и их собственными интересами. Некоторые из них даже совершили самоубийство прямо перед камерой.

— Да не может быть, чтобы МС допустило такое в прямой эфир.

— Нет, *они*, конечно же, не пускают. Но у вашего покорного слуги все еще есть свои способы.

— Это все отлично, Чань, но как это поможет мне найти Бизона?

— Вы не найдете Бизона, мистер МакКаллам.

— Что? Ты точно это знаешь?

— Я лишь подтверждаю очевидное.

— В тебе мало веры.

— Простите. Но я подумал, что раз уж вы там, причем под прикрытием, вам будет интересно узнать, где находится Карпати.

— Мне наплевать, где он. Я здесь, чтобы найти Бизона.

— Тогда хорошо.

— Но смеха ради все-таки скажи, где он. В последний раз, я слышал, как он говорил в мегафон у ворот Ирода. Пришел туда из своего бункера неподалеку от Галилейского моря. Если, конечно, это не была просто трансляция его голоса.

— Нет, это действительно он. Он переместил весь свой командный пункт в Старый город.

— Невозможно. Я сейчас смотрю на него сверху, он просто переполнен...

— Я тоже так думал, пока не услышал, куда именно. Под землю.

— Ты имеешь в виду...

— Конюшни Соломона.

— Как мне туда попасть?

— Идите за кем-нибудь. Карпати разместил там целый полк, а я вписал ваше новое имя в список.

— Ты поступил неосторожно, Чань.

— Почему?

— Что, если я решу не идти туда, кто-нибудь обнаружит, что меня нет, а потом меня увидят в другом месте?

— Ну... да, есть такая возможность. Скажите им, что вы в пути.

— А что, если я не буду в пути? Нет, я с удовольствием побыл бы твоими глазами и ушами, Чань, но моя главная задача — найти Бизона. Да и в любом случае, что бы мы ни узнали о Карпати, это сейчас уже яйца выеденного не стоит. То, что должно случиться, случится. Можешь вычеркнуть меня из списка?

— Не вызвав подозрений — не смогу. Простите, мистер МакКаллам, я думал, что делаю все правильно...

— Не переживай. Завтра все это будет уже не важно.

Мак увидел, как армия МС и вертолеты направляются к гробницам пророков, к югу от Масличной горы и к востоку от Старого города. Выгруженные из вертолетов бойцы тут же садились в джипы, караваном отправлявшиеся к месту сражения. На часах было 14:45, когда Мак выбрался из своего вертолета, один из офицеров тут же показал ему

на бронетранспортер. Мак отсалютовал и неспешно направился к нему. Он присоединился к дюжине одетых в такую же форму солдат, которые поприветствовали друг друга лишь безмолвными кивками. Дорога прошла в полной тишине.

Кавалькада направилась на север по Иерихонской дороге, затем повернула налево перед музеем Рокфеллера на улицу Сулеймана.

— Мы едем к воротам Ирода? — спросил кто-то.

— Они разве открыты? — спросил в ответ другой солдат.

— Мы едем к Дамасским воротам, — объявил водитель.

Когда они проезжали ворота Ирода, Мак, как и все остальные, выглянул в окошко в торце машины. Силы сопротивления все еще непостижимым образом удерживали ворота.

— Если вы в отряде потентата, — сказал водитель, — идите за мной ко входу в конюшни. Всем остальным идти на базу, расположенную у церкви Бичевания. Когда наберется достаточно людей, мы нападём на мятежников сзади и выдавим их через ворота Ирода.

Мак почувствовал гордость за то, что удалось добиться Циону и Бизону до того, как раббин погиб. Если они были у ворот Ирода, то помогали удерживать их против подавляющих сил противника. Не имея никакой боевой подготовки.

Мак подумал, что Бизон, скорее всего, согласится, что Цион не захотел бы, чтобы его тело забирали из Старого города. Он лишь надеялся, что Бизону удалось найти подходящее место, чтобы похоронить раббина. Тела убитых в бою очень быстро затапывали до неузнаваемости. Завтра, конечно, и это не будет иметь значения, но Мак знал, что у Бизона по этому вопросу такое же мнение, как и у него.

Мак отчаянно боролся с болью. Бизон ни за что не заставил бы их так долго беспокоиться. Если бы он был жив, то обязательно сообщил бы об этом.

Когда бронетранспортер остановился и водитель отдал приказ, Мак и солдаты выбрались из него и последовали в указанном направлении. Мак отстал от группы на несколько шагов и позвонил Чаню.

— Есть что-нибудь? — тихо спросил он.

— Ничего.

— У меня ничего не получится?

— Что вы хотите услышать, сэр?

— Ты знаешь.

— Я не хочу притворяться, мистер Мак-Каллам.

— Рад слышать. Может быть, мне действительно стоит пойти в мой новый полк.

— В командный центр?

— Да. Я знаю, у меня, наверное, с мозгами что-то не в порядке, но мне очень хочется быть рядом со стариной Ником, когда придет Иисус.

* * *

Чань почувствовал сильные пальцы Наоми на своей шее.

— Ты напряжен, — сказала она.

— А ты — нет? — ответил он.

— Расслабься, любимый. Мессия грядет.

Чань не смог заставить себя отвернуться от экранов.

— Я очень не хочу, чтобы до этого еще хоть кто-то погиб. Сколько бы я ни говорил себе, что они умрут совсем ненадолго, сейчас все уже кажется таким бессмысленным. Я не хочу, чтобы кому-то было больно и тем более чтобы кто-то страдал и умирал. Отправить на задание мистера МакКаллама было моей идеей.

— Но он очень обрадовался, так ведь?

— Я знал, что он обрадуется. Хотелось бы мне самому пойти.

— Ты же знаешь, что это место не сможет работать без тебя...

— Не начинай, Наоми.

— Ты знаешь, что это правда.

— Тем не менее я отправил его туда ради собственного интереса. Он ни за что не найдет Бизона, а если и найдет, то Бизон будет уже мертв. Так что же должен делать Мак? Если его раскроют, то сразу же убьют. А за что? Он мог бы быть здесь, наблюдая за Явлением вместе со всеми.

Наоми поставила рядом с Чанем стул и села.

— А что слышно от мистера Смита?

Чань вздохнул:

— Это тоже оказалось пустой тратой сил и личного состава. Пока что он ничего не нашел. Либо капитана Стила разнесло на куски ракетой, либо он погребен под песком.

— Он не мог уползти в безопасное место?

— Под этим солнцем нет безопасных мест, Наоми.

— Я это и имею в виду. Может быть, он нашел тень или построил какое-нибудь укрытие от жары.

Чань пожал плечами:

— Пожалуй, это лучший из возможных вариантов. Но тогда он бы наверняка оставил нам какой-нибудь знак.

— Может быть, он слишком тяжело ранен или ему просто нечем было оставить знак?

— Он мог сложить палочки, или камни, или хотя бы оставить кусок ткани.

— Если мог, — сказала Наоми.

Зазвонил телефон Чаня; оба подскочили от неожиданности.

— Да, мистер Смит?

— Я напал на его след. По крайней мере, некоторое время он двигался.

— Что вы нашли?

— Боюсь, это кровь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мак никогда не видел древние стены Иерусалима в таком состоянии. Повстанцам каким-то образом еще удавалось удерживать ворота Ирода, которые полоторые до сих пор называли Цветочными воротами. Стену по обе стороны ворот повредили до такой степени, что вместо обычных сорока футов она стала чуть ли не вдвое ниже. Прорыв Объединенной армии был лишь вопросом времени.

Но сейчас нападающие сосредоточивались в другом месте. Мак убедился, что идет последним, когда его подразделение пробежало через Дамасские ворота. Таким образом он мог в любое время сбежать. Он найдет вход в подземные конюшни, но не раньше, чем хотя бы попытается найти Бизона.

Маку было уже за шестьдесят, но он подерживал физическую форму ежедневны-

ми пробежками. Позаимствованная у врага форма сидела идеально, словно ее шили специально для него, но от ботинок останутся мозоли. На бегу, неотличимый от других, точно так же одетых захватчиков, он успел подумать об иронии ситуации — снайпер мог запросто пустить ему пулю в лоб, не подозревая, что он на самом деле на их стороне.

Мак уже насмотрелся всякой резни за семь лет, но ничто не могло подготовить его к тому зрелищу, которое ожидало его, когда их маленький отряд размеренным шагом вошел в Старый город.

Узкие мощеные улицы, змеившиеся среди рынков и переполненных домов, были настолько завалены телами раненых и убитых, что приходилось постоянно следить, чтобы не наступить на них. Мак осматривался по сторонам в поисках Бизона, молясь, чтобы не найти его на земле.

В нос Маку лезли запахи дыма, пота, пороха, горячей плоти, навоза и тошнотворно-приторный аромат перевернутых фруктовых и овощных лотков. Мак вздрогнул, услышав два выстрела, но затем увидел, что офицер Объединенной армии просто пристрелил раненую лошадь и мула.

Кто-то объявил через мегафон, что Объединенная армия захватила Армянский квартал на востоке, Христианский квартал на западе и большую часть Еврейского квартала рядом с Храмовой горой. Мятежники все еще удерживали Храмовую гору на юго-востоке и Мусульманский квартал

на северо-востоке — от ворот Ирода почти до самой церкви Бичевания. Маку стало интересно, как Карпати и его прислужникам удалось добраться до Конюшен Соломона под Храмовой горой.

Он молился, чтобы Бизон оказался где-то в Мусульманском квартале или на Храмовой горе, понимая, что если найдет его где-нибудь еще, то, скорее всего, мертвым. Если бы только Маку удалось взять Бизона «в плен» и устроить убедительный спектакль, вытащив его из Старого города...

Пехотинцы Объединенной армии собрались в западной части церкви Бичевания, не переходя на другую сторону, чтобы не попасть под огонь повстанцев. Командир МС крикнул, чтобы собравшиеся готовились к штурму Вифесды после следующего артиллерийского залпа.

— Повстанцы, похоже, построили там раку для погибшего раббина. Их будет легко найти. Тело спрятано, но они окружили его людьми и картонными плакатами, умолая, чтобы никто не осквернял место его упокоения. Меньше чем через пять минут залп из миномета полностью уничтожит это место. Мы обстреляем анклав таким образом, чтобы они не смогли сбежать через Львиные ворота на востоке. Выживших выдавят на север, к воротам Ирода, а мы будем их преследовать. Они сами откроют те самые ворота, которые так яростно защищали со вчерашнего дня.

Командир стал раздавать приказания отрядам и взводам. Одни направятся к купаль-

ням после обстрела, другие — нападут на повстанцев, которые будут отступать к воротам Ирода.

Мак задумался. Теперь уже никуда не сбежать. Он глубоко завяз. Он, конечно, не станет стрелять по врагам Объединенной армии, но и рисковать, нападая на бойцов МС, тоже нельзя. Повстанцы, несомненно, с глупой настойчивостью защищали останки Циона, и он не мог представить, что в этом мог участвовать Бизон. Бизон, конечно, попытался бы построить гробницу, но он наверняка отлично понимал, что пытаться защитить ее бесполезно и бессмысленно.

Была ли такая молитва, которая посреди наступающего хаоса помогла бы Маку снять шлем и быть узнанным хоть кем-нибудь из повстанцев? Не все повстанцы даже были верующими. Один мог его узнать, а другой в это время — выстрелить. Что он здесь делает? Его шансы были намного меньше, чем он рассчитывал, и с каждой секундой все уменьшались.

«Приди, Господи Иисусе».

* * *

Чань организовал трансляцию проповеди С.М. Локриджа на весь мир, взломав телецентр Мирового Сообщества. МС все лучше удавалось противостоять подобным попыткам взлома, но проповедь была достаточно

короткой и закончилась раньше, чем они успели отреагировать. Кроме того, Чань наблюдал за реакцией собравшихся в Петре.

— Время выйти на солнце и увидеть все своими глазами, — сказала Наоми.

— Я, можно сказать, заперт здесь, — ответил он.

— Ты больше ничего не можешь сделать, — возразила она. — Ты ведь не хочешь сидеть тут, когда придет Иисус?

Он посмотрел на часы:

— Если старейшины правы, у меня еще есть время. Поверь мне, я выйду до четырех часов. Знаешь, что самое странное? Репортажи со всего мира, которые Карпати ни за что не разрешил бы пустить в эфир.

— Все плачут из-за разрушения Вавилона?

— Именно. Они не представляют, что грядет дальше, так что не знают, что может быть хуже.

— Но посмотри, — сказала Наоми, показывая на экран, наблюдавший за толпой в Петре. — Сотни, может быть, даже тысячи стоят на коленях. Пойдем посмотрим, может быть, кому-нибудь нужна помощь или...

— Подожди минуту. Дай я покажу тебе кое-что... посмотри.

Но в отражении экрана Чань увидел, что она уходит. Он понимал, что она права, так что поднялся, чтобы пойти за ней, и сразу ощутил, как долго сидел на одном месте. Все тело болело и ныло, он потянулся, продолжая следить за экранами.

— Я должен позвонить мистеру Смиту! — воскликнул он.

— Он знает твой номер, — ответила Наоми.

— Я сейчас тебя догоню.

— Я не буду ждать.

— Я найду тебя.

— Надеюсь.

В Нью-Йорке, Брюсселе, Лондоне, Буэнос-Айресе, Персидском заливе, Токио, Пекине, Торонто, Москве, Йоханнесбурге, Нью-Дели, Сиднее, Париже — во всех крупных городах слышались причитания облеченных властью. Начиная заранее заготовленные речи о том, как трудно внезапно оказаться оторванными от Нового Вавилона, потерять компьютерную связь с источником коммерции и власти, и мужчины, и женщины плакали. Их плечи поникли, губы дрожали, голоса прерывались. Отовсюду поступали живописные записи истерических всхлипываний глав гигантских компаний.

— Все потеряно! — завывала женщина, возглавлявшая Токийскую биржу. — Если бы мы восстановили связь за двадцать четыре часа, ситуацию можно было бы спасти, но вся наша экономика завязана на Новом Вавилоне, и видеть, как он лежит в развалинах, как дым поднимается высоко в небо... это... это безнадежно!

Она окончательно утратила над собой контроль. Через несколько мгновений поступило сообщение, что она покончила жизнь самоубийством, как и многие члены кабинетов региональных потентатов.

Директор промышленной фирмы из Европы объявил, что у него в море тысяча кораблей, которые погибли еще до следующего восхода.

Официальные лица Объединенной армии в Северо-Американских Соединенных Штатах в массовом порядке подали в отставку, «зная, что нас ждет военно-полевой суд и казнь», потому что они потеряли все свои ресурсы и не смогут прислать подкрепления в долину Армагеддон.

«Вы только дождитесь, когда миллионы бойцов, уже переправленных туда, поймут, что им не только ничего не заплатят, но даже не накормят».

Множество подобных сообщений неожиданно потоком обрушились на главный телецентр МС. И какой-то предприимчивый работник направил их Карпати, спросив, что им делать.

Чань подключился к этому каналу связи. Ярость Карпати его позабавила.

— Не заставляйте меня повторять это снова, — кричал Карпати. — Ни одно подобное сообщение не должно быть обнародовано. Я запрещаю приводить какие-либо мои цитаты, кроме одной: эту потерю, кажущуюся невозполнимой, затмит наша победа в Израельской долине, Эдоме и особенно в Иерусалиме, где я построю свое вечное царство как единственный истинный бог. Временные потери финансов и коммерции будут забыты, когда я возведу о приходе Нового мирового порядка. Никто больше не сможет

противостоять мне, ни человек, ни дух, и эта планета станет щедрым раем для всех.

Чань поспешно выбежал из комнаты и догнал Наоми.

— Иногда мне кажется, что я жду, когда это все закончится, в первую очередь для того, чтобы наконец отдохнуть.

Наоми засмеялась и передразнила его:

— Я так рад видеть Тебя, Господи. Можно мне вернуться к Тебе после того, как я посплю немного?

* * *

— Вперед, вперед, вперед! — закричал командир Объединенной армии, выгоняя Мака и другие взводы и отряды из церкви Бичевания. — Вы будете открыты совсем недолго! Позади вас откроют минометный огонь, и повстанцев накроет раньше, чем они успеют прицелиться. Вперед! Вперед! Вперед!

Бойцы, в большинстве своем младше Мака вдвое, а то и больше, похоже, паниковали, но постепенно набирались сил и смелости друг от друга. Мак снова оказался в хвосте отряда, направлявшегося в Вифесду.

— Десять секунд! — донесся до них голос из мегафона, но слишком поздно. Те, кто бежал впереди, явно испугались перспективы попасть под огонь сил сопротивления, и замедлили бег; многие остановились, присели на корточки и стали прицеливаться во врагов.

Те, кто бежал чуть позади, врезались в них, и немало бойцов попадало на землю. Мак услышал крики и ругань, затем повстанцы открыли огонь. Солдаты Объединенной армии быстро начали отстреливаться, но с каждой секундой задержки минометного обстрела становились все уязвимее. Маку показалось, что толпа вот-вот в ярости развернется и начнет стрелять по своим начальникам.

Но тут загрохотали минометы. Перед Маком многие упали, так что он отлично видел перепачканных повстанцев и их охваченные ужасом лица — они увидели, как прямо в них летят снаряды. Они стояли плечом к плечу, одетые во что придется, бледные и измученные, пережившие больше, чем все их погибшие товарищи. Они гордо стояли, вызывая огонь на себя, но понимали, что через мгновение ни их, ни гробницы уже не станет.

Они видели снаряды, понимали, как все произойдет — Мак видел это в их взглядах. Никто не отвернулся. Спасть было невозможно. Многие, похоже, решили погибнуть в бою. Они мертвой хваткой вцепились в свои «узи», выпуская очереди даже после того, как первые снаряды разнесли в клочья десятки людей.

Следующий залп грянул через долю секунды, и гробница превратилась в кратер. Около сотни людей погибло или было при смерти, а человек триста поспешно отступали к ближайшим воротам. Как и планировалось, те, кто решил бежать к Львиным воро-

там на востоке, погибли или были отброшены очередным минометным огнем. Все шло по сценарию: выжившие повстанцы бежали к воротам Ирода, чтобы спастись. Последние выжившие защитники ворот слышали взрывы и увидели кровавую баню; они наверняка поняли, что их собратьям больше некуда отступать, кроме как в их сторону. Враги преследовали их, так что ворота нужно будет открыть, иначе их всех прижмут к стене и перебьют, как скот.

Со своего места Мак отлично видел, что ждет отступающих повстанцев за воротами. Пока он вместе с другими бойцами входил в Дамасские ворота, другие солдаты Объединенной армии тайком заняли позиции, установив огромные пулеметы Гатлинга с ящиками патронов. Судя по ширине дул, эти пулеметы могли заряжаться патронами 50-го калибра.

Шедшие в первых рядах наступающей Объединенной армии стреляли повстанцам в спину, и чем больше их падало, тем больше попадало под огонь. Мак оглянулся назад и обнаружил, что прикрывает тыл.

— Господи, прости меня, — прошептал он, выпустив очередь из «узи» и уложив не меньше дюжины бойцов МС сзади. Он не чувствовал раскаяния. «Все честно»... Он решил, что служителям дьявола очень идут черные одежды. Все взявшие меч от меча и погибнут.

Солдаты Объединенной армии разошлись перед ним, словно воды Красного моря, когда их товарищи из-за ворот открыли пуле-

метный огонь. Мак тоже прыгнул в укрытие, с ужасом наблюдая, как десятки повстанцев разрывает на части.

Все закончилось так же быстро, как и началось. Несколько солдат МС ходили среди лежащих тел, стреляя в тех, кто еще двигался. Другие стали собирать с трупов оружие и трофеи. У Мака появился шанс.

Он притворился, что занимается тем же, что и другие, но действовал избирательнее. Он переворачивал оружием или носком ботинка только те тела мертвых или умирающих, которые могли оказаться телом Бизона. Иногда он тоже подбирал оружие и рылся в карманах — на случай, если кто-то за ним наблюдал. Ему сейчас совсем не хотелось найти Бизона, если только тот не остался на Храмовой горе. В Мусульманском квартале, похоже, не выжил ни один повстанец.

* * *

Это была самая странная битва из всех, в которых когда-либо участвовал Джордж Себастьян. Ее даже битвой-то сложно было назвать. Он и его разношерстная компания искренних, страстных верующих окружили часть границы Петры, держа в руках довольно сложное вооружение — направленное лазерное оружие, обжигавшее кожу солдат и лошадей с дальней дистанции, и несколько дальнобойных винтовок 50-го калибра, — и

противостояли крупнейшей армии в истории человечества.

Объединенная армия Мирового Сообщества, возглавляемая самим Антихристом, простиралась до самого горизонта, даже когда Джордж поднялся по склону холма и глянул в сверхмощный бинокль на солнечных батареях. Сотни тысяч одетых в черное конных солдат подрагивали в дымке; скакуны грызли удила и высоко поднимали ноги, готовые нести своих всадников вперед, на защитников, безнадежно уступавших им в числе.

Но Себастьян практически не боялся. Он не мог скрыть беспокойства, глядя на танки и бронетранспортеры, пехоту, истребители и бомбардировщики, поддерживавшие кавалерию. Врагов можно было без преувеличения назвать морем человеческим; такого огромного скопления людей не бывало еще никогда. Он не раз видел большую часть миллионного населения Петры, но, несмотря на всю внушительность, толпа показалась бы каплей в этом море.

Залпы из лазерных винтовок и орудий 50-го калибра явно действовали Объединенной армии на нервы. Отряд Себастьяна даже убил несколько десятков человек, и отчаянные подопечные Густава Цукерманделя выбегали на поле боя, чтобы собрать оружие, документы и неповрежденную форму. А сверхъестественная защита Петры держалась — даже здесь Себастьян не потерял ни одного человека.

Но он отлично понимал, что если эта великая армия просто приблизится к его пози-

ции, даже не стреляя, то всех его боеприпасов окажется недостаточно, чтобы нанести хоть сколько-нибудь заметный урон. Враг начал приближаться с черепашьей скоростью, и, хотя они не стреляли ни из оружия, ни из пушек, от одного движения такого количества людей и машин дрожала земля.

И конечно, Себастьян беспокоился за Рэйфорда. Божественная защита хранила и его — ракеты пролетали прямо сквозь самолет, не уронив ни единого волоска ни с чьей головы. Что могло ранить его сейчас и почему? Кто-то предполагал, что его машина разбилась после попадания зажигательного снаряда. Но Абдулла Смит сообщил в последнем докладе, что авария случилась из-за потери управления — квадроцикл скатился по склону и разлетелся на части.

Но что тогда делать со следами крови, которые могли принадлежать только Рэйфорду? Себастьян, конечно, не мог усомниться в Божьем промысле, но не задумываться об этом вообще он не мог. Могла ли ракета, которую Бог отклонил от Рэйфорда, своим взрывом все равно смертельно ранить его? И кого в этом винить? Самого Рэя? Или врага?

Впрочем, был вопрос и поинтереснее: что случится с наступающей армией? Себастьян всем сердцем верил, что Петра неприступна. Но что тогда он и его отряд здесь делают? Помогают тем, кто придет поздно, добраться до безопасного места? До того, как они доберутся до спасительного каменного города, Себастьян сделает все, что в его силах, чтобы

проложить им дорогу. Но никто не пришел, и по пути он тоже никого не видел.

Конечно, через несколько часов, а то и минут все это лишится всякого смысла. Явится Христос, Он победит в бою, и Рэйфорд, Бизон и даже Цион — живые или мертвые — снова встретятся. Тем не менее Себастьян не мог не думать о Рэйфорде. Его учили никогда не оставлять товарища на поле боя, что бы ни случилось. Раз Смитти нашел кровавые следы тяжело раненного человека, который, соответственно, не мог двигаться быстро, значит, рано или поздно он найдет и его самого.

Несколько Себастьян понимал, Рэйфорда не преследовали враги. Его не могли взять в плен. Худшее, но самое вероятное развитие событий: Рэй выкопал себе укрытие от солнца и умер там. Изменит ли это что-нибудь, учитывая, что он все равно будет с Христом, как и все остальные, когда все закончится? Конечно, изменит. Нельзя никого оставлять на поле боя.

Давно ли он звонил Смитти? Себастьян проверил часы. Совсем недавно. К тому же Абдулла сказал, что сам сообщит ему новости при первой же возможности. Но Себастьян должен был хоть что-нибудь сделать, не отправляясь к холмам самому — это точно невозможно. Он позвонил Чаню.

— Нет, я ничего не слышал, — ответил парень. — Но хотелось бы, чтобы вы были здесь. Тысячи обращаются к Христу прямо здесь, в Петре.

Это было здорово, но Себастьян не смог заставить себя это произнести. На самом деле он испытывал обиду, граничившую с отвращением, к тем, кто ждал так долго. Где они были, когда вершились кары Божьи? Когда происходили чудеса? Ни один здравомыслящий человек не мог отрицать, что за прошедшие семь лет Бог и сатана вели войну. Неужели эти люди так и не определились, на чьей они стороне? Все сомнения в существовании Бога, Его прощении и Его карах уже давным-давно развеялись.

— Мне кто-то звонит, — сказал Чань.

— Мне тоже, — ответил Себастьян. — Потом перезвоню.

— Большой Пес-1, это Верблюжья кавалерия.

— Говори Смитти, — сказал Себастьян.

— Техник, вы тоже здесь?

— Так точно, — ответил Чань.

— Я нашел капитана Стила.

* * *

Энох Думас проснулся в половине восьмого утра. Его заплесневелый матрас, лежавший в подвале заброшенного дома в Палос-Хиллс, что в Иллинойсе, был теплым там, где он лежал. А спал он не слишком долго. Всю ночь он говорил себе, что сегодня наступил тот самый день. Он не мог представить, что будет спать после четырех утра, но именно

в это время его и сморило. В восемь утра по центральному времени настанут семь лет после заключения договора между Антихристом и Израилем, договора, нарушенного много лет назад, но явившегося точкой отсчета до Второго Пришествия Христа.

«Плэйс», его маленькая церковь из примерно тридцати чикагских бедняков, невероятным образом разрослось после того, как им пришлось бежать в пригороды, когда раскрыли конспиративную квартиру отряда Скорби. У них не было больше общего места для встреч. Они знали, что не стоит доверять новичкам, но каждый раз, когда они собирались, их число возрастало. И поскольку они видели на лбах новичков печать верующих, Энох знал, что в их рядах нет шпионов. Их уже было почти сто человек. Некоторые погибли мученической смертью, но большинству, что удивительно, удавалось не попадаться, хотя они каждый день пытались найти новых верующих — «посадить побольше тонущих людей на спасительный плот», как выражался Энох.

Иногда он даже призывал страстных новообращенных верующих к осторожности, предупреждая, что враг постоянно в поиске, готовый пожрать их, превратить в цифры в статистике. Но кто-то из его паствы постоянно напоминал ему, что у них не осталось иного выбора, кроме как рассказывать о своей вере.

Больше всего ему нравились собрания, когда люди, рисковавшие жизнью, чтобы

тайно встретиться, лучились райской радостью. Он не мог и не хотел забывать признание Кармелы, крупной латиноамериканки лет пятидесяти. В заброшенном парке для игры в лазертэг, милях в десяти к западу от жилища Эноха, она рассказала свою историю. По ее пухлым щекам тогда текли слезы.

— Когда-то я была слепа, но теперь прозрела — иначе тут и не скажешь, — говорила она. — Я не видела Бога, не видела Иисуса, продавала свое тело, чтобы купить наркотики и еду. Я бросила все и всех, кто был для меня важен. Я даже не успела заметить, как стала думать только о себе и следующей дозе. Все было завязано на выживании: убей или будешь убита, делай что должна.

Но однажды ко мне пришел один из вас. Это была она. — Кармела показала на старую чернокожую женщину по имени Шаниква. — Она дала мне одну из ваших брошюр о встречах и сказала: «Кое-кто любит тебя».

Я подумала: «Кое-кто любит меня? Скажите лучше мне что-нибудь, чего я не знаю! Мужчины пытаются полюбить меня весь день». Но на самом деле все было не так. Никто меня не любил. На самом деле они ненавидели меня. Использовали меня. Я значила для них не больше, чем их следующий обед или доза. То же, что и они значили для меня. Никто не любил меня с тех пор, как умерла моя мама, а она умерла, когда я была совсем маленькой.

Я знала, что в брошюре наверняка будет что-то религиозное, но она сказала, что меня кое-кто любит, и нашла в себе смелость от-

дать мне эту брошюру, хотя это незаконно... только из-за этого я не выбросила брошюру и не выругалась ей в лицо.

Я прочитала ее тем же вечером, и я рада, что там были стихи из Библии, потому что я не видела никакой Библии много лет. Мне понравилось, что там не было ничего фантастического, ничего не понятного, ничего сложного. Там лишь говорилось, что Бог любит меня, Иисус умер за меня, а теперь Иисус снова возвращается. Слова Священного Писания показались мне истинными — то, что я грешница, я далека от Бога, а Иисус — это путь обратно к Нему.

И я практически сразу поняла, что не хочу ничего больше. Я не знала, как буду жить, что буду есть — ничего. Но я знала, что мне нужен Иисус. Когда я в следующий раз увидела Шаникву, я чуть не набросилась на нее. Правда, милая? Я сказала ей, что она должна объяснить мне, как дать Иисусу войти в мою жизнь. Она сказала, что все очень просто. Я должна молиться, причем делать это искренне. Сказать Богу, что мне жаль, что у меня в жизни такой бардак и я готова принять Иисуса как моего Спасителя. Это было непросто. Но знаете, что? Я готова к пришествию Иисуса.

Верующие хотели собраться к восьми утра. Они расположились на стоянке бывшего торгового центра. Энох предупредил, что собрание такого количества народа при свете дня несомненно привлечет внимание МС и они будут искать у них метку верности Карпати.

— Пусть они проверяют нас во время пришествия Иисуса, — сказал кто-то. Остальные заплодировали.

Энох быстро принял душ и оделся. Его совершенно не беспокоило чье-либо вмешательство. Разрушение Нового Вавилона в течение часа повергло международную экономику в такой хаос, что неверующих, похоже, не интересовало больше ничего. Количество самоубийств выросло, как никогда, и он почувствовал, что даже когда-то верные Карпати люди готовы выступить против него.

Социальные и коммунальные службы, и без того пострадавшие из-за человеческих потерь в последние годы, сейчас были практически разрушены. По слухам, даже местные силы правопорядка МС мало что смогут сделать без топлива или денег, на которые его можно купить. Оклады были заморожены уже в течение двух лет, а сейчас, похоже, всем стало ясно, что правительственные работники не получают ничего до особого распоряжения.

Частный сектор, точнее, то, что от него осталось, тоже находился в совершеннейшем беспорядке. Щупальца Карпати так крепко опутали все грани жизни и коммерции, что фактическое банкротство международного правительства наверняка скажется на всех через несколько дней. Энох читал о великих депрессиях и банковских кризисах в истории, но такого еще не случалось никогда. Мародерство, грабежи, кражи со

взломом — все преступления, когда-то бывшие прерогативой преступного мира, — стали частью повседневной жизни.

Каждый был сам за себя, и любые остатки вежливости, хороших манер и даже законности вскоре должны были кануть в Лету. Энох молился, чтобы Иисус вернулся точно по расписанию.

* * *

Иерусалимское время близилось к 16:00. Мак чувствовал отвращение к своей форме Объединенной армии Мирового Сообщества и изо всех сил боролся с искушением громко выкрикнуть свое настоящее имя и открыть огонь, не обращая внимания на наблюдателей. Он мог уложить еще несколько десятков солдат Карпати, но какой в этом смысл? Они и без того скоро погибнут.

Соппротивление, за исключением людей, все еще державшихся за стенами Храмовой горы, было практически подавлено. Бойцы Объединенной армии поздравляли друг друга, осматривая трупы повстанцев и собирая трофеи. Мак притворился, что делает то же самое, в последней отчаянной попытке найти Бизона, хотя и старался не смотреть в глаза тем, кто считал его союзником. Ничто бы не обрадовало его сильнее, чем Бизон, стоящий на Храмовой горе во время Второго Пришествия.

Мак подошел к полуразрушенной стене слева от ворот Ирода; рядом с ним упал мобильный телефон, и он услышал сверху громкое ругательство. Телефон казался знакомым, но, потянувшись к нему, он услышал:

— Не трать время попусту! От него ничего не осталось!

Мак посмотрел на молодого солдата Объединенной армии, наклонившегося над погибшим повстанцем.

— Ботинки вот неплохие, и как раз моего размера. Один из них остался тут в стене.

Солдат развязал другой ботинок и попытался снять его с ноги, но он вырвался из рук и упал вниз. Мак поймал ботинок на лету и увидел, что он принадлежит Бизону.

— Эй, кинь это сюда, ладно? — крикнул солдат, вытаскивая другой ботинок из трещины, где Бизон, похоже, оставил его, пытаясь вырваться.

Дрожа, Мак сжал ботинок в кулаке.

— Помоги, а, дружище? — сказал солдат, отвернувшись к другому, застрявшему ботинку.

Мак шагнул вперед, чтобы получше прицелиться. Когда молодой солдат вытащил ботинок из трещины и повернулся к нему, Мак вспомнил спортивную юность. Он швырнул второй ботинок с такой силой, что у мародера не было шанса увернуться. Подошва ударила его в переносицу, и он рухнул со стены.

Чтобы увериться, что ему больше не придется с ним встречаться, Мак быстро выбежал через ворота. Молодой парень ле-

жал, распростершись на земле, явно мертвый. Мак вбежал обратно и по дырам и выступам в кладке забрался туда, где лежал Бизон. Он хотел сделать что-нибудь — что угодно, — но не мог придумать ничего. Любые действия, кроме попытки ограбить тело, тут же выдадут его, а какой в этом смысл?

Мак глубоко дышал, осматривая раны Бизона, зияющие отверстия, из которых на-текла целая лужа темной крови, настолько вязкой, что она даже почти не стекла по стене после того, как свернулась. Вся правая половина тела была разворочена, другие раны изуродовали бедро и шею.

Через мегафон позвали тех, кто принадлежал к полку потентата, и Мак понял, что если он не пойдет туда, его тут же раскроют как самозванца. Неохотно отворачиваясь от тела Бизона, он молился, чтобы та же судьба не постигла и Рэйфорда. Будет неправильно, если никто из основателей отряда Скорби не доживет до Второго Пришествия.

Было четыре часа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Несмотря на тяжелые ранения, Рэйфорд сумел проползти несколько сотен ярдов до голой породы. Свободной рукой, несмотря на содранную до мяса кожу запястья, он сумел сбросить с камней достаточно земли, чтобы растянуться в тени, спрятавшись от безжалостного солнца и чужих взглядов.

Он израсходовал все силы. Уже не надеясь, что братья его найдут, он решил бороться с обезвоживанием и потерей крови, чтобы дожить до Второго Пришествия. Он осторожно улегся в неглубокой могиле так, чтобы ладонь по-прежнему зажимала рану на виске, даже если он потеряет сознание. Каждый раз, когда ему казалось, что кровотечение все же удалось остановить, и он хотя бы на мгновение отнимал руку от головы, он тут же понимал, что ошибся.

Лежать в тени было облегчением, но холодные камни вскоре нагрелись. Через полчаса у Рэйфорда уже пересохло во рту, а губы начали распухать. Он сражался с дремотой, понимая, что обморок — его враг. Раны болели, и Рэйфорд боялся, что вот-вот отключится от болевого шока.

Вскоре начался бред. Рэйфорд видел, как люди нашли обломки его квадроцикла, пошли по кровавым следам и обнаружили его безжизненное тело, расклеванное стервятниками. Иногда ему удавалось прийти в себя с помощью пения, молитвы или даже бессвязной болтовни.

Он цепенел, температура все поднималась. Боль от ран усиливалась, и он стал молиться, чтобы Бог просто забрал его. «Я хотел увидеть Второе Пришествие с этой стороны небес, но какая разница? Облегчи мои страдания, прошу. Облегчи».

Он не был точно уверен, но считал, что вряд ли может потерять много крови, если только не откроет рану на виске. Когда каждый вздох стал казаться последним, Рэйфорд подумал, не стоит ли отнять руку от головы, чтобы наконец истечь кровью. Но не смог.

Он быстро потерял чувство времени, и ему приходилось постоянно напоминать себе, что часы до сих пор работают, несмотря на то, что сосредоточиться было все труднее. Рэйфорд поразился, увидев, как мало прошло времени с тех пор, как он упал с квадроцикла. Солнце по-прежнему стояло высоко, но ему казалось, что прошел уже не

один час. Но по часам выходило лишь пятьдесят минут.

Проснувшись со стоном, он понял, что, задремав, все равно зажимал рану на виске. Шея затекла, и Рэйфорду показалось, что он уже не сможет встать или хотя бы перевернуться на живот, чтобы ползти, даже если от этого будет зависеть его жизнь. Если кто-нибудь не найдет его, то жизнь действительно снова станет зависеть от того, сможет ли он двигаться. Но этот вариант отпадал.

Прошел, казалось, уже не один час, и Рэйфорд лишился всякой надежды. Он услышал, как приближается Объединенная армия, и удивился, увидев, что солнце по-прежнему висит почти прямо над головой. Он знал, что оно так и будет висеть до вечера, но не удивился бы, если бы очнулся только в сумерках. К сожалению, ему не повезло.

Где-то далеко он услышал громкий визг мотора мощного кроссового мотоцикла — на таком обычно ездил Абдулла Смит. Иорданец разъезжал на нем по Петре, осторожно передвигаясь сквозь толпу, а потом выбирался на пустынные склоны и давил на газ до отказа. Рэйфорд мог лишь молиться, что это действительно Смитти, который ищет его. Он попытался сесть, но не смог. Если бы ему нужно было угадать, где находится Смитти, то он предположил бы, что тот проезжает мимо его разбитого квадроцикла. Это далеко, далеко от небольшого укрытия Рэйфорда. Он пытался не потерять сознание, чтобы крикнуть, если звук мотора приблизится, но потом понял, что мотоциклист должен будет

заглушить двигатель, чтобы хоть что-нибудь услышать.

Рэйфорд чувствовал, что теперь у него болят даже те места, которые не так сильно пострадали при падении. Голова раскалывалась. Глаза стали очень чувствительными к свету, он открывал их лишь на мгновение, чтобы глянуть на часы. Шея болела, плечи затекли и ныли, в ребра словно тыкали раскаленными кочергами. Он чувствовал голод, тошноту, то мучился от жара, то дрожал от холода. Ноги отказывались двигаться.

Рэйфорд то терял сознание, то снова приходил в себя, и когда он услышал приближение мотоцикла, то был уверен, что звук ему просто чудится. Когда мотор замолчал, Рэйфорд попробовал двинуться, застонать, сделать хоть что-нибудь, чтобы дать Смитти или кому угодно, кто приехал на этом мотоцикле, знать, что он здесь.

— Большой Пес-1, это Верблюжья кавалерия... Техник, вы тоже здесь?.. Я нашел капитана Стила. По крайней мере, мне кажется, что я его нашел. След заканчивается здесь, и мне вряд ли понравится то, что я увижу. Подождите.

Рэйфорд так неглубоко дышал, что сомневался, что Абдулла сочтет его живым. Он не мог даже пошевелиться, а уж тем более повернуть голову, помахать рукой или дернуть ногой. Когда он услышал шаги Смитти, то попытался хотя бы открыть глаза. Ничего не получилось. Смитти действительно здесь или это галлюцинации перед смертью?

— Ох, мне кажется, его больше нет, — сказал Абдулла. — Нет, он здесь, но, моему, он не выжил.

Рэйфорд почувствовал, как подергивается указательный палец на правой руке, но Смитти вряд ли смотрел туда.

— О, капитан Стил, — проговорил иорданец, осторожно переворачивая Рэйфорда на спину. В его словах слышалась такая искренняя печаль, что это тронуло Рэйфорда.

Рэйфорд по-прежнему держал руку на виске, но это, похоже, убедило Абдулла не в том, что он жив, а в том, что труп уже начал коченеть. Так что Рэйфорд сделал единственное, что мог сделать в такой ситуации. Он сдвинул руку на дюйм. Кровь уже запеклась настолько, что не сразу полилась из раны.

Абдулла, похоже, не заметил движения.

Рэйфорд почувствовал давление в виске, и, когда Смитти выпрямил ноги Рэйфорда, рана открылась.

— Ну, здравствуйте! — воскликнул Абдулла. — У мертвых кровь не идет. Вы живы, правда?

Рэйфорд снова закрыл рану рукой и прошептал:

— Да. Рад вас видеть.

— Не разговаривайте, капитан. Не хочу потерять вас до величайшего события.

— Я-то думал, это и есть великое событие.

Но Абдулла уже снова разговаривал по телефону.

— Чань, он жив. Мне нужна помощь как можно скорее... Да, Лия отлично подойдет. Попроси ее, чтобы она взяла все, что сможет

унести. Через десять минут я запущу сигнальную ракету.

* * *

Мак присоединился к бойцам Объединенной армии в Мусульманском квартале Старого Города и последовал за ними к мало заметному, но находящемуся под многочисленной охраной входу в подземелье. Никто даже близко не мог подойти без документов, и Маку с трудом удалось сохранить спокойствие, когда два охранника поднесли фотографию к его лицу, чтобы сличить. Он надеялся, что краска Зики не сошла за время перестрелок.

Его и других солдат направили по утоптанной земляной дороге шириной футов в тридцать, по обе стороны которой шли узкие деревянные лестницы. Дорога вела под северную стену, мимо Храмовой горы. Они шли прямо под единственным местом в Иерусалиме, которое еще удерживалось сопротивлением и, конечно, было полностью окружено Объединенной армией. Повстанцы все еще держались или же, по сути, попали в плен?

Мак беспокоился за Рэйфорда, и ему очень хотелось позвонить Чаню, Себастьяну или Абдулле. Ри Ву вел в бой взвод на другой стороне Петры. Может быть, он видел Рэйфорда. Но сейчас телефон пришлось отключить.

Путь в Конюшни Соломона был так тускло освещен, что всем пришлось практически

сразу поднять забрала шлемов. Но все равно, спустившись сюда с очень яркого солнца, солдаты видели очень плохо, так что они замедлили шаг и пошли на ощупь, чтобы не упасть с лестницы. Мак порадовался, что его шлем был очень низко надвинут на глаза, так что никто не мог увидеть, что у него на лбу нет метки верности.

В тени лицо и шея быстро охладились, и Маку очень захотелось снять перчатки. Он почувствовал вонь лошадиного навоза и мочи, которая лишь усиливалась с приближением к Конюшням.

Добравшись до юго-восточного угла Храмовой горы примерно в сорока футах под землей, они увидели Конюшни Соломона — колонны и арки, когда-то поддерживавшие юго-восточную платформу внутреннего дворика наверху. Коридоры, обставленные колоннами, были около тридцати ярдов в ширину, шестьдесят ярдов в длину и почти тридцать в высоту. Не меньше сотни человек, не одетых в форму, ухаживали за более чем тысячей лошадей.

Запахи заставили Мака вспомнить детство; он даже задумался, как ему удалось вообще к ним привыкнуть.

— Внимание! — крикнул кто-то. — Молчите, когда говорит потентат!

Все остановились, и Мак попытался разглядеть, где же может быть Николае. Мак и еще несколько бойцов вжались в стену, вытянувшись по стойке «смирно». Он узнал голос Карпати, донесшийся из комнаты с колоннами.

— Господа и дамы, вы будете рады узнать, что реконструкция, на которую потребовалось бы несколько месяцев, здесь заняла меньше трех недель. Канализация здесь — лучшая в мире, по крайней мере, для людей, и, что лучше всего, по моему приказу сточные воды сливаются в легендарную Колыбель Иисуса.

Как всегда, от первых же слов Карпати Мак почувствовал тошноту. Мак никогда не слышал о Колыбели Иисуса, по крайней мере, когда разговор шел о Храмовой горе. Многие другие, похоже, тоже не слышали о ней, ибо Леону Фортунато пришлось пуститься в объяснения.

— Благодарю вас, ваше святейшество. К Колыбели Иисуса можно попасть по винтовой лестнице в юго-восточном углу. Она ведет в комнату размерами примерно пятьдесят на семьдесят футов, где когда-то размещались базилика, посвященная Деве Марии, и мечеть. Кроме того, на западной стене видны древние византийские изображения. Впрочем, если вы захотите посетить эту комнату, не забывайте, для чего она используется сейчас — мы считаем, что для комнаты с таким названием это идеальное применение. Вам захочется зажать нос. Вы обрадуетесь, вернувшись сюда, где пахнет только лошадьми.

Следующим заговорил Сухайль Акбар, глава службы безопасности и разведки.

— Я только что вернулся с горы Мегиддо, — начал он, — и рад сообщить, что все

и всё уже находится на своих местах, чтобы обеспечить нашу скорую безоговорочную победу. Несмотря на сообщения о беспорядках из-за разрушения Нового Вавил...

Его прервал дикий крик. Мак тем не менее узнал голос Карпати. Тот изрыгал проклятие за проклятием.

— Скажите мне, Сухайль! — в ярости заорал потентат. — Скажите, что вы не собираетесь нарушить мой личный приказ никогда больше не называть имя...

— Но, сэр, я лишь хотел...

— Вы смеее перебивать меня? Вы считаете, что к вам нельзя применить телесные наказания?

— Нет, сэр, я...

Послышался удар по столу.

— Я должен был немедленно казнить вас! Притом собственноручно!

— Ваше святейшество, прошу вас! Я говорил, что, несмотря на то что мы слышали, на самом деле...

— На самом деле я снова построю Новый Вавилон прямо здесь, в Иерусалиме. Его красота и величие будут приумножены тысячекратно. Я приказал никогда больше не упоминать о том, что с ним случилось.

— Нижайше извиняюсь, потентат. Я...

— Молчать! Я уже все сказал. Вернитесь в свою комнату, командир Акбар. Ваши услуги больше не потребуются до особого распоряжения.

Командир подразделения Мака быстро прошел вперед и начал что-то оживленно обсуждать с коллегой, стоявшим у входа в зал со-

браний. Он отступил, когда полдюжины охранников вывели оттуда мертвенно-бледного Сухайля Акбара. Затем командир показал на шестерых солдат, в том числе Мака, и знаком приказал им заменить тех, кто ушел.

* * *

Сознание Рэйфорда постепенно прояснилось после того, как Абдулла медленно влил в него литр воды. Лия приехала на маленьком квадроцикле с двумя кулерами, полными медицинских припасов, и бросила Абдулле блокнот.

— Не возьмете ли вы на себя часть обязанностей, сэр?

— Обязанностей?

— Записывайте.

— Хорошо.

Рэйфорд постоянно перебивал ее.

— Что говорят в Петре? Думают, что Иисус опаздывает?

— Тише.

— Да ладно, Лия. Я должен знать, раз уж мы ошиблись на день.

— Никто не ошибся, — отрешенно произнесла она, осматривая его раны. — Хаим всех успокоил.

— Как? Что он говорит?

— Пути Господни неисповедимы. Он ведет собственный счет времени. Что-то типа этого.

— Лия, вам ведь это нравится?

— Простите?

— Я полностью в вашей власти.

— Я не понимаю, о чем вы.

— Нет, понимаете. Мы...

— Мистер Смит, — сказала она, — я сейчас зашью ему рану на голове. Подбородок, руки, правое запястье и колени подождут. Левая берцовая кость, возможно, сломана, но я не буду пытаться ее вправить, пока мы не убедимся точно. Еще мне нужно осмотреть правую лодыжку и, возможно, тоже зашить ее. Наконец, нам понадобится какое-нибудь транспортное средство, чтобы отвезти его обратно в лагерь где-то в течение получаса.

— Вам это очень нравится, Лия, я же вижу!

— Вы бредите.

— Какое транспортное средство, мисс Роуз? — спросил Абдулла.

— Мне нужно, чтобы он лежал лицом вниз.

Абдулла снова взялся за телефон.

— Вы, может быть, относитесь ко мне суровее, чем к любому другому пациенту, чтобы отомстить мне?

Рэйфорд дразнил и пытался улыбаться, но Лия не заглотила наживку.

— Отомстить вам за что?

— За то, как я с вами разговаривал.

— Ну, возможно, за мной тоже есть должок, — сказала она.

— Может быть, но я сейчас никак не могу отомстить.

— А в моих руках сейчас ваши раны. Просто помолчите и дайте мне работать.

* * *

Мак едва сдержал хохот, увидев Карпати. Если бы на том была черная шляпа, то он был бы похож на Зорро. Рубашка с кружевным воротником была единственным белым пятном в его одежде. Все остальное — сапоги до колен, кожаные брюки, жилет и китель, доходивший до бедер и больше похожий на плащ, — было черным.

Леон оделся в самый блистательный, яркий, чуть ли не флуоресцирующий костюм — пурпурную войлочную феску с многочисленными помпонами и клюквенного цвета ризу с золотым воротником, на которую были нанесены все религиозные символы, известные человечеству, кроме христианского креста и звезды Давида. Бирюзовое кольцо на среднем пальце правой руки было настолько огромным, что закрывало соседние фаланги.

Если бы только Бог назначил Второе Пришествие на Хэллоуин...

Карпати стоял во главе огромного стола из полированного дерева, вокруг которого сидели, если Мак верно узнал национальную одежду, региональные potentаты всех десяти международных регионов, их свита и «мозговой трест» Карпати, за исключением,

естественно, командира Акбара. Собралось не менее пятидесяти человек.

Вив Айвинз скромно сидела в шести креслах от Николае слева от него. Как всегда в своем обычном светло-голубом костюме и с удачно подобранной прической. Она была еще бледнее, чем помнил Мак, и, похоже, у нее подрагивали руки, когда она пыталась что-то записывать. Другие, несмотря на высокое положение в кабинете Карпати и власть, которой они обладали в мире, тоже казались неуверенными в себе в его присутствии. Вспышка гнева в отношении Сухайля Акбара, похоже, потрясла всех.

Мак вошел одним из последних и стоял почти у входа, он понял, что шесть охранников, которых заменили солдаты из его взвода, принадлежали к отряду из пятидесяти человек, стоявших вдоль стен большой комнаты. Мак знал, как трудно хотя бы попасть под землю, так что не мог не удивиться — от чего они защищают Карпати? Он боится своих же людей?

* * *

Чань вернулся в технический центр вместе с Наоми.

— Что мне делать? — спросил он. — Сегодня мне уже не поспать, а я совершенно измотан.

— Ты ведь не думаешь, что нам придется ждать еще целый день?

— Я не знаю, что и думать.

— Сегодня — тот самый день, любимый. Никаких сомнений.

— Надеюсь, что ты права. Я пока еще нормально себя чувствую, но рано или поздно просто упаду. Доктор Розенцвейг хочет, чтобы я вывел его в международный эфир на закате. Возможно, тебе придется меня подпираться.

— Ты выдержишь. Ты всегда выдерживал.

* * *

Стена, сложенная из больших каменных блоков, холодила спину Мака через форменную куртку. Ему очень хотелось взглянуть на часы. Он знал, что уже далеко не четыре часа, и верил, что Иисус может явиться в любую секунду. Меньше всего ему хотелось в это время находиться здесь, но такой оказалась цена за то, что он нашел Бизона. Кроме того, ему не терпелось увидеть лицо Карпати в этот момент.

Мак попытался притвориться, что очень занят своей черной работой — охраняет комнату, не нуждавшуюся в охране, — но, когда задумался о том, что действительно хочет сделать, понял, что сосредоточиться будет трудно. Ему очень хотелось быть в Святом городе и при свете дня увидеть явление Господа Христа или хотя бы расстрелять Карпати со своей идеальной позиции. Этого, конечно, он сделать не сможет. Ни в

каком пророчестве об этом не сказано, но как же приятно было бы так сделать!

Из такой безрассудной храбрости, естественно, ничего хорошего не выйдет. Карпати один раз уже убили. Был ли он вообще человеком? Бен-Иегуда и Розенцвейг сказали, что в нем сейчас живет сам сатана, духовное существо, использующее человеческое тело, пусть и мертвое.

Кроме того, Маку просто хотелось наконец расслабиться. Присесть на пол или потянуться, заложив руки за голову... но это придется отложить до момента, когда Иисус займет Свое законное место. Друзья и товарищи Мака часто говорили о том, в каком прекрасном мире они скоро будут жить, но сам Мак больше всего на свете хотел просто отдохнуть.

Он знал, что не одинок в своем желании. Другие тоже на это намекали. Они все были настолько заняты, настолько напряжены, так мало спали, а с приближением Второго Пришествия все стало еще хуже. Мысль о том, что он будет жить в спокойном и безопасном мире, настолько привлекала Мака, что он даже представить себе этого не мог. Спать, не следя вполглаза или вполуха за возможной опасностью... вот он, истинный рай на земле.

И снова увидеть друзей и любимых. Это у него просто не укладывалось в голове. Лучше всего, конечно, будет встретиться с самим Иисусом. Сможет ли он дотронуться до Него, поговорить с Ним? Мак чувствовал себя полнейшим новичком в вере, практически ничего не знавшим о Боге. Ему казалось, словно он постоянно посещал семинары, проводимые

духовными лидерами отряда Скорби, с тех самых пор, как Рэйфорд привел его к вере. Но он еще столько всего не знал...

Все, что он знал, — что Иисус любит его, умер за его грехи и именно поэтому ему не стоит бояться смерти и ада.

* * *

Доктор Розенцвейг и старейшины позвали Чаня к себе.

— Конечно, я могу это сделать, — сказал он, — но МС все лучше удастся быстро перехватывать контроль над эфиром обратно. Чем короче будет передача, тем вероятнее, что я смогу выдать ее в эфир полностью.

— Я буду краток, — ответил Хаим.

— А если, ну, если...

— Вам интересно, что будет, если, как вы и я надеемся, Мессия вернется раньше?

— Или прямо во время вашей речи, — сказал Чань.

— Ну, я думаю, это событие более приоритетно. А вы?

Чань улыбнулся; старейшины рассмеялись.

— Рабби Розенцвейг пытается, — сказал Елеазар Тибериус, — убедить остальных евреев — тех, кто отказался принять печать зверя, но не признал Иисуса Мессией, — сделать именно это. Он считает, что таких среди евреев осталось около трети, и мы с этим согласны. Поймите, это богоизбранный народ,

Его дети от начала времен. Все Священное Писание — это Его любовное письмо им, Его промысел для них.

— Понять? — спросил Чань. — Боюсь, я не понимаю. Но я верю.

Хаим встал.

— Не нужно откладывать. Как я уже много раз говорил, мы знаем день — сегодня, — но мы не знаем точного часа. Если мы и думали, что знали, то ошибались, не так ли, Елеазар?

Толстяк улыбнулся:

— Признаюсь, так оно и есть. Но, с другой стороны, мы знаем всю последовательность событий, так что немного представляем себе, что будет дальше.

— Именно об этом я и собираюсь сказать в своей речи, друзья.

* * *

До того, как наконец подействовала местная анестезия на виске, Рэйфорд с трудом заставлял себя не дергаться, когда иглолка прокалывала кожу. Он изумился тому, что новый укол боли может затмить все предыдущие; не меньше поразила его и нежность Лии, с которой она держала его голову и уверяла, что боль скоро пройдет.

— Вы относитесь ко мне намного лучше, чем я заслуживаю, — проговорил он, пони-

мая, что его голос дрожит, и надеясь, что она поймет его правильно.

— Прекратите это хоть сейчас, капитан! У меня работа, и, хоть я и отлично понимаю, что вы просто пытаетесь поднять нам обоим настроение, я совсем не хочу беспокоиться о том, уж не всерьез ли вы это говорите.

Он потянулся к ее руке.

— Минуту, Лия. Я серьезно. Когда вы впервые пришли к нам, мы постоянно ругались друг с другом. Я не привык к таким вопросам, которые задавали вы, и чувствовал в них угрозу. Я так и не смог исправиться, но, насколько понимаю, вы так и не заставили меня за это расплатиться.

Она сжала губы.

— И сейчас я тоже не собираюсь. Послушайте, Рэй, вы ранены даже сильнее, чем думаете. Моя работа — стабилизировать ваше состояние, не дать впасть в болевой шок. То, что вы до сих пор не в шоке, — это чудо. Но вы, похоже, очень хотите это услышать, так что я вам скажу. Моя неудача — в том, что я тоже так и не смогла разрядить обстановку между нами. В конце концов вам все же удалось завоевать меня. Все видели, как вы заботились обо всех нас, как неустанно трудились, как ставили нужды всех нас выше собственных.

Рэйфорду стало неловко. Он не хотел заставлять ее говорить такие, пусть и приятные, слова. Он сжал ее руку.

— Хорошо, хорошо, — сказал он. — Мы снова друзья.

— Подумайте о людях, которые попадут в рай благодаря вам, — ответила она.

— Ладно, ладно, достаточно. Я просто хотел поблагодарить вас за то, что вы не сыплете соль на рану.

— Теперь-то вы, наконец, замолчите?

— Да, мэм.

* * *

Мак увидел, как Вив Айвинз вздрогнула и подняла голову, но быстро пришла в себя. Карпати спросил у нее:

— Фотографы на местах, мисс Айвинз?

— Да, ваше святейшество.

— Я поеду на лошади, — сказал он. — Все солдаты Объединенной армии Мирового Сообщества в этой комнате, а также их командиры тоже поедут верхом. Ваших коней седлают сейчас, пока мы говорим.

Мак запаниковал. Сколько лет он уже не ездил верхом? Это похоже на езду на велосипеде? Умения тоже не забываются? Он никогда не сидел на скакуне такого размера, как чистокровные верховые, стоявшие в конюшнях. Любая лошадь подчинялась сильной, уверенной руке. Зверь должен понимать, что им правит всадник. Возможно, ему придется изобразить эту браваду.

— Вы смотрите прямо на меня, солдат? — требовательно спросил Карпати.

— Нет, сэр, — проговорил молодой англичанин, стоявший рядом с Маком; его взгляд метался, стараясь не попасть на Николае.

— Но вы совершенно точно смотрели! Лучше признайтесь в этом и молитесь о прощении.

— Так точно, сэр. Я смотрел на вас, я раскаиваюсь в этом и искренне, покорнейше прошу о прощении.

— Вы уже во второй раз называли меня «сэр». Вам разве не сообщили на инструктаже, что вам, во-первых, запрещается смотреть прямо на меня и, во-вторых, не называть меня не иначе как...

— Да, ваше святейшество! Простите меня, Верховный...

— А теперь вы соблаговолили еще и перебить меня?

Голос англичанина дрожал. Маку показалось, что у него сейчас подкосятся ноги.

— Простите, — прошептал юноша.

— Не слышу вас, солдат!

— Простите, ваше святейшество. Простите меня.

— Кто ваш командующий офицер?

— Коммандер Тензин, сэр... ваше святейшество!

Карпати выругался.

— Коммандер Тензин!

В комнату вбежал офицер-индус и поклонился.

— К вашим услугам, ваше святейшество!

— Коммандер, вы объясняли своим людям, кто я такой?

— Да, господин потентат.

— Всем?

— Да, мой царь.

— А объясняли, насколько высока эта привилегия — служить богу на земле?

— Конечно, о божественный.

— Даже этому человеку? Назови свое имя, сын мой.

— Ипсвич, ваше святейшество, — ответил англичанин. По его щекам струились слезы.

Маку очень хотелось застрелить Карпати, и он боялся, что сделает именно это, если потентат подойдет поближе.

— Коммандер Тензин, что вы держите в руке?

— Трость из ротанга, ваше святейшество. Я с нетерпением жду великой чести ехать верхом в вашем отряде.

Трость была толщиной в дюйм и длиной около четырех футов.

— Если бы я сообщил вам, что мистер Ипсвич насмеялся над тем, чему вы его учили, смогли бы вы применить вашу трость соответствующим образом, коммандер Тензин?

— Смог бы, ваше святейшество.

Ипсвич тихо всхлипывал.

— Не окажете ли вы мне честь воспользоваться ею в моем присутствии, дабы развлечь меня и преподать урок всем?

Не говоря ни слова, Тензин шагнул вперед и замахнулся тростью. Прежде чем Ипсвич успел хотя бы двинуться, командир ударил его в лицо с такой быстротой и силой,

что трость попала слева от его носа, разбив обе губы, сломав несколько зубов и разорвав левое веко.

Ипсвич закричал и схватился за лицо обеими руками, сложившись пополам. Тензин опустил трость на его загривок, там, где кончались волосы; кровь из раны брызнула на лицо и грудь Мака. Он изо всех сил сдерживался, чтобы не броситься на индуса.

Когда Ипсвич покачнулся вперед, Тензин дважды ударил его по заду, разорвав вторым ударом форменные брюки. Он упал на пол и попытался отползти, но его командир последовал за ним, обрушив град ударов на спину.

Карпати застонал от радости.

— Когда он уже не сможет ползти, командер Тензин, оставьте трость и прекратите его мучения!

Срочно вызвали еще одного солдата, чтобы заменить в строю Ипсвича. Он вошел в комнату, бледный и дрожащий, и немедленно встал по стойке «смирно».

— О-о-о, — проговорил Карпати, сложив руки и посмотрев вверх. — Какое прекрасное начало дня! Леон...

— Да, о светлейший?

— Попросите командера Тензина нанести визит командиру Акбару.

— Конечно, господин.

— Но прикажите наказать его лишь почти до смерти.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Энох Думас вел почти сотню прихожан «Плэйс министри» вдоль задней стены заброшенного торгового центра. Около восьми утра он начал проповедь, пытаясь объяснить своим людям и интересующимся прохожим, что произойдет перед Вторым Пришествием. В небесах еще не появилось никаких знамений, и он почувствовал разочарование, сомнение и страх у своей маленькой группе верующих. Но чаще всего он оглядывался в сторону главной улицы.

Хотя машины почти не ездили из-за нехватки топлива и практически рухнувшей экономики, он знал, что местное отделение МС все еще действует. Они обязательно появятся, услышав о собрании такого размера. А если обнаружат такое количество людей, ни у одного из которых нет метки верности Карпати, то начнется бойня.

Отсутствие метки уже ничем нельзя было оправдать; оно наказывалось казнью на месте с помощью любых возможных средств. Даже гражданские лица имели право убивать мятежников. Все, что требовалось, чтобы освободиться от обвинения в убийстве, — либо принести тело в ближайший штаб МС и доказать, что на нем нигде не было метки, либо подозвать ближайшего блюстителя нравов или миротворца МС и попросить его подтвердить этот факт.

На самом деле за таких преступников объявляли немалую награду, так что граждане, верные потентату, соревновались друг с другом за деньги. Многие зарабатывали на жизнь в «комитетах бдительности»; некоторые даже снискали себе славу, перебив немало людей.

Возможно, именно поэтому обычно смелые прихожане Эноха согласились уйти вместе с ним в относительно безопасное место на другой стороне торгового центра.

— Если бы мы точно знали, что Иисус придет к нам раньше, чем МС, мы могли бы остаться на месте. Но лично я не хочу погибнуть прямо перед Его приходом, прожив все эти семь лет.

Группа прошла во внутренний дворик, где сразу почувствовала себя намного спокойнее. Но люди стали задавать вопросы.

— Когда это случится?

— Что мы могли упустить в пророчествах?

— Вы только думали, что «недели» означают «годы», или нет?

— Мы не могли намного ошибиться?

— Не думаю, — сказал Энох. — Но не знаю. Я никогда не был историком или богословом. Я, можно сказать, «синий воротничок», ученик, как и все вы здесь. Но я читал и изучал Библию несколько лет. Есть много разногласий и споров, но пока что все пророчества исполнились буквально — так, как они были написаны. Я верю, что сегодня — тот самый день.

— Подождите! — крикнула женщина из задних рядов. Она смотрела в маленький телевизор. — Похоже, кто-то снова взломал телевидение МС.

Люди столпились вокруг нее.

— Этот, как его, Михей, — сказала она, — который ведет дела в Петре, расскажет, что будет дальше.

Остальные достали мини-телевизоры из карманов и сумок.

— Нужно ли нам слушать его, брат Энох? Вы не оскорбитесь?

— Конечно, нет, — сказал Энох, доставая собственный телевизор. — Что может быть лучше этого? Доктор Розенцвейг — ученнейший из ученых. Давайте послушаем.

Собравшиеся сложили свои маленькие экранчики на цементную лавку и сделали погромче, чтобы все смогли услышать.

* * *

Мак увидел, как зловеще сужаются глаза Карпати, и испугался, что еще что-то вы-

звало его ярость. Тот смотрел на дверной проем.

— Да, что такое? — спросил Карпати.

Кто-то из подчиненных сказал:

— Прошу прощения у потентата, но, ваше святейшество, вы просили, чтобы вам об этом сообщали.

— Что? Что?

— Фанатики из Петры, иегудаиты...

— Я знаю, кто находится в Петре! Что такое?

— Они снова запустили пиратскую передачу по телевидению МС.

Карпати вспыхнул и наклонился над столом, опершись на ладони. Его челюсти напряглись.

— Включите телевизор, — произнес он сквозь стиснутые зубы.

Леон чуть не перевернулся, пытаясь выдвинуть стул. Он тяжело уселся и устроил целое представление, засунув руку в складки ризы и достав оттуда пульт управления, который направил на стену позади Николае. Опустился экран, и на нем появилось изображение: Хаим Розенцвейг сидел на простом стуле. Рядом с ним лежала открытая Библия, на губах играла пастырская улыбка. Судя по таймеру, он собирался начать свою речь меньше чем через минуту.

Карпати глянул на экран через плечо, затем повернулся и ударил по столу обоими кулаками.

— Сначала, — закричал он, — убедитесь, что Ипсвич мертв! Затем скажите Тензину, что я передумал насчет Акбара! Я хочу, чтобы

он тоже умер! Затем свяжитесь со службой безопасности в Хилле. Сообщите им о кончине командира и скажите, что следующий приказ исходит непосредственно от меня.

Я хочу, чтобы служба безопасности любыми средствами захватила наш центр телевидения. Я хочу, чтобы управленческий персонал расстреливали, по одному человеку зараз, начиная с директора и далее по административной иерархии, каждые шестьдесят секунд, пока кто-то не вернет нам контроль над эфиром. Ясно?

Никто не сдвинулся и не проронил ни слова.

— Ясно?!

— Да, ваше святейшество! — сказал Леон, протянув руку к телефону.

— Я займусь этим, — сказала Вив Айвинз, уже поднеся телефон к уху.

Карпати резко развернулся лицом к экрану.

— Никто еще не понял? — рявкнул он. — Никто не узнал этого человека? Именно он убил меня! И хотя я восстал из мертвых и правлю как живой бог, он по-прежнему остается бельмом у меня на глазу. Но больше этого не будет! Сегодня треть всей нашей армии захватит Петру, и я сам найду его!

* * *

После того как Рэйфорд напился воды, а Лия поставила ему капельницу, он нако-

нец-то понял, что выкарабкается. Он по-прежнему чувствовал себя так, словно его переехал танк; пойти или хотя бы встать он все равно не мог. Но разум потихоньку возвращался к нему, и он решил, что Лия и Абдулла как-то сумеют довести его до лагеря.

— Хочу сообщить две вещи, мисс Роуз, — сказал Абдулла.

— Давайте.

— Если верить мисс Пейлмун, у нас проблемы с транспортным средством.

— Какие проблемы? В Обществе взаимопомощи есть носилки. И каталка тоже есть.

— Она спросила у миссис Ву, и они обе считают, что ни носилки, ни каталку сюда доставить не удастся.

Лия села, и Рэйфорд увидел, как она рассматривает холмы, ведущие к Петре.

— Возможно, она права. Какая вторая вещь?

— Она сказала, что Михей выступает по телевидению МС и нам стоит это посмотреть.

— У вас есть телевизор, мистер Смит?

— Конечно.

— Так, капитан в достаточно стабильном состоянии, больше ничего особенного я сделать не смогу, и пока что мы тут застряли. Давайте посмотрим.

Абдулла достал маленький телевизор из кожаной сумки, висевшей на мотоцикле.

— Хотите посмотреть, капитан? — спросила Лия.

* * *

Чань буквально прилип к монитору, но попросил Наоми собрать вокруг всех техников, которые сейчас работали.

— Посмотрите на это, ребята, — сказал он. — Посмотрите на счетчик в левом верхнем углу.

Техники присвистывали, хлопали друг друга по спине и восхищенно вскрикивали, глядя на цифры, которые росли на десятки тысяч в секунду и уже намного превосходили самую большую аудиторию в истории. Ни одна речь Николае Карпати и близко не подбиралась к таким показателям; три предыдущих рекорда установил Цион Бен-Иегуда.

— Любезные братья мои, — начал Хаим, — сегодня я говорю с вами, наверное, в последний раз перед Вторым Пришествием нашего Господа и Спасителя, Иисуса Христа, Мессии. Он может явиться даже во время этого послания, и ничто не было бы мне так приятно. Когда Он явится, нам больше не надо будет сражаться с Антихристом и его лжепророком. Их сразит Царь Царей.

Но, поскольку Он не вернулся ровно через семь лет после заключения договора между Антихристом и Израилем, многие из вас испуганы и смущены. Хотелось бы мне рассказать об этом подробнее, но я буду лаконичен, ибо, как вы знаете, мы пользуемся этими волами против воли нашего злейшего врага, и,

поверьте, в эту самую секунду он делает все, что в его власти, чтобы отключить нас.

Однако есть нечто, что сейчас важнее, чем время возвращения Мессии, — о нем я скажу лишь одну фразу: я верю, что Он явится до полуночи по израильскому времени. А поговорить я хочу о духовном состоянии моих собратьев-евреев по всему миру. Если вы никогда раньше не слушали, прошу, обратите свой слух ко мне сегодня. Это ваш последний шанс, последнее предупреждение, моя последняя мольба к вам: признайте и примите Иисуса как Мессию, которого вы так долго искали.

Вы много раз слышали воззвания моего дорогого друга и коллеги, доктора Циона Бен-Иегуды, который описывал различные пророчества, и они вскоре происходили. Если его речи вас не убедили, то прислушайтесь ко мне и знайте, что, скорее всего, в этот самый день вы увидите знамения в небесах, возвещающие о Втором Пришествии Христа.

Библия говорит в Евангелии от Матфея, 26: 29 и 30, что «после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются».

Тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою».

Сегодня — последний день Скорбей, о которых пророчествовали тысячи лет назад!

Сегодня — седьмая годовщина нечестивого и быстро нарушенного договора между Антихристом и Израилем. Что дальше? Солнце, если оно над вами, перестанет светить. Если над вами луна, то и она перестанет светить, потому что она всего лишь отражает солнечный свет. Не бойтесь. Не пугайтесь. Не паникуйте. Утешайтесь тем, что Слово Божие истинно, и уверуйте во Христа, Мессию.

Что значит «силы небесные поколеблются»? Я не знаю, но, любимые мои, я не могу дожидаться, чтобы узнать! Библия говорит, что Бог «покажет чудеса на небе вверху и знамения на земле внизу, кровь и огонь и курение дыма. Солнце превратится во тьму, и луна — в кровь, прежде нежели наступит день Господень, великий и славный».

Я ожидаю представления, какого не видел никогда, но я буду в безопасности, как Он обещал. Будете ли вы в безопасности? Вы готовы? Вы подготовились? Не откладывайте это ни на секунду.

Что такое «знамение Сына Человеческого»? Опять-таки я не знаю, но я знаю, кто такой Сын Человеческий — Иисус, Мессия. Его знамение может иметь любую форму. Может ли оно быть могучим голубем, спустившимся к Нему, когда Иоанн крестил Его? Может ли оно быть львом, ибо звали Его также Львом Иудей? Может ли оно быть агнцем, ибо Он также Агнец Божий? Крестом, на котором Он умер? Открытой гробницей, где Он попрал смерть? Мы не знаем, но я буду наблюдать. А вы?

Какие племена земные восплачутся, увидев Его пришествие? Те, кто не готов. Те, кто колебался в своем восстании, в неверии, в унынии.

Захария, великий древний еврейский пророк, предсказал это тысячи лет назад. Он писал, цитируя Мессию: «А на дом Давида и на жителей Иерусалима изолью дух благодати и умиления, и они воззрят на Меня, Которого пронзили, и будут рыдать обо Мне, как рыдают о единородном сыне, и скорбеть, как скорбят о первенце».

Только представьте, люди! Историки говорят, что Захария написал это пророчество более чем за четыреста лет до рождения Христа, но тем не менее он цитирует Господа, говорящего о Себе: «Меня, Которого пронзили».

Захария продолжает: «В тот день поднимется большой плач в Иерусалиме... И будет рыдать земля, каждое племя особо: племя дома Давидова особо, и жены их особо... все остальные племена — каждое племя особо, и жены их особо.

В тот день откроется источник дому Давидову и жителям Иерусалима для омытия греха и нечистоты. И будет на всей земле... две части на ней будут истреблены, вымрут, а третья останется на ней.

И введу эту третью часть в огонь, и расплавлю их, как плавят серебро, и очищу их, как очищают золото: они будут призывать имя Мое, и Я услышу их и скажу: «Это Мой народ», и они скажут: «Господь — Бог мой!»

Можно ли сомневаться, друзья, что Он — Тот, Кого Библия называет «Он»? Если вы по-прежнему будете отрицать Его, когда солнце потухнет, небеса содрогнутся и появится Его знамение, то оставьте надежду на спасение. Не ждите. Будьте в той самой третьей части, которую Господь Бог обещал провести сквозь огонь.

Один из евреев первого века, Петр, сказал: «И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется». Я не могу выбрать более подходящих слов, чем его, когда говорю со своими братьями-евреями: «Мужи Израильские! Выслушайте слова сии: Иисуса Назорея, Мужа, засвидетельствованного вам от Бога силами и чудесами и знамениями, которые Бог сотворил через Него среди вас, как и сами знаете — Сего, по определенному совету и предведению Божию преданного, вы взяли и, пригвоздив руками незаконных, убили; но Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти, потому что ей невозможно было удержать Его.

Ибо Давид говорит о Нем: видел я пред собою Господа всегда, ибо Он одесную меня, дабы я не поколебался. От того возрадовалось сердце мое и возвеселился язык мой; даже и плоть моя упокоится в уповании. Ибо ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тления. Ты дал мне познать путь жизни, Ты исполнишь меня радостью пред лицом Твоим.

Мужи братия! Да будет позволено с дерзновением сказать вам о праотце Давиде, что

он и умер и погребен, и гроб его у нас до сего дня. Будучи же пророком и зная, что Бог с клятвою обещал ему от плода чресл его воздвигнуть Христа во плоти и посадить на престоле его, Он прежде сказал о воскресении Христа, что не оставлена душа его в аде и плоть Его не видела тления. Сего Иисуса Бог воскресил, чему все мы свидетели. Итак, он, быв вознесен десницею Божиею и приняв от Отца обетование Святаго Духа, излил то, что вы ныне видите и слышите.

Итак, твердо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли».

Любезные братья, — продолжил Хаим, — Библия говорит, что когда они слышали это, то «умилились сердцем и сказали Петру и прочим Апостолам: что нам делать, мужи братия?».

Сегодня вы тоже спрашиваете то же самое? Я скажу вам то же, что Петр сказал им: «Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святаго Духа. Ибо вам принадлежит обетование и детям вашим и всем дальним, кого ни призовет Господь Бог наш».

О, дети Израиля на всей земле, мне сообщили, что наш враг скоро перехватит управление этим каналом. Если меня прервут, то вы уже знаете достаточно, чтобы уверовать во Христа как Мессию.

Поскольку я не знаю, когда сигнал прервется, позвольте мне закончить, прочитав вам одно из самых обожаемых и сильных про-

рочеств о Мессии из всех, что были написаны. А если мой голос заглушат, то вы сможете найти его и прочитать сами в Книге Исаии, 53. И помните: это было написано более чем за семьсот лет до рождения Христа!

«Господи! кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня? Ибо Он взошел перед Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лицо свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его.

Но он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу; и Господь возложил на Него грехи всех нас.

Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стрищим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих. От уз и суда Он был взят; но род Его кто изъяснит? ибо Он отторгнут от земли живых; за преступления народа Моего претерпел казнь. Ему назначили гроб со злодеями, но Он погребен у богатого, потому что не сделал греха, и не было лжи в устах Его.

Но Господу было угодно поразить Его, и он предал Его мучению; когда же душа Его принесет жертву умилоствления, Он узрит потомство долговечное, и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его. На подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством; чрез познание Его Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих и грехи их на Себе понесет. Посему Я дам Ему часть между великими, и с сильными будет делить добычу, за то, что предал душу Свою на смерть, и к злодеям причтен был, тогда как Он понес на Себе грех многих и за преступников сделался ходатаем».

Во время речи Чань вывел на экран адрес сайта, где люди, решившие уверовать во Христа, могли сразу дать об этом знать доктору Розенцвейгу в Петре. Еще до того, как МС снова перехватило контроль над телесетью, сайт попал под бурный поток подобных сообщений. Миллионы по всему миру, большинство из них — евреи, признали Иисуса Мессией и уверовали в Него, чтобы спастись.

* * *

Мака всегда трогали тексты Священного Писания, а сейчас он радовался еще сильнее, видя, как Николае Карпати, сам Антихрист, и его лжепророк Леон Фортунато кривились, смотря на экран.

— Интересно, — сказал Николае, — сколько людей погибло в Хилле, пока мы не провели пиратов по доске. Кто теперь главный в телецентре?

Позвольте мне кое-что сказать. Эти люди могут говорить что угодно, проповедовать что угодно, верить во что хотят. Но если они не приняли мою печать, не поклялись в верности живому богу мира сего, они умрут. Этот человек обращался к евреям, подонкам общества, которых я сразу же объявил своими врагами. Я косил их, как сгнившие колосья, по всему миру.

И хотя мой убийца все еще на свободе, прячась, как трус, за каменными стенами, моя армия уничтожает его жалких братьев и сестер в так называемом Святом городе. После того как мы возьмем штурмом Петру и погубим наших врагов там, мы вернемся и окончательно захватим Иерусалим. Повстанцы считают, что владеют землей, под которой мы сейчас находимся, но у них больше не осталось выбора. Им некуда бежать и негде скрываться.

Пусть их Спаситель придет! Я с радостью встречу Его. Я зарежу Его, как пса, и взойду на трон, принадлежащий мне по праву.

Ноги Мака затекли от усталости. Стена за спиной больше не холодила, и он не мог понять почему. Он согрел стену своим телом? Нет, что-то произошло. Температура поднималась. Как такое может быть? Из-за чего это происходит?

Даже Карпати, после воскрешения не страдавший ни от голода, ни от усталости, ни

от жажды, если, конечно, рассказам можно верить, заметил это. Он потянул за свой воротник.

— Что случилось с кондиционерами?

— Никаких кондиционеров не нужно, ваше святейшество, — сказал Леон. — Мы в сорока футах под поверх...

— Я знаю, где мы! Я хочу знать, почему поднялась температура. Вы разве не чувствуете?

— Конечно, чувствую, о прославленный. Но здесь нет никаких источников тепла. Температура всегда была постоянной...

— Замолчите! Температура поднялась, и даже тепло от всех наших тел не могло поднять ее настолько.

«Неужели это началось? — подумал Мак. — Неужели это знамение пришествия? Может ли Иисус появиться здесь, в логове Своего врага? Господи, прошу Тебя!»

Может быть, снаружи потухло солнце?

* * *

Рэйфорд прикрыл глаза ладонью и, прищурившись, посмотрел в небо. Ни облачка. Солнце наконец-то ушло достаточно далеко, чтобы температура упала градусов на десять по сравнению с жестоким полуденным пиком. Рэйфорд с благодарностью принял от Абдуллы его кепку, которая была немного мала, но свое дело делала.

— Если мы не сможем донести вас до Петры, — сказала Лия, — нам нужно будет хотя бы посадить вас. Вы сможете сесть?

— Не могу сказать, — ответил Рэйфорд. — Но я знаю, что вы правы. Мне потребуется помощь.

— У вас закружится голова, — сказала Лия, и это оказалось значительным преимуществом.

Когда они с Абдуллой помогли Рэйфорду сесть, кровь так резко отлила от головы, что он совершенно потерял ориентацию в пространстве, хотя по-прежнему твердо сидел в неглубокой могиле, которую выкопал сам.

— Ох, — прошептал Рэйфорд.

— Когда сможете, — попросила Лия, — скажите, что болит сильнее всего.

— Я и сейчас могу сказать: лодыжка. Потом берцовая кость. Потом рука.

— Я обработаю все по порядку, — сказала она, — но это все будет сделано на коленке. Я бы сделала все совершенно по-другому, если бы мы были в стерильной обстановке и я могла бы провести магнитно-резонансное исследование.

Лия прочистила лодыжку, в которой зияла рана, затем ввела обезболивающее и сказала:

— Прежде чем закрыть эту рану, потребуется помощь хирурга, но песок и воздух там вам явно ни к чему.

Она отрезала мертвую и поврежденную кожу, которую было уже не спасти, и зашила рану так, чтобы швы можно было легко снять.

— Сейчас будет больно, — сказала она, отрезав ниже колена левую штанину цвета хаки и ощупав его берцовую кость обеими руками. — У вас трещина в кости, но ее не-легко будет вправить. Могу попробовать, но только после того, как обезболю ее. Вы готовы?

— У меня есть выбор?

— Нет. Возможно, нам придется везти вас на мотоцикле, а если эту кость не вправить и не наложить шину, то вы потеряете сознание от боли.

— А как насчет боли из-за того, что вы ее вправите?

— Я ничего не гарантирую.

Рэйфорду уже приходилось получать тяжелые ранения, но таких мучений он еще не испытывал. Лия не смогла вправить берцовую кость с первого раза, но просто сказала: «Извините, я могу сделать это» — и попробовала снова. Несмотря на зажатую в зубах марлю, Рэйфорд кричал достаточно громко, чтобы привлечь внимание Объединенной армии. Даже после того, как кость встала на место, нога болела так, что подергивалась еще минут десять, и все это время он с трудом сдерживался, чтобы не застонать.

— Пусть боль успокоится, а потом я наложу шину, — заверила Лия.

— Вы так добры, — сказал он, и она ответила улыбкой.

Шина, к счастью, оказалась из надувного пластика и удерживала ногу так плотно, что боль наконец-то начала отступать. Лия

занялась обработкой и перевязкой ран на тыльной стороне ладони, подбородке, обеих руках и обеих коленях.

— Я буду выглядеть великолепно, — сказал он. — Лучше пусть Кенни меня не видит, пока я не сниму хоть что-нибудь из этого.

* * *

Джордж Себастьян с облегчением узнал, что Рэйфорда нашли живым, но ему было интересно, насколько сильно пострадал его начальник. Впрочем, еще больше его беспокоили планы Объединенной армии. Они уже прошли с полмили, но продвигались вперед настолько медленно, что этот маневр занял не один час. А сейчас они остановились. Если это был прием психологической войны, то он сработал. Люди Себастьяна испугались.

Волнующаяся армада, возглавляемая сотнями тысяч всадников, словно ждала единственного слова Антихриста, чтобы или открыть огонь, или перейти в наступление. Больше всего Большого Пса-1 беспокоило то, что ему приходилось поворачивать голову больше, чем на сто двадцать градусов, просто чтобы полностью окинуть взглядом армию, противостоявшую ему. И как бы высоко он ни забирался, он все равно не видел, где кончается эта армия. Она буквально за-слоняла горизонт.

* * *

Мак поразился не меньше Леона, когда Карпати проговорил:

— Мне нужен стул. Дайте мне стул!

Николае очень редко садился. Все знали, что он не ел и не спал три с половиной года, что убеждало верных ему, что он истинный живой бог, а его врагов — что он, несомненно, Антихрист, в котором живет сатана. О его ярости ходили легенды. Но он ни разу не проявлял физической слабости.

А теперь ему нужен стул?

Леон Фортунато вскочил со своего стула и пододвинул его к потентату, который, пошатываясь, сел. Николае схватился за воротник и расстегнул рубашку, пытаясь обмахнуться слабыми движениями руки.

— Позвольте мне, ваше святейшество, — сказал Фортунато. Он опустил на колени, взялся за краешек пышной ризы, задрал ее до пояса и начал обмахивать потентата.

Обычно Карпати быстро уставал от подобного раболепия, но сейчас, похоже, он действительно ощущал панику и благодарность. Но когда Леон повернулся, чтобы попросить Вив Айвинз налить Николае стакан воды, его яркая феска упала с головы и приземлилась в складках рясы. Махнув полой в очередной раз, он запустил шляпу прямо на колени Карпати.

— О! — вскричал Леон. — О, ваше величество! Простите меня!

Он наклонился и попытался поднять феску, но сумел лишь сбить ее с колен Николае на пол. По инерции Леон упал на Карпати и распростерся на внезапно захворавшем мировом лидере, его округлый живот оказался на коленях повелителя. Он схватил шляпу обеими руками и, снова приняв вертикальное положение, натянул ее на голову, бормоча все возможные извинения.

Мак был уверен, что Николае казнит своего главного приспешника за такое нарушение этикета, но тот, похоже, почти ничего не заметил. Карпати было совсем плохо. Вив Айвинз наконец поставила перед ним стакан воды, но он уже опустил руки, а его обычно румяное лицо побледнело.

Леон схватил стакан и поднес его к губам Карпати; феска снова начала съезжать. На этот раз Леон со злости сбил ее свободной рукой, и она упала на пол где-то позади. Карпати с трудом открыл рот, вода потекла по его подбородку.

— Вызовите парамедиков! — завизжал Леон. — Кто-нибудь, пожалуйста! Скорее!

ГЛАВА ПЯТАЯ

По спине Мака струился пот. Температура все поднималась, словно под Храмовой горой разгорался пожар. У Карпати были свои проблемы, так что стражники из Объединенной армии позволили себе немного расслабиться; они утерли лбы, расстегнули рубашки и куртки и стали обмениваться взглядами, словно пытаясь узнать друг у друга, что случилось.

Мак развернулся и оперся на входную арку, услышав звуки выстрелов. Какова бы ни была причина, стрельба раздавалась повсюду. В конюшнях внезапно наступил хаос. Непривязанные кони вырвались у конюхов и заржали, повергая друг друга в панику, хотя бежать было некуда. Конюхи набрасывали на коней арканы, но тут же взлетали в воздух, когда те поднимались на дыбы, а потом падали на землю: лошади начали толкаться

друг с другом, отчаянно пытаясь вырваться на свободу.

Мужчин и женщин затапывали, некоторых — насмерть, но когда один неведомый солдат выстрелил в воздух, все стало еще хуже. Более тысячи взрослых чистокровных верховых лошадей пришли в ужас. Инстинкты обратили их в бегство, они сносили все на своем пути, в том числе и друг друга.

Мак увидел, как разрывались могучие лошадиные лопатки, когда животных раздавливало о стену. С треском ломались ноги, кони щипали и кусали друг друга, и вскоре началась всеобщая свалка.

— Где пожар? — крикнул кто-то.

Многие, похоже, услышали только «пожар», потому что это слово стало передаваться из уст в уста по всему подземелью. Мак не видел огня и не чувствовал запаха дыма. Но он услышал «Пожар! Пожар! Пожар!», и инстинкты погнали его, как и всех остальных, к поверхности.

Но командир затолкнул его обратно в комнату дулом автомата.

— Нет никакого пожара! — крикнул он. — У каждого солдата в этой комнате лишь одна задача: защищать потентата. Именно это мы должны делать. Никто не войдет и никто не выйдет.

— Разрешите спросить, командер? — послышался чей-то голос из угла.

— Разрешаю.

— Почему так жарко?

— Не знаю, но пусть другие убивают себя, пытаясь сбежать от пожара, которого нет. Вам не справиться с весом тысячу двести фунтов лошадьё, которая захочет вас отпихнуть, так что оставайтесь здесь и выполняйте свою работу.

— Что случилось с потентатом?

— Как я могу знать?

— Парамедики уже в пути?

— Я не знаю, как они смогут сюда добраться. Но, будьте уверены, никто больше сюда не войдет. Если это заговор против его святейшества, то дальше он не зайдет. Теперь смирно! Оружие на изготовку!

Маку никогда не нравилось под землей, но приступ клаустрофобии он почувствовал только сейчас. Подземелье было таких размеров, что позволяло спокойно дышать и передвигаться. Но сейчас за пределами комнаты, где никто не двигался, царило столпотворение. Ему не удастся сбежать, вырваться на свободу, на свет и воздух, где не так жарко, даже если он откроет огонь и перебьет здесь всех. То, что творилось на земляной дороге и деревянных лестницах, превосходило по масштабам все трагедии, произошедшие из-за пожаров в переполненных зданиях. Даже без пожара последствия будут катастрофическими.

Уже не беспокоясь о безопасности и держа палец на курке, Мак с трудом сохранял самообладание и стоял смирно, смотря прямо на Карпати. Под его формой струился пот.

Николае выглядел изможденным. Пышные волосы резко поредели. Ясные, прони-

зывающие глаза налились кровью, под ними обвисли мешки. Лицо стало землистым, и, хотя это и казалось странным, Мак увидел на нем паутину вен, которая обрамляла ввалившиеся глаза.

Пальцы Карпати истончились, кожа стала тонкой, как бумага, на плечах выпирали кости. Он словно потерял за несколько минут фунтов пятьдесят. Его бледные, синюшные губы были приоткрыты, а внутри виднелись зубы и десны... мертвеца.

— Вы должны пить, ваше святейшество! — взывал Фортунато.

— Я изнурен, — сказал Карпати, и, хотя Мак едва слышал его, это был явно не голос, известный Маку. Слова казались пустыми, еле слышными, доносились, словно эхо из далекого подземелья. — Голоден, — бесстрастно произнес Карпати. — Истощен. Мертв.

Несомненно, последнее слово он употребил иносказательно, но Маку он на самом деле казался мертвым. Если бы состояние кожи было чуть похуже, то он вполне сошел бы за разлагающийся труп. Даже уши казались практически прозрачными.

В следующее мгновение Мак опустился на колени, прикрывая глаза от ярчайшего света из всех, что он когда-либо видел. Он вспомнил эксперимент по физике в средней школе, проведенный более пятидесяти лет назад, когда вместе с одноклассниками в очень темных очках поджигал полоски магния.

Мак быстро огляделся и увидел, что не только он упал на землю. Большинство сол-

дат рухнуло ничком, бросив на пол оружие. Что бы ни было источником света, испускаемого с середины стола, оно освещало комнату, как полуденное солнце.

— Прекрасно! Прекрасно! — шептали люди, охая и ахая, словно на салюте. Все савонники отодвинулись от стола и прикрыли глаза, глядя сквозь пальцы на величественное явление, чем бы оно ни было.

Мак приподнялся и сел на корточки; глаза постепенно привыкали к сиянию, которое поначалу ослепляло. Усевшись и снова сжав в руках оружие, он понял, почему так многих поразил этот... этот призрак. Он парил в нескольких дюймах прямо над центром стола; от яркого золотисто-белого света невозможно было отвести глаза. Он сиял так ярко, что на шестифутовой фигуре, напоминавшей человеческую, невозможно было разглядеть ничего. Было неясно даже, одето это существо — если это действительно человекоподобное существо — или обнажено.

Мак постепенно понял, что смотрит на спину создания, стоявшего лицом к Карпати и Фортунато. Он разглядел волнистые светлые волосы, но остальное тело, похоже, человеческий глаз не увидит никогда. Это явно не было Вторым Пришествием Христа, потому что Мак знал, что Он вернется на облаках в сопровождении Своих верующих.

Стул Вив Айвинз пустовал, но Мак услышал, как она стонет в экстазе, растянувшись на полу.

Карпати упал вперед, опершись щекой о стол и вытянув руки.

— О, мой господь, мой бог и мой царь, — все повторял он голосом, больше похожим на предсмертный хрип.

Снаружи раздавались ужасающие звуки смерти. Паника, крики и стоны, мольбы, треск костей, воздух, выходящий из легких, лошади, фыркающие и визжащие, словно мелкие животные.

Взрослые мужчины и женщины жалостливо кричали и плакали:

— Спаси меня! О, Боже, спаси меня! Я не хочу умирать!

Но они умирали. Даже не видя ничего, Мак отлично понимал, что такой кровавой бани, которая творилась сейчас в подземелье, он еще не видел никогда. Началась стрельба, и он мог лишь предполагать, что это несколько выживших солдат добивали тяжело раненных лошадей или товарищей, пытаясь проложить себе зловещую дорогу по трупам.

Карпати поднял свою жалкую голову, косяком Зорро свисал с него, словно с трупа.

— Люцифер, — прохрипел он, пытаясь заглянуть в глаза созданию. — Мой господин и царь, для чего ты меня оставил? Для чего извлек дух свой из меня? Не посвятил ли я тебе всего себя, служа тебе всем сердцем и существом?

— Молчать! — последовал ответ таким пронзительным и ужасным голосом, что Мак вздрогнул и с трудом подавил желание закрыть уши. — Ты противен мне! Посмотри на себя! Ты смеешь говорить, что мо-

жешь что-то предложить мне, кроме своего жалкого скелета?! Ты опьянен властью, источник которой намного дальше, чем ты можешь вообразить! Ты — лишь инструмент, глиняный сосуд для моих замыслов, но ты выставляешь себя так, будто действительно чем-то ценен!

— О царь мой! — выдохнул Карпати. — Нет! Я...

— Ты даже не понимаешь, что значит слово «молчать»! Ты — ничто! Ничто! У тебя не было никакой силы, чтобы восстать из мертвых! Ты был трупом, окоченелым и гниющим. Посмотри на себя. Без моей милости ты вернулся бы в землю, пепел к пеплу, прах к праху.

— Пощади меня, о господь мой! Я люблю тебя и желаю служить тебе! Я сделаю все для...

— О дух ничтожества, крупинка моего воображения! Я снова овладею твоим скелетом, не несущим никакой иной ценности. Но ты должен знать, а если ты не в состоянии объять это своим разумом, то я сам напомню тебе, кто ты есть и кто ты не есть. Ты — не я! Я — не ты! Ты — просто инвентарь, товары и услуги. Ты — лишь оборудование, и не смей считать иначе.

— Я никогда не считал так, о божественный! Никогда! Я покорно...

— Я — господь бог твой, и я не разделю своей славы!

— Безусловно, — тяжело дыша, проговорил Карпати. — О царь небесный и земной!

— Не думай, что случайно то, что мой Враг, Своими же словами, признал, что я родился на небесах, и назвал меня денницей, сыном зари! Знаешь ли ты, как знает Он, что это я ослабил народы?

— Я знаю, — всхлипнул Карпати. — Я знаю!

— Я, а не ты и никто другой в сотворенном мире, взойду на небо. Выше звезд Божиих я вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; я взойду на высоты облачные и буду подобен Всевышнему.

— Да, любимый хозяин. Да!

— Но мой Враг говорит, что буду я низвержен в ад, в глубины преисподней.

— Нет, господи, нет!

— Он говорит, что видящие меня будут всматриваться в меня и размышлять обо мне: «Тот ли это человек, который колебал землю, потрясал царства, вселенную сделал пустынею и разрушал города ее, пленников своих не отпускал домой?»

— Да не будет так никогда, властелин мой!

— О да, мой Враг насмехается надо мной! Он говорит, что все цари народов, все будут лежать с честью, каждый в своей усыпальнице, но я — я — буду повержен вне гробницы своей, как презренная ветвь, как одежда убитых, сраженных мечом, которых опускают в каменные рвы, я буду как попираемый труп. Я буду похоронен, как обычный солдат, убитый в бою?

— Никогда! — всхлипнул Карпати. — Никогда! Никогда, пока я дышу!

— Ты настолько туп, что не понимаешь? Это я даровал тебе дыхание!

— Я знаю! Да, я знаю!

— И какую же лепту ты внесешь, мошенник, когда Враг попытается исполнить Свое обещание, что не будет могилы мне, ибо я разорил землю мою, Вавилон, и убил народ мой? Он насмехается надо мной, говоря, что мой сын не унаследует царствие мое.

— О, позволь мне стать твоим сыном, — зарыдал Карпати. — А ты будешь моим отцом!

— Но *нет!* Враг насмехается надо мной. Он говорит: «Готовьте заклятие сыновьям его за беззаконие отца их, чтобы не восстали и не завладели землею и не наполнили вселенной неприятелями. И Сам Я восстану на них», и Он имеет дерзость называть Себя Господом войска небесного.

— Но это ты, о прекрасная звезда! Это лишь ты!

— Он уже разрушил мой обожаемый Вавилон, но Он не успокоится, пока не превратит его во «владение ежей и болото». Он обещает «вымести землю метлой истребительной», этот так называемый Господь войска небесного.

— Мы не позволим этому произойти, ваша светлость.

— Но Он поклялся сделать так! Он говорит, что это Его предназначение и промысел. Он решил разбить ассирийскую армию, когда она вошла в Израиль, и сокрушить ее на Своих горах, сказав: «И спадет с них ярмо

его, и снимется бремя его с рамен их. Таково определение, постановленное о всей земле, и вот рука, простертая на все народы».

— Но Его сила — ничто по сравнению с твоей, царь-завоеватель! Мы докажем это уже сегодня!

— Мы? Мы?

— Ты! Ты, о возвышенный!

— Кто ты такой, чтобы говорить? Что ты сможешь дать мне, когда Враг, зовущий Себя Господом Богом битвы, произнесет свое слово — Он определит, и кто сможет отменить это? Рука Его простерта, — и кто отвратит ее?

— Ты сможешь, о всемогущий. Я верю в тебя.

— Я могу. И не забывай об этом. Кто, как Он думает, восстал на Израиля и возбудил Давида сделать счисление израильтян, хотя его Бог запретил это?

— Он знает. Я знаю, что Он знает!

— Конечно же, Он знает! Это я ходил по земле и обошел ее. Это я испытывал и искушал Иова, что он почти покинул и проклял Бога своего. Когда Иисус, первосвященник, стоял перед Ангелом Господним, это я стоял одесную его и противостоял ему. Это я искушал собственного Сына Вражьего в пустыне.

— И ты почти добился успеха.

— Успех придет сегодня.

— Я верю в это, господь мой.

— Я — тот, кто взял Сына Вражьего в Святой город и поставил его на крыле храма. Я сказал Ему: «Если ты Сын Божий,

бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею». Но Он не сделал этого! Даже Он Сам не верил! Он возразил, как трус, лишь словами. Он попытался сказать мне, словно я этого не знаю, что «написано также: не искушай Господа Бога твоего». Но Он — не мой Господь и не мой Бог!

— И не мой, о князь, господствующий в воздухе.

— Это я взял Его на весьма высокую гору и показал Ему все царства мира и славу их. Я предложил дать все это Ему, если Он, пав, поклонится мне. Но Он отказался.

— Он был дураком.

— Но я тоже не поклонился Ему.

— И никогда не поклонись.

— Никогда. Он говорил правду и сказал очень верно, когда назвал Своего же апостола сатаной. Я тогда сумел захватить Петра. Сын Вражий справедливо обвинил его, что тот думает не о том, что Божие, но что человеческое.

— Да будет так всегда! — изливался елем Карпати.

— О, Сын хорошо знал, что, когда люди услышат Его слова, я тотчас прихожу и похищаю слово, посеянное в сердцах их.

— В этом всегда была твоя сила.

— Именно я вошел в Иуду, что числился среди апостолов Сына. И именно я снова попросил о Симоне Петре, чтобы сеять его как пшеницу. Он был так слаб той ночью.

— Я не буду слабым в твою трудную минуту, хозяин.

— Ты не нужен мне! Я не слаб! Ты жалок и необучаем.

— Прости меня, господи.

— Это я заполнил сердце Анании ложью и заставил утаить часть из цены земли для себя.

— Удивительно!

— Молчать! Я устаю от тебя. Я готовлюсь к битве с Тем, кто зовет Себя Богом мира и говорит, что сокрушит Меня под ногами своими. Я — тот, кто пользуется случаем, когда люди не замечают моих планов. Я — бог века сего, способный ослепить умы тех, кто не верует — как не верую я — в то, что мой Враг называет светом благовествования о славе Христа, Который есть образ Бога невидимого. Я — больше, чем Его образ. Я выше Его, и я покорю Его. Я был достаточно искусен, чтобы обмануть Еву, Его второе создание. Неужели я не справлюсь с этой задачей?

— Ты справишься, и вселенная воспоеет тебе хвалы и назовет благословенным.

— Ты очень хорошо назвал меня князем, господствующим в воздухе. Я — дух, действующий ныне в сынах противления Врагу. Я действую в них, чтобы исполнить плотские похоти, желания плоти и помыслов. Никто не устоит против козней моих. Потому что их брань не против крови и плоти, но против моих начальств, против моих властей, против моих мироправителей века сего, против духов злобы поднебесной.

— Се ты, о благословенный.

— У меня есть раскаленные стрелы, кои неугасимы.

— Аминь, аминь!

— Я мешал даже любимому слуге Вражьему, Павлу, снова и снова расстраивая его планы. И в его отсутствие среди учеников я отвратил их от веры. Я был врагом их, и они звали меня подобным рыкающему льву, ищущему, кого поглотить.

— Сегодня для тебя будет целый пир.

— Враг, зовущий Себя Богом, объявил, что Его Сын явился, чтобы разрушить мои дела.

— Богохульство!

— Он зовет меня великим драконом, древним змием, диаволом и сатаною и признал, что я обольщаю всю вселенную. Но он ошибся, низвергнув меня на землю вместе с ангелами моими.

— Он совершил величайшую ошибку, господи. Как превозносят имя твое на всей земле! Вознесись над небесами. Пусть слава твоя будет надо всею землею. Ты высок над всеми народами, господь мой; над небесами слава твоя. Кто таков, как ты, обитающий на высоте?

— Мне снова ненадолго понадобится твоя оболочка.

— Я твой, — сказал Карпати.

После этих слов свет исчез, и Николае встал, высокомерно подняв подбородок. Его кожа снова обрела нормальный цвет; он застегнул рубашку и поправил верхнюю одежду.

ду. Он словно вернулся к жизни — его голос снова звучал жестко и уверенно.

— Пожалуйста, вернитесь на свои места, дамы и господа. Мисс Айвинз, пожалуйста. Преподобный Фортунато.

Он медленно отодвинул стул, который подставил ему Леон, и держал его, пока священник неуклюже выпутывался из своих одежд и вставал.

— Региональные потентаты, генералы, помощники, пожалуйста, сядьте. Солдаты, смирно!

Мак отлично понимал, что все в комнате шокированы и потрясены. Их глаза светились ужасом. Тела отказывались повиноваться. Они расселись по местам, исполненные страха и потрясения.

— Ваше смущение скоро пройдет, — сказал Николае. — Когда вы все рассядетесь, я расскажу вам, что вы только что наблюдали и что из этого вы запомните.

Азиатский сановник поднял руку, его лицо было испуганным.

— Прошу, отложите ненадолго свои вопросы.

Встал африканец, тоже держа руку поднятой.

— Прошу, выполните мою просьбу, сэр, — сказал Карпати. — Я обращаюсь к вам через мгновение, если вы окажете мне любезность.

Африканец сел, явно беспокоясь. Остальные нервно переглядывались, качая головами.

— Дамы, господа и солдаты, — начал Карпати, но его прервал человек, вбежавший в двери. — Что еще?

— Из-за резни, устроенной снаружи, ваше святейшество, мы не смогли найти парамедиков.

— Благодарю. Они больше не нужны.

— И еще, ваша светлость, мы не смогли определить источник жара, из-за которого лошади впали в панику.

— Я так думаю, что сейчас это имеет лишь теоретическое значение. Кто-то еще испытывает неудобства?

— Не от жары, — проговорил австралиец, — но у меня есть несколько серьезных вопросов по поводу того, что только что...

— Я прошу и вас, сэр, воздержаться от вопросов и замечаний еще на несколько секунд. Благодарю вас. А вы, сэр, — обратился он к стоящему в дверях, — не могли бы остаться и выслушать мое объяснение?

Посланец прошел мимо Мака и встал за спинами тех, кто сидел в дальнем конце стола.

— Дамы и господа, — начал Николае мягким, убедительным голосом, медленно оглядывая комнату и на несколько мгновений заглядывая каждому в глаза. — В этот раз не нужно отводить взгляды. Я решил установить с вами визуальную связь. Вам только что была оказана честь пережить уникальное событие. Вы присутствовали при том, как я покинул это брненное тело и принял божественное обличье. Я наделил вас всеми

правами и привилегиями, сопутствующими вашему положению верных последователей, и ободрил вас перед грядущей битвой.

Когда мы покинем это место и сядем верхом, чтобы поехать к нашей славной победе, вы увидите, что враги сумели пробраться сквозь поверхность земли — по сути, потолок нашего зала. Я божественным образом защитил себя и всех вас, но враги вызвали панику среди лошадей, которая привела к многочисленным жертвам как среди солдат, так и среди животных, которых мы, как вам известно, ценим не меньше, чем наши человеческие ресурсы. Но не тревожьтесь. Не бойтесь. Наши ресурсы безграничны. Я поведу вас наверх, и для каждого из вас найдется верховая лошадь. Теперь можете излагать вопросы и замечания.

Азиат встал и поклонился:

— Я лишь хотел поблагодарить вас, ваше святейшество, за честь, оказанную мне и моей группе. Мы навсегда запомним, что присутствовали при самом значительном событии за всю историю, и мы благодарны за это.

— Спасибо. Да, сэр?

Встал африканец:

— Я хочу присоединиться к уже сказанным словам, ваше святейшество, от имени всех своих подчиненных. Вы наиболее достойны восхвалений, и мы с нетерпением ждем возможности присоединиться к вам на пути к окончательной победе, после которого весь мир узнает вас таким, какой вы есть.

Маку хотелось выкрикнуть «Аминь». Если он — единственный верующий в этой комнате (и он не мог представить, что может быть иначе), то лишь на него не подействовал гипнотический обман Карпати.

Подъем на поверхность был сюрреалистичным. Мужчин и женщин сзади и спереди сопровождали солдаты, и Мак отлично видел их реакцию на судьбу, постигшую всех остальных. Подземелье выглядело ужаснее, чем любая зона боевых действий. Сотни лошадей и еще больше людей лежали мертвыми в отвратительных позах, разбитые, растоптанные, раздавленные, разорванные на куски. Тошнотворный запах горячих внутренностей людей и животных перебил даже вонь от конюшни, но мужчины и женщины из комнаты для собраний наступали и переступали через останки, словно шли по лужайке.

Никто не корчил гримас, не зажимал носа, ничего не говорил. Они словно не видели луж крови, перемешанной с грязью. Выйдя на поверхность, они небрежно потопали ногами, чтобы стряхнуть с обуви грязь, и поблагодарили солдат за помощь. Они торжествовали, когда к ним подвели огромных скакунов и посадили их в седло.

Направляясь на битву Армагеддона, они улыбались, смеялись и болтали, словно возвращаясь со скачек. Мак заметил, что впервые за весь день в небе появились большие пушистые облака. Оранжевое солнце все еще виднелось у горизонта. Больше всего

ему сейчас хотелось ускользнуть и вернуться к своим братьям и сестрам во Христе, когда настанет конец света.

* * *

Рэйфорд высказал опасения по поводу обоих транспортных средств. Они оба могли поместиться на мотоцикле Абдуллы, но в седле им будет тесно. Кроме того, это тонкая, шумная, яростная машина, для которой скорость намного важнее удобства. Квадроцикл Лии был шире, надежнее и медленнее, но два человека там могли поместиться лишь в том случае, если бы они бросили медицинские припасы. Как седоку, Рэйфорду требовалась стабильность. А скорость будет его врагом. Углы, склоны, ускорение, повороты, прыжки и толчки превратятся в настоящую пытку.

Но другого варианта не было. Он не хотел больше оставаться на сухих, каменистых холмах. Кто знает, что с ними случится после всемирного землетрясения? Он не думал, что погибнет в нем, но он и не ожидал, что упадет со своего квадроцикла.

Его квадроцикл. Вот и решение. Не его машина, конечно. Она разбита. Но там, откуда он на ней приехал, есть еще машины. Они позвонили Себастьяну.

— Верблюжья кавалерия вызывает Большого Пса, — сказал Смитти.

— Кавалерия, это Пес. Прием.

— Вы можете доставить нам квадроцикл, чтобы довести капитана Стила до Петры?

— Если только лично.

— Хорошо, но стоит ли вам покидать свой отряд?

— Я шучу, Смитти. Я отправлю Рейзора.

— Вы знаете, где мы находимся?

— Так точно. Чань дал мне ваши точные координаты. Рэйфорд выживет?

— Если переживет поездку. Как водит мистер Рейзор?

— Думаю, он знает, что поставлено на карту. Что скажете об облаках?

— Первые облака за целый день, Большой Пес. Мне кажется, Кто-то приближается.

* * *

— Мне нужно уйти отсюда, — сказал Чань, энергично потирая глаза.

— Я только этого и ждала, — ответила Наоми, едва ли не силой вытащив его из кресла.

— Дай мне сначала выйти из системы, — уперся он.

— Ни в коем случае. Идем. Никто не пострадает, если ты не отключишься. Нас ждет впечатляющий закат.

— Без облаков? Откуда ты знаешь?

— Увидишь. Ты так занят, что даже не замечаешь, что творится вокруг.

Когда они вышли на улицу, Чань застыл, пораженный. Огромное солнце клонилось к закату, а на небе появились облака. Они появлялись словно из ниоткуда, с каждой минутой их становилось все больше. Было что-то радостное в этих подвижных кудрявых облаках, и они плыли так быстро, словно там, наверху, дул сильнейший ветер. Вскоре облака соединились, образовав огромные, отбрасывающие тени купола к югу от солнца, а на севере образовывались все новые отдельные облака.

Эти облака тоже начали соединяться. Чань и Наоми поднялись на свою любимую вершину и легли, заложив руки за головы.

— Никогда такого не видел, — сказал Чань, показывая вверх. Облака образовывались прямо над ними, а не на горизонте, как обычно. Они появлялись как длинные, узкие образования в стратосфере, быстро превращавшиеся в слоисто-кучевые облака.

— Облака формируются одновременно в верхних, средних и нижних слоях атмосферы, — сказал Чань.

— Они прекрасны.

— Да, уже сейчас. Ты дождись, когда они начнут сливаться по вертикали. Они могут достигать в высоту до семи миль и вырабатывать огромную энергию.

— Откуда ты все это знаешь? — спросила она. — Я знаю только о компьютерах.

— Я знаю все, — сказал Чань.

Наоми игриво ударила его.

— Эй, — сказала она, повернувшись на бок и заглянув ему в лицо. — Ты сейчас уснешь.

— Вряд ли, — ответил он. — Там, наверху, слишком много всего творится. Слишком многое, чего мы с нетерпением ждем.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Брат Энох, — сказал мужчина-испанец, — если вы сосредоточитесь, то и мы сосредоточимся.

— Не понимаю вас, — ответил Энох, снова вглядываясь в деревья и окна на краю внутреннего дворика, чтобы убедиться, что бойцы МС их еще не нашли.

— Вы о чем-то беспокоитесь, брат. Ну... мы все ждем одного и того же. Мы хотим быть готовыми. Мы хотим быть здесь, когда явится Иисус. Но мы хотим, чтобы вы учили нас во время ожидания. Вы все говорите, что вы не ученый, но вы — наш пастор уже не один год. Что-то работает.

— Да, — вставил еще один прихожанин. — По-моему, я не понимаю, что происходит и что произойдет. Я знаю, что мы все скоро будем с Иисусом — ну или Он будет с нами, — но я бы не отказался получше по-

нимать, что случится. Вы можете рассказать нам еще что-нибудь?

Энох не мог не улыбнуться.

— Могу, — сказал он. — Я просто не думал, что у меня найдется время, чтобы рассказать об этом, а у вас — терпение, чтобы выслушать.

— Это лучше, чем просто ждать. Я жду не дождусь явления Иисуса, но, когда ничего не происходит, часы идут очень медленно.

— Да, верно. У меня с собой Библия и мои записи, если вы действительно готовы слушать.

— Мы готовы. Но, пастор, вы не смотрели на небо?

На Среднем Западе наступил полдень, и солнце поднялось в зенит. Энох прикрыл глаза.

— Облака, — сказал он.

— Облака, которых не было час назад. Если не ошибаюсь, мы проснулись под безоблачным небом.

— Совершенно безоблачным.

— Это не тучи, — сказал Энох. — Не думаю, что из них прольется дождь.

Засмеялась женщина:

— Хочу увидеть облако, на котором прибьет Иисус.

* * *

Рейзор прибыл на квадроцикле с семисотпятидесятикубовым мотором, достаточ-

но большом, чтобы уместить на нем Рэйфорда. Но Рэйфорд даже сидел с трудом, а что с ним будет, если он встанет или тем более подпрыгнет на ухабе, сидя на квадроцикле, никто сказать не мог.

— Вы, случаем, никакой еды не привезли? — спросил Рэйфорд.

— Сэр, да, сэр, — сказал Рейзор с раздражающей до безумия военной формальностью, от которой Рэйфорд безуспешно пытался его отучить.

— Мисс Лию совсем не заботило, не умру ли я от голода.

— Вода гораздо важнее, — сказала она. — Тем более что я не ожидала, что вы здесь застрянете так надолго.

— Шучу, Лия. Вы спасли мне жизнь. Что там у вас, Рейзор?

— Питательный батончик, сэр.

— Это та пенопластовая хреновина со вкусом картона?

— Именно.

— А аромат какой?

— По-моему, шоколадный, сэр.

Рэйфорд, кроме шуток, действительно очень хотел есть. Он вскрыл обертку и откусил большой кусок.

— Осторожнее, ковбой, — сказала Лия. — Ваш организм не совсем в порядке.

— Ну, это поможет, — ответил Рэйфорд и начал есть медленнее. Он тянул время. Посадка на квадроцикл станет той еще пыткой, но лишь малой ее частью. Дорога к Петре, судя по тому, что он видел, состояла из неров-

ных скал. — Нас ждет прекрасный закат, — лениво проговорил он.

— Возможно, последний перед пришествием Иисуса, — добавила Лия.

* * *

Себастьян сел на капот «хаммера», стоявшего без дела уже несколько часов; металл только сейчас достаточно охладился, чтобы на нем можно было сидеть. Объединенная армия казалась чем-то обеспокоенной, если такой эпитет можно было применить к такому огромному собранию людей. С тех пор, как они прошли полмили и остановились, они зловеще разглядывали Джорджа и его отряд.

Джордж решил не вызывать их агрессию огнем из направленного энергетического оружия или винтовок пятидесятого калибра, и в последние полчаса они стали, так сказать, немного менее угрожающими. Они словно потеряли цель. Чуть раньше сотни тысяч всадников, казалось, все дружно пожирали взглядами его одного, а сейчас он слышал вдалеке скрип седел. Они прекратили смотреть на него и стали вертеться в седлах, разговаривая друг с другом.

Возможно ли, что до поля боя дошли слухи? Может быть, эти солдаты узнали, что им не пришлют подкреплений или даже если и пришлют, то вовремя не заплатят, если за-

платят вообще? «Сарафанное радио» работало на удивление точно, быстро и — если он был прав — упорно, раз сумело пересечь даже пески пустыни.

Мог ли Большой Пес-1 воспользоваться их замешательством? Он не мог представить как. Залп из винтовок или лазеров лишь разозлит врага и заставит его перейти в наступление. Сейчас, безнадежно уступая врагу в силах, Себастьян был вполне доволен его нынешним состоянием. Если бы у него был выбор, он бы разве что отодвинул врагов мили на полторы. Но они не смогли бы так сделать, даже если бы очень захотели, даже если бы им приказали. Отступление фронта невозможно без отступления тыла, а чтобы скоординировать такие действия, потребуются недели. Эта армия могла двигаться лишь в одном направлении, и Себастьян и его оборонительный отряд стояли у них на пути.

Он достал телефон.

— Чань, что ты делаешь прямо сейчас?

— Вы точно хотите знать?

— Конечно.

— Лежу на спине и смотрю на облака.

— И ты не один, да?

— Конечно, нет, — сказал Чань.

— Мы с Присциллой не будем вместе, когда придет Иисус, — сказал Себастьян.

— Вы хотите, чтобы я отправил к вам ее вместе с Бет Энн?

— Вряд ли. Мы договорились, где встретимся, когда все закончится.

— Надеюсь, капитан Стил сможет увидеть все это, когда доберется сюда, и придет время, — сказал Чань.

— О, он сможет. Нужно лишь надеяться, что время придет не раньше, чем Рейзор довезет его к вам.

* * *

— Как вы знаете, — сказал Энох своей пастве, — в последнее время я учил вас о Божием милосердии. Многим из вас это казалось несовместимым с пророчествами и тем, что произошло. Но, как я сказал, все это двадцать одна кара, которые сошли с небес трижды по семь — отчаянная последняя попытка Бога привлечь внимание человека. Но поймите меня правильно: семь последних кар еще и стали свидетельством Его гнева.

На самом деле исполнение этих кар ангелами изображается как выливание чаш, или бутылей, чтобы все кары до капли попали на тех, на кого направлен гнев Божий. Посмотрите, кого поразили наказания.

Пошел первый Ангел и вылил чашу свою на землю: и сделались жестокие и отвратительные гнойные раны на людях, имеющих начертание зверя.

Второй Ангел вылил чашу свою в море: и сделалась кровь, как бы мертвеца, и все одушевленное умерло в море.

Третий Ангел вылил чашу свою в *реки* и источники вод: и сделалась кровь из всей оставшейся воды. Вспомните, что это — первоначальный, частичный ответ Бога на молитвы мучеников в Откровении 6: 10, чтобы за их смерть отомстили: «И возопили они громким голосом, говоря: доколе, потентат Святой и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?»

Четвертый Ангел вылил чашу свою на солнце: и дано ему было жечь людей огнем. А как отреагировали те, кто выжил? В Откровении 16: 9 говорится, что они «хулили имя Бога, имеющего власть над сими язвами, и не вразумились, чтобы воздать Ему славу».

Пятый Ангел вылил чашу свою на *престол зверя*. Кто знает, что это значит?

— Новый Вавилон.

— Да! И мы знаем, что этот могучий город погрузился во мрак, который вызвал такую сильную боль, что мужчины и женщины кусали свои языки от страдания. И опять-таки как они отреагировали? «Они хулили Бога небесного от страданий своих и язв своих; и не раскаялись в делах своих».

Шестой Ангел вылил чашу свою в великую реку Евфрат: и высохла в ней вода, чтобы готов был путь царям от восхода солнечного в горы Израиля на битву при Армагеддоне. Бог явно заманивал Антихриста в ловушку. Это предсказывается в Книге Иоиля 3: 9—17, и, хотя историки не имеют единого мнения о том, когда была написана Книга Иоиля,

обычно считается, что это произошло за восемьсот лет до Христа:

«Провозгласите об этом между народами, приготовьтесь к войне, возбудите храбрых; пусть выступят, поднимутся все ратоборцы. Перекуйте орала ваши на мечи и серпы ваши на копья; слабый пусть говорит: “Я силен”».

Спешите и сходитесь, все народы окрестные, и соберитесь; туда, Господи, веди Твоих героев. Пусть воспрянут народы и низойдут в долину Иосафата; ибо там Я воссяду, чтобы судить все народы отовсюду. Пустите в дело серпы, ибо жатва созрела; идите, спуститесь, ибо точило полно и подточили переливаются, потому что злоба их велика.

Толпы, толпы в долине суда! Ибо близок день Господень к долине суда! Солнце и луна померкнут, и звезды потеряют блеск свой. И возгремит Господь с Сиона, и даст глас Свой из Иерусалима; содрогнутся небо и земля; но Господь будет защитой для народа Своего и обороною для сынов Израилевых.

Тогда узнаете, что Я Господь Бог ваш, обитающий на Сионе, на святой горе Моей; и будет Иерусалим святынею, и не будут уже иноплеменники проходить через него».

Энох продолжил:

— Седьмая чаша наказания, которую мы все еще ожидаем, будет вылита на воздух, и произойдут молнии, громы и голоса, и сделается великое землетрясение, какого не бывало никогда. Такое великое, что Иерусалим распадется на три части, готовясь к переменам, ожидающим его во время тысячелетне-

го царства Христова. И град весом в сто фунтов падет с неба на людей.

А как отреагируют те, кого Бог пытался убедить? Откровение 16: 21 говорит нам, что «хулили люди Бога за язвы от града, потому что язва от него была весьма тяжкая».

— И именно это ждет нас дальше? — спросил кто-то.

— Перед Вторым Пришествием, — сказал Энох. — Да.

— И вы верите этому?

— Несомненно.

— Тогда что мы делаем здесь, снаружи, когда сгущаются облака?

— Вы разве не помните, что верующие были избавлены от язв во время всех этих кар? Меня это успокаивает.

— Аминь!

— Слава Господу!

— Приди, Господи Иисусе!

— Меня успокаивает и другое, любезные мои, — сказал Энох. — Один из самых прекрасных и ободряющих стихов в Священном Писании — это Евангелие от Иоанна 14: 1—6, где Иисус утешает Своих апостолов. Думаю, мы можем прислушаться к этим обещаниям и стоять, не страшась, зная, что их дал Тот, Кто не переменит решения и не отвернется от нас. Позвольте мне прочесть их вам.

«Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога, и в Меня веруйте. В доме Отца Моего обителей много. А если бы не так, Я сказал бы вам: Я иду приготовить место вам. И когда

пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я. А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете.

Фома сказал ему: Господи! не знаем, куда идешь; и как можем знать путь?

Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня».

* * *

Рэйфорд заметил небольшое затишье и предположил, что это потому, что и Рейзору, и Лии понадобилась бы помощь Абдуллы, чтобы погрузить его на большой квадроцикл. А Абдулла спустился футов на пятнадцать к ним по склону и стоял к ним спиной, разговаривая по телефону. Когда он договорил, то тут же позвонил еще кому-то.

Питательный батончик был совершенно невкусным, но свое дело сделал — Рэйфорд был готов к отъезду. Ему приходилось чувствовать себя и получше, но, несмотря на многочисленные травмы, к нему снова вернулись целеустремленность и настойчивость. «Едем, едем!» — подумал он, но ничего не сказал вслух.

Абдулла наконец вернулся.

— Многие беспокоятся о вас, капитан, — сказал он. — В частности, Ри Ву, но больше всех — сам Хаим. Ему интересно, каковы ваши планы.

— Мои планы? Продолжать дышать. Пережить поездку.

— Он спрашивал, сможете ли вы принять его в своей комнате, когда приедете.

— Конечно, — сказал Рэйфорд. — Вы знаете, что ему надо?

— Опять-таки, — вмешалась Лия, — давайте не будем забегать вперед. Вы шутите о том, что хотите пережить поездку, но я из-за этого серьезно беспокоюсь. Вы даже не представляете, как будете чувствовать себя, когда приедете. Помимо всего прочего, у вас еще и ребро сломано, а может быть, даже и не одно. Без рентгена или магнитно-резонансного исследования я точно не скажу.

— Вы это к чему, доктор?

— Я всего лишь медсестра, но перевозка тем способом, который мы планируем, — едва ли не худшее, что может с вами случиться.

— Едва ли?

— Остаться здесь — еще хуже, но ваше состояние хотя бы стабильно.

* * *

Мак осторожно забрался на самого большого, самого черного, самого сильного коня из всех, что он когда-либо видел. Он уже много лет не сидел на лошади, но помнил достаточно, чтобы сначала твердо поставить левую ногу в стремя и только потом перекинуть правую ногу через спину животного.

Если кто-нибудь наблюдает за ним, то ему покажется, что Мак знает, что делает.

К сожалению, садясь в седло, он не обратил внимания на свой болтающийся «узи», и до того, как он успел усестись, дуло автомата ткнуло коня в шею, прямо над передней лукой седла. Животное вздрогнуло и сделало несколько шагов; Мак запаниковал и напрягся. Конь поднялся на дыбы. Мак всем весом навалился на поводья, отчаянно пытаюсь удержаться и не перелететь через лошадиную голову.

Конь заржал и поднялся еще выше, пугая других лошадей и ездоков. Мак сполз с седла, и стремяна провисли. Мак выпрямил ноги, насколько смог, прижал подбородок к груди и схватился за поводья. Он сумел немного опустить лошадиную морду, и конь едва не перевернулся. Мак практически повис вниз головой, боясь, как бы не уронить животное на себя.

Конь сумел удержать равновесие, сделав несколько шагов на задних ногах, затем тяжело опустился на передние ноги, швырнув Мака в седло; по инерции пролетев вперед, тот обхватил руками шею животного. Конь чувствовал себя довольно неуверенно, и Мак понял, что ему совсем не удалось показать, кто здесь главный. Если конь что-то и понял, то только то, что всадник напуган до смерти.

Командир Мака, похоже, ничего не заметил. Он пустил лошадь в легкий галоп и показал нескольким солдатам, в том числе и

Маку, что те должны занять позиции по сторонам от коня Карпати. Потентат ехал на чудовищных размеров звере, рядом с которым остальные казались карликовыми. Его конь был ладони на две выше и на сто фунтов тяжелее, чем остальные. Между глаз виднелась белая звездочка, нижние части всех четырех ног тоже были белыми. Его хвост задирался прямо вверх, прежде чем разойтись прядями. Грива тоже была немного длиннее и гуще, чем у других. Мак слышал о небесной гончей; сейчас он видел адского скакуна.

Конь, похоже, оказался еще и норовистым. Он громко фыркал, когда к нему приближались другие лошади, щипался и лягался, чтобы сохранить свое пространство. Карпати, похоже, вырос среди лошадей — он очень уверенно управлялся со своим зверем движениями рук, коленей и пяток, даже не слишком сильно держа поводья. Он отъехал на несколько футов вперед, затем развернул коня лицом к остальным.

— Позвольте мне напомнить вам всем, — сказал он, — что мы в считанных футах от боевых действий. Соппротивление сейчас удерживает Храмовую гору, что прямо над нами, и они могут выстрелить в нас со стен. Будьте бдительны. Это не увеселительная прогулка и не конная экскурсия. С большим разочарованием хочу сообщить вам, что я только что узнал о восстании в наших собственных рядах как на юге, в Египте, так и на северо-востоке. Ирония состоит в том, что некоторые, заявлявшие о своей верности, теперь

называют себя «Вавилон Воскрешенный» и дошли до того, что объявили о своей независимости. Эти восстания будут немедленно подавлены. Пока мы говорим, превосходно экипированные отряды наших вооруженных сил отправятся в эти места и уничтожат лицемеров. Они расскаются в своей дерзости, пока еще будут способны дышать, а затем их растопчут, дабы утратить других.

В это время мы, образно говоря, поскачем к Петре. Я сказал «образно говоря», потому что не собираюсь тратить несколько часов на то, чтобы проскакать на лошадях шестьдесят миль. Пресса Мирового Сообщества получит все, что ей необходимо, пока мы проедем из захваченного Мусульманского квартала на юго-запад через Еврейский и Армянский кварталы, которые тоже легко захватили наши силы, и покинем Старый город через Сионские ворота. Там вы пересядете на машины, которые домчат вас до места со скоростью более ста миль в час. Я вылету несколькими минутами спустя вместе с генералами и кабинетом министров на самолете, который довезет нас и лошадей в назначенное место немного раньше вас.

Лошади, похожие на тех, на которых вы едете сейчас, ждут вас неподалеку от Петры, и вам будет оказана величайшая честь — вы увидите, как я сам поведу наши войска к победе над одним из двух оставшихся анклавов, противостоящих Новому мировому порядку. Улыбайтесь на камеры!

Мак наконец-то сумел укротить коня, но ему совершенно не хотелось следовать за Карпати в машине. Если хоть какую-то часть охранного отряда отправят куда-нибудь еще, Мак постарается присоединиться к ним, а затем сбежать на своем вертолете. Он не прочь был посмотреть, что сейчас надвигается на Петру, хотя и знал, что само сражение состоится в двадцати милях к северу, в иорданской Бусейре — именно так сейчас называется Восор, древняя столица Эдома, — когда Мессия погонит Объединенную армию обратно к Иерусалиму.

* * *

У Рэйфорда закружилась голова, когда он впервые за несколько часов попытался встать. Он сейчас полностью зависел от невысокого, но жилистого Абдуллы Смита и широкоплечего, более сильного и молодого Рейзора. Лия привезла с собой буквально все, кроме костылей. Она, конечно, тоже помогала, но поднять его не могла, так что в основном говорила остальным, куда идти, чтобы не растревожить самые уязвимые раны.

Рэйфорд не мог опереться на сломанную берцовую кость, с шиной или без нее. Прыгать на одной ноге он не мог тем более, так что двум мужчинам пришлось тащить его к квадроциклу на себе. Даже когда он касался земли относительно здоровой ногой, по телу

разливались волны боли. Анестезия на виске постепенно переставала действовать, а Лия не решилась вколоть новую порцию.

Усесться на квадроцикл тоже оказалось нелегкой задачей. Лия свернула полотенце и подложила его под колено его сломанной ноги, чтобы ступня висела в воздухе. Так что балансировать он мог лишь при помощи здоровой ноги — руками, которые до сих пор сильно болели, он крепко обхватил Рейзора. Рэйфорд с ужасом ждал того, что вскоре ему предстоит. Рано или поздно его вес переместится на сломанную ногу, и тогда ему придется либо заставить Рейзора повернуть в другую сторону, либо упереться этой ногой, чтобы не упасть с квадроцикла.

Когда его усадили, Лия для начала заставила его сориентироваться.

— Вы в порядке? — спросила она.

— Думаю, да, — ответил Рэйфорд, уже ощущая утомление.

Он закрыл глаза и медленно покрутил головой, чувствуя, как хрустит шея. Потом он глянул на небо. Облака уже закрыли половину небосклона и начали переливаться всеми цветами. Солнце наполовину опустилось за горизонт и сияло ярко-оранжевым, окрашивая облака розовым, красным и желтым. Если бы он не боялся за свою жизнь, он бы обязательно подумал, что такого красивого неба еще никогда не видел.

Лия тем временем давала последние указания Рейзору.

— Я поеду первой, — сказала она. — Мистер Смит последует за вами на случай, если

у нас возникнут проблемы и капитана Стила придется снова поднимать. Моя машина тоже достаточно нагружена, так что если где-то проеду я, то сможете проехать и вы. Я постараюсь избегать впадин, ухабов и даже самых маленьких камней, но, конечно, все мы их не объедем. Постарайтесь как можно медленнее ехать по крутым подъемам, но вам все же потребуется определенная скорость. Рэйфорд, вам придется просто держаться и стиснуть зубы. Первые пятьдесят ярдов довольно ровные, так что я постараюсь оглядываться, чтобы убедиться, что дела у вас идут нормально.

Рэйфорд всегда считал себя очень мужественным. Его рост составлял шесть футов и четыре дюйма, он занимался спортом, и ему часто приходилось играть, преодолевая боль. А после Восхищения его уже не раз серьезно ранили. Но, сидя в седле квадроцикла и крепко держась за пояс Рейзора, он хотел кричать, как ребенок. Болело все. Боль словно обрела жизнь и разум и хотела убить его сама. Она глубоко укоренилась в виске и берцовой кости и вибрировала, пульсировала, колола.

Когда Рейзор только завел мотор, шум пронизал тело Рэйфорда, и у того тут же закружилась голова. Рейзор, скорее всего, сможет определить, что он потерял сознание, когда ослабнет хватка на его поясе. Но Рэйфорд твердо вознамерился мужественно вынести все мучения.

Лия медленно двинулась вперед, кулеры свисали с боков ее квадроцикла, словно пло-

хо подходящие седельные сумки. Рейзор повернул голову:

— Скажите только одно слово, и я тут же остановлюсь.

— Вперед, — выговорил Рэйфорд, и четырехколесная машина поехала. — Господи, помилуй.

— Все в порядке? — спросил Рейзор.

— Не спрашивай, сынок. Я дам тебе знать. Просто поезжай.

* * *

Себастьяна поразило грандиозное зрелище — вечернее солнце, освещающее одетых в черное врагов. Кто бы мог подумать, что эту злую человеческую массу можно будет рассмотреть в положительном свете? Рядом с ним стоял Отто Везер, немец, возглавлявший маленькую группу верующих в Новом Вавилоне почти до самой гибели города.

— Когда-нибудь мечтали, что вам будет оказана такая честь, Отто?

— Честь? Это мое определение грандиозного и ужасного дня Господня.

— Но стоять здесь, лицом к лицу с армией Антихриста, в последний день Земли, какой мы ее знаем...

— Я бы предпочел поступить как должно, когда у меня был шанс, и уже быть в раю, если честно.

— Ну, это конечно, — сказал Себастьян, — но раз уж мы упустили этот шанс, то я не могу найти для себя лучшего места. Хотелось бы только, чтобы жена и дочь были со мной.

— Вы не обрадуетесь, если они окажутся здесь, — произнес Отто; Себастьян даже не нашелся что возразить на такую очевидную недоговорку. — Вас что, совершенно не беспокоят враги, которые могут заглянуть нам прямо в лицо?

Себастьян покачал головой:

— Если бы они хотели убить нас и Бог позволил это, то мы бы давно погибли. Я летал в самолетах, мимо которых с удовольствием летали ракеты. Здесь я чувствую себя неуязвимым. Я знаю, что не смогу победить эту армию в одиночку. Но доктор Бен-Иегуда, доктор Розенцвейг и многие другие учителя убедили меня, что эта армия поведет себя как мадианитяне перед Гедеоном — повернутся и убегут еще до наступления ночи. Не могу дожидаться, чтобы увидеть это.

— Но в это трудноверно поверить, не правда ли? Смотрите, сколько их.

Себастьян повернулся и посмотрел на Отто в сумеречном свете.

— Бог послал облака в безоблачный день совсем недавно. А вы... Вы видели, как Новый Вавилон был разрушен всего за шестьдесят минут. И после этого вы говорите, что во что-то трудно поверить?

* * *

Больше всего Рэйфорду не нравилось, когда Лия останавливалась и Рейзору приходилось делать то же самое. На этих склонах плавно затормозить было нереально. Иногда Рейзору даже приходилось останавливаться на неровной скале. И Рэй сидел, крепко держась, чтобы не соскользнуть с квадроцикла.

— Сейчас дорога станет совсем трудной.

«И этой дорогой пройдут лишь сильные», — подумал Рэйфорд.

— А как называется то, по чему мы до сих пор ехали? — спросил он.

— Ровная улица, — сказала она. — Отсюда и далее мы не сможем остановиться. Нам нельзя даже замедляться. Мы будем подниматься по крутым уклонам, и нам надо постоянно быть в движении. Придется вам перетерпеть. Вперед.

Она рванула вперед быстрее, чем Рэйфорд считал возможным или благоразумным. Он огляделся и понял, что если не удержится в седле, то его ждут серьезные проблемы. Мотоцикл Абдуллы взвизгнул двигателем позади них, Абдулла поднял вверх большой палец. Рэйфорд покачал головой. Стоило лишь поддасться искушению, отпустить одну руку и показать ответный жест, и он тут же погибнет.

Он уткнулся лбом в спину Рейзора. Откуда у современных юнцов такие мышцы?

Даже в расцвете сил у Рэйфорда не было настолько развитой мускулатуры.

Быстро темнело, и на всех трех мотоциклах одновременно включились автоматические фары. Они наконец повернули и выбрались на настоящую дорогу, и Рэйфорд понял, что остаток пути будет сравнительно простым.

К чему он оказался не готов, так это к тому, как тепло его будут приветствовать. Десятки тысяч жителей Петры собирали вечернюю манну и смотрели в небо. Похоже, слухи о его приключении разошлись далеко, потому что едва ли не все знали, что он возвращается в этой мотокавалькаде.

Люди махали, кричали, свистели, поднимали руки. Он мог поприветствовать их лишь кивком. Смитти же размахивал руками, словно торжественно встречали именно его.

Рэйфорд мог лишь представлять, как будут приветствовать Иисуса.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Солнце опустилось за горизонт, оставив яркую, почти полную луну освещать черное, затянутое облаками небо. Цвет облаков изменился практически мгновенно: пастельные тона уступили место темно-синему, фиолетовому, сиреневому и быстро исчезающему ярко-оранжевому.

Абдулла, Рейзор и Лия помогли Рэйфорду добраться до его жилища. Он настоял, чтобы ему дали посидеть в неудобном кресле, пока все остальные двигали кровать к окну. Так, лежа на спине, он сможет увидеть прекрасное ночное небо. Что-то готовилось, и, конечно, он знал, что именно.

Рейзор, похоже, очень хотел вернуться на свой пост, так что быстро ушел. Лия сказала, что будет неподалеку от лазарета, но по первому же зову или придет сама, или пришлет Ханну.

Абдулла сказал, что беспокоится за Мака, потом на его лице появилось выражение «лучше бы я ничего не говорил».

— Где Мак, Смитти? — спросил Рэйфорд.

Абдулла рассказал.

— Если с Бизоном что-то случилось, — сказал Рэйфорд, — я не хочу, чтобы об этом знал Кенни. А еще я не хочу, чтобы он видел меня таким. Вы можете подтвердить, что Кенни до сих пор с Присциллой Себастьян?

Абдулла взял телефон, сообщил Присцилле о Рэйфорде и кивнул Рэю.

— Кенни собирается спать.

— Да, ему будет что рассказать своим внукам, — проговорил Рэй. — «Я проспал Второе Пришествие».

Рэйфорд очень обрадовался, когда наконец-то оказался не в седле квадроцикла, а в собственной постели, но, лишь улегшись, понял, насколько же его измотал сегодняшний день.

— Хотя я и сам, наверное, могу все проспать, — сказал он. — Вы не составите мне компанию, Смитти, чтобы я не заснул?

Иорданцу стало не по себе. Он редко кому-либо перечил, но, похоже, давать положительный ответ на просьбу Рэйфорда ему совсем не хотелось.

— Эй, все нормально, — сказал Рэйфорд. — Вам есть чем заняться и куда отправиться.

— Не в этом дело, капитан. Но скоро придет доктор Розенцвейг...

— О, верно!

— И, да, я действительно хочу быть в воздухе, когда все случится. Если вы не возражаете.

— Вы шутите? Вы знаете, что я бы хотел быть там же, если бы мог. Идите, дружище. Со мной будет все в порядке, правда.

— Нет, одного я вас оставить не смогу. Я могу побыть с вами, пока не придет доктор Розенцвейг.

Рэйфорд осторожно заложил руки за голову и сложил подушку вдвое, чтобы лечь еще выше. Со своего места он видел большой кусок неба; луна висела далеко слева, остальное пространство заполняли тяжелые, разноцветные, движущиеся облака. Чем темнее становилось небо, тем ярче казалась луна, плотнее облака, яснее звезды. Как всегда, когда его глаза привыкли к темноте, он разглядел множество менее ярких звезд. Но, пока он их рассматривал, они исчезли, и ему пришлось искать новые звезды среди облаков.

Хаим явился с небольшой свитой, и Рэйфорд удивился, когда тот отправил их всех обратно.

— Я позвоню, если вы мне понадобится, — сказал он.

Когда уходил Абдулла Смит, Рэйфорд взял с него обещание сразу сообщить, когда узнает что-либо о Маке или Бизоне.

— Вы уверены, что хотите знать? — спросил Абдулла.

— Конечно. Не надо щадить меня. Если даже случилось самое худшее, мы скоро снова с ними встретимся.

Хаим уселся в кресло-качалку рядом с кроватью Рэйфорда и откинулся в нем.

— Великолепно, — проговорил он. — Мы как будто смотрим на вечность из первого ряда.

Тянуть время было не в характере Хаима. Несмотря на почтенный возраст, он сохранил острый ум и неукротимую энергию, и никто не мог сказать, что он тратит время попусту. Но сейчас он сидел и смотрел в небо Израиля, не говоря ни слова.

— О чем вы задумались, доктор? Все-таки больше миллиона людей отдали бы все, чтобы провести с вами эту ночь. Чем я обязан такой честью?

* * *

Камеры служб новостей Мирового Сообщества нацелились на кавалерию Карпати, выезжавшую из Мусорных ворот. Мак с облегчением обнаружил, что он — далеко не единственный, кому приходится нелегко с его конем. Мужчины и женщины, в основном представлявшие других региональных potentatov, побаивались своих лошадей, и те, чувствуя это, начинали скакать по кругу или даже пытались сбросить седоков. Сначала этому все улыбались, но вскоре стало ясно, что Карпати такое зрелище совсем не веселит. Он отослал прессу и приказал своим генералам доставить всех до транспорта, отправляющегося в Петру.

Мак ждал своего шанса, но, к его огорчению, командир приказал ему присоединиться к группе, которая полетит на грузовом самолете Карпати, достаточно большом, чтобы вместить несколько лошадей и машин. Если бы они только знали, что Мак когда-то служил пилотом у Николае...

Когда-то Мак гордился умением сохранять хладнокровие в любой кризисной ситуации, особенно работая под прикрытием. Но когда он спешился и отдал своего коня смуглому парню в яркой майке, который должен был завести его в самолет, ему не удалось придумать ничего лучшего, как попробовать хоть как-нибудь отделаться.

— Слушай, у меня тут проблема, товарищ, — сказал он.

— Да? И в чем же она, товарищ? — с новозеландским акцентом спросил парень.

— Меня приписали не к той группе. Еще не слишком поздно догонять остальных?

— Имеешь в виду, тебе надо ехать на «хаммере» или еще чем-то таком?

— Ну да.

— Не знаю, но лучше тебе попытаться. Если ты окажешься на этом самолете без разрешения, то заплатишь кровью. Да и нет у меня места даже для одной лишней лошади.

Мак забрал коня и снова сел в седло, а когда кто-то окликнул его, спросив, что это он делает, Мак крикнул:

— Следую приказам! Еду туда, куда мне указали!

Он оглянулся, чтобы убедиться, что голос принадлежит не командиру. Тот был занят чем-то другим, и Мак обрадовался. Ему очень не хотелось ругаться с кем-то из МС и рисковать арестом или расстрелом, когда Второе Пришествие уже так близко.

Его коню, похоже, передалась его целеустремленность. Мак знал, куда сейчас направляется, и очень хотел добраться туда побыстрее. Первое, что он хотел сделать, спрятавшись от чужих глаз, — сообщить новости о Бизоне и планах Карпати и спросить, есть ли вести от Рэйфорда. Потом добраться до вертолета и, наконец, снять дьявольскую форму Объединенной армии Мирового Сообщества. Его собственная простая, мешковатая одежда еще никогда не казалась такой приятной.

* * *

Себастьян почувствовал усталость — не от скуки, а от бездействия. В напряженном ожидании он пробудет до полуночи, а если понадобится — то и до рассвета. Правда, он надеялся, что до этого все же не дойдет.

Он был благодарен Международному обществу взаимопомощи и Лайонелу Уолему, возглавившему его после гибели Хлои Стил-Уильямс. Позади Себастьяна стояли три огромных прожектора — такую аппаратуру мог найти и доставить сюда только Общество. Без освещения зрение Себастьяна

могло бы сыграть с ним злую шутку. В лунном свете ему могло бы показаться, что Объединенная армия снова начала наступление. Он услышал гул, почувствовал вибрацию и понял, что что-то происходит, но ему нужно было лишь щелкнуть выключателями и направить гигантские лучи на врагов, чтобы убедиться, что они по-прежнему стоят на месте в полумиле от него.

В облаке пыли примчался квадроцикл Рейзора. Рейзор подошел, отсалютовал ему и встал по стойке «смирно».

— Парень, хватит уже, — сказал Себастьян. — Я такой же воинственный и горячий, как и все остальные, но с тобой-то мне что делать? Отдать под трибунал и посадить в карцер на... час или два?

— Простите, сэр, — ответил Рейзор и подробно доложил, как он выразился, о «наряде с капитаном Стилом».

— Я рад, что гул исходил только от тебя. Грешным делом уже подумал, что враги снова наступают.

— О, они наступают, сэр.

— Наступают?

— Да, сэр. Спускаясь со склона, я увидел, как они наступают. Здесь это незаметно, но они значительно продвинулись, сэр. Точно говорю.

Себастьян отправил Отто Везера включить большие лампы.

— Я верю приборам ночного видения, но буду рад, если ребята из Объединенной армии увидят, что у нас есть. Их лошади уж точно к такому не привыкли.

— Я готов, Большой Пес-1, — сообщил Отто.

— Включайте, — сказал Себастьян, и мощные лучи прорезали темноту. — Мерси.

Во тьме враги приблизились не меньше чем на восемьсот ярдов, и передняя линия бесчисленной кавалерии теперь безмолвно стояла всего ярдах в восьмидесяти от них. Очевидно, они ждали лишь приказа атаковать.

— Надо напасть на них, сэр, — сказал Рейзор.

— Что-что?

— Надо...

— Я расслышал вас, Рейзор. Я просто не поверил услышанному. В любой другой ситуации это была бы великолепная идея. Seriously. Ударить наудачу. Первыми замахнуться на забияку. Они такого точно не ожидают.

— Но?

— Но стоит помнить о двух вещах. Во-первых, если даже все наши выстрелы достигнут цели, то мы вызовем небольшую панику, убьем нескольких солдат и лошадей, а потом нас просто перережут. Во-вторых, тут, где мы стоим, мы, как понимаю, неуязвимы. Там — вполне возможно, что и нет.

— Есть и еще кое-что, — сказал Рейзор.

— Слушаю.

— Этот бой уже выигран, причем мы и пальцем для этого не пошевелили.

— Да, и это тоже.

Зазвонил телефон Себастьяна. Это был Мак.

— Да, — сказал Джордж. — Рэйфорд сейчас у себя вместе с Хаимом, думаю, он выживет. А Бизон?.. Жаль, очень жаль. Ты говорил с Чанем?.. Скорее всего, наблюдает за миром. Мы расскажем всем.

* * *

— Мне кажется, мы во многом похожи, капитан Стил, — сказал Хаим.

Рэйфорд на секунду перестал смотреть в окно. Он не мог представить, на кого еще он так не похож, как на Хаима. Хаим еврей, Рэйфорд — из тех, кого в Библии зовут язычниками. Хаим стар, Рэйфорд не очень стар. Хаим с Ближнего Востока, Рэйфорд — американец. Хаим — ботаник, Рэйфорд — летчик. Хаим — лидер миллионного народа, Рэйфорд — лидер небольшой группы.

— Мне кажется, — продолжил Хаим, — что, несмотря на все культурные и профессиональные различия, мы оба — обычные люди, которых заставили принимать решения и играть роли, определенные свыше. Я прав?

— Наверное.

— Возможно, то, что я верю в Мессию, — еще удивительнее, чем то, что в него верите вы. Но нам обоим понадобилось много времени, чтобы прийти к Нему.

— Да, так и есть.

— Как вы знаете, в моем нынешнем положении рядом со мной больше людей — друзей, помощников, старейшин и советников, — чем может понадобится любому человеку. Да, я действительно мог провести этот вечер с очень многими. Если честно, то если бы я мог выбирать из всей вселенной, то выбрал бы вашего зятя. Нас с ним многое объединяет. Я знал его еще до того, как он уверовал, а он знал меня так долго до того, как уверовал я, что, посмею предположить, ему до сих пор в это трудно поверить. Надеюсь, если Кэмерон вернется сегодня, то присоединится к нам, и мы будем ему рады.

* * *

Чань действительно наблюдал за миром. У него открылось второе дыхание. Он знал, что должен идти спать, но кто может спать в такое время? Он сидел за компьютером, читая сообщения, приходящие со всего мира: многие люди, особенно евреи, признавали Иисуса Христа своим Мессией. Десятки тысяч ежеминутно уже превратились в миллионы, и Чаню казалось, что эта лавина не остановится до самого Второго Пришествия. Перед ним в небесах появятся знамения, и, согласно пророчеству, еще многие обратятся ко Христу.

* * *

Через несколько минут Рэйфорд и Хаим узнали от Себастьяна о смерти Бизона. Рэйфорд не знал, что и думать. Он был уверен, что Бизону сейчас хорошо, лучше, чем когда-либо, и что они скоро снова увидятся. Но ему становилось жутко от мысли, что молодой человек, отец внука Рэйфорда и муж его дочери, перенес такие страдания. Рэйфорд потерял многих друзей и любимых, хотя, конечно, не таких близких, как дочь и зять. Но раньше ему как-то удавалось примириться с потерями, убедить себя, что на войне они неизбежны.

Сейчас же так легко этого сделать не удавалось — слишком сильно потери ударили по семье. Он позвонил Маку.

* * *

Облака разошлись, и ярко засияла луна, осветив Мертвое море, над которым как раз пролетал Мак.

— Не буду тебе врать, Рэй. Да, Бизона постигла печальная участь. Но он делал то, что хотел. Он работал над этим, готовился к этому, а если ты помнишь его первые доклады, то знаешь, что ему с Ционом удалось добиться того, на что они надеялись.

— Как дела у сопротивления?

— Практически разгромлено. Солдаты МС загнали их на Храмовую гору, причем воспользовавшись лишь малой толикой своих ресурсов. Они могут запросто захватить весь город, когда захотят.

— Насколько понимаю, ты возвращаешься?

— Не совсем, — сказал Мак. — Я хочу увидеть, что происходит на границе Петры, с воздуха. А потом вернусь в Бусейру и посмотрю, как дела там.

— Ты знаешь, я готов отдать все, чтобы быть там с тобой.

— Ничего себе! Ты это видишь, Рэй?

— Вижу. Пора прощаться и смотреть представление.

* * *

Облако закрыло луну. Яркая, почти полная луна освещала танцующие облака и вдруг исчезла, словно ее кто-то выключил, как лампочку. Рэйфорд отлично знал, что луна всего лишь отражает солнечный свет, так что перестало светить именно солнце, давно опустившееся за горизонт. Небо стало черным как смоль.

Рэйфорд попросил Хаима потушить свет.

— Мы ничего не увидим, капитан, — сказал Хаим. — С другой стороны, тем лучше мы разглядим, что будет дальше.

Свет погас, и Рэйфорд мог определить, что Хаим стоит у окна, только по голосу.

— Вы когда-нибудь видели такую плотную тьму? — спросил Рэйфорд.

— Я видел много чудес за последние семь лет, — сказал Хаим. — Сейчас мы словно смотрим в ничто. Но само ожидание, порождаемое тьмой, наполняет меня возбуждением с головы до ног.

Небо прорезала молния, и Рэйфорд изумился, снова ненадолго увидев облака.

— По-моему, я видел метеор, — сказал он. — Люблю их.

— Это больше чем просто метеор, — сказал Хаим. — Вы увидели настоящую падающую звезду, может быть, метеорит. Скоро звезды и метеориты станут падать, но вы лишь услышите это. Исаия предсказал, что звезды небесные и светила не дадут от себя света. Солнце померкнет при восходе своем, и луна не воссияет светом своим.

Бог говорит: «Я накажу мир за зло, и нечестивых — за беззакония их, и положу конец высокоумию гордых, и уничижу надменность притеснителей.

Я потрясу небо, и земля сдвинется с места своего от ярости Господа Саваофа, в день пылающего гнева Его.

Каждый побежит в свою землю. Но кто попадется, будет пронзен, и кого схватят, тот падет от меча».

Рэйфорд покачал головой:

— Есть еще одна разница между нами, Хаим. Я никогда не умел так хорошо запоминать наизусть.

— А что мне еще делать, Рэйфорд? Как я уже говорил, меня едва ли не силой выпих-

нули на мое место, и учитель стал учеником. Мой бывший протеже, доктор Бен-Иегуда, был очень недоволен тем, как небрежно я отношусь к Священному Писанию. Он учил меня, подталкивал меня, дал в Писании мне опору. И что важнее всего, Бог даровал мне любовь к Своему Слову. Теперь я ничем не занимаюсь с такой радостью, как изучаю Писание в свободное время, и стараюсь запомнить как можно больше наизусть.

* * *

Люди Эноха вскочили и закричали, когда дневное солнце пропало с неба в пригороде Чикаго. Энох знал, что будет дальше, но все равно испугался, когда дневной свет мгновенно сменился ночью и сразу же стало холодно.

Он услышал рев и свист ветра и сразу вспомнил избитую фразу, употребляемую в рассказах о торнадо: «Шум был как от товарного поезда». Этот звук был больше похож на шум от падающего самолета. Поблизости действительно был аэропорт, но Энох не слышал рева реактивных двигателей.

Что-то приближалось.

— Не бойтесь! — воскликнул Энох, но не сумел скрыть страха в собственном голосе. — Так было предначертано. Мы только что говорили об этом. Это все часть Божьего промысла.

Но когда непонятный предмет с шумом рухнул на главную улицу с другой стороны торгового центра, собравшиеся бросились туда, чтобы посмотреть. Энох побежал за ними, радуясь, что зажглись автоматические фонари. Метеорит диаметром около трех футов пробил в асфальте кратер шириной в десять футов и глубиной в двадцать.

Затем упал еще один метеорит.

Люди стали с криками разбегаться, но Энох остался на месте.

— Я верю, что мы в безопасности! — сказал он. — Ни одна кара небесная не ранила Божьих людей! На нас Его метка, Его печать! Он защитит нас!

Но его паства обратилась в бегство. Энох улыбнулся. Он пожурит их завтра, когда все убедятся, что ни на ком нет и царапины. Как странно — ходить в полуночной тьме, когда на улице день. Следующий метеорит, раза в два больше предыдущего, упал на некогда популярный магазин в заброшенном торговом центре. Взрыв был настолько громким, что Эноху пришлось зажать уши. Он, конечно, действительно верил, что его не заденет, но все равно пригнулся, чтобы в него не попали обломки.

Энох побежал обратно во дворик, где встречался со своими людьми, но сейчас он остался один. Он сел на цементную лавку и стал смотреть представление. Точнее, в основном слушать. Если бы он был дикарем, то подумал бы, что небо падает, что все звезды в конце концов рухнут на землю.

* * *

Количество сообщений о евреях, обратившихся к Мессии, в следующие полчаса все росло. Чань подозвал Наоми к себе и обнял ее за талию. Они не могли решить, что же интереснее — изображения мира, погруженного во мрак, или счетчик, подтверждающий очередное пророчество — что третья часть оставшихся евреев уверует в Иисуса как в Мессию до светопреставления.

Чань мог лишь вспомнить ужасные сцены, за которыми наблюдал, когда Карпати обрушил на евреев всю свою убийственную ярость. Их сгоняли, как скот, отправляли в концентрационные лагеря, морили голодом, пытали, избивали, унижали методами психологической войны — перепробовали буквально все. То, что хоть кто-то из них выжил, — уже чудо. То, что многие из них еще и уверовали, — что-то совсем иное.

— Да, когда Иисус явился в прошлый раз, все было совсем по-другому, — сказала Наоми. — Мало того что мы не были готовы, все еще и произошло в мгновение ока. Теперь, похоже, Бог решил использовать весь Свой арсенал.

* * *

Маком овладело страннейшее чувство. Он, конечно, умел летать по приборам, но

все-таки его пугало то, что он не видит наверху ничего. А освещение на земле было только искусственным. Постепенно он разглядел огни кораблей, габаритные огни других самолетов, фары автомобилей, грузовиков и военной техники. Даже через оглушающее «чвок-чвок-чвок» вертолетного винта он слышал свист падающих метеоритов и взрывы на земле. Это что-то новое. Мак никогда не слышал ничего снаружи, сидя в кабине вертолета, особенно в наушниках.

Сейчас же, заглушая даже какофонию в эфире МС — летчики пытались узнать, что происходит, — земля звучала гневом Божиим, на нее в буквальном смысле падали небеса. Метеорит диаметром не меньше десяти футов пролетел в ста футах от вертолета Мака. Мак поймал его в прожектор и следил за ним до тех пор, пока он не врезался в здание; вверх взметнулся столб огня и сноп искр. Он не представлял себе, что это за здание, но взрыв заставил его задуматься. Был ли он в безопасности от этих падающих чудовищ из камня и металла? Даже маленький метеорит мог спокойно уничтожить вертолет, а сейчас они стали падать повсюду. Люди на земле, особенно солдаты Объединенной армии, наверняка пришли в ужас. Маку даже стало интересно, скольким людям сейчас захотелось сменить свою метку верности.

Он был достаточно уверен в том, что находится в безопасности, как и все верующие с тех пор, как семь лет назад начались кары небесные. Но быть достаточно уверенным — не то же самое, что быть точно

уверенным, так что Мак отказался от своего плана. Он направился к Петре, зная, что воздушное пространство безопасно. Его много раз могли там убить, но каждый раз он чудом спасался.

* * *

Рэйфорд переживал лучшее время в своей жизни. Конечно, новость о Бизоне огорчила его, и несмотря на то, что он знал о будущем, боль по-прежнему терзала его, как и после гибели Хлои. Но лежать в постели и видеть, как сотрясаются небеса, как в пророчестве, написанном тысячи лет назад...

А его старый друг Хаим Розенцвейг, которого Бог избрал современным Моисеем, стоял рядом и цитировал эти пророчества на память... Он почти забыл и о печали, и о ранах.

— «После сего я увидел иного ангела, сходящего с неба, — сказал Хаим, — и имеющего власть великую; земля осветилась от славы его. И воскликнул он сильно, громким голосом говоря: пал, пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птице; ибо яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы, и цари земные любодествовали с нею, и купцы земные разбогатели от великой роскоши ее».

Именно поэтому Карпати так разъярен, Рэйфорд. Одно дело — просто потерять свой любимый город и увидеть, как цари земные и богатые купцы льют над ним крокодиловы слезы. Но когда это случилось вот так — обо всем объявил ангел, и он знал, что этим исполняется древнее пророчество его злейшего врага... я не удивлен, почему он сейчас в таком гневе. У него есть план, схема, которую он считает надежной, хотя он не глупец и читал Книгу Книг. Но он потерпит поражение, и вскоре мы это увидим.

— Хотелось бы мне сейчас быть там, — сказал Рэйфорд. — Почему это случилось со мной именно сейчас?

Он не видел Хаима, но по голосу понял, что тот улыбается.

— Лидер отряда Скорби ведь не усомнится в Боге прямо сейчас? Вы, никто другой. Его рука спасала вас не меньше, чем меня. Вы прошли сквозь огонь, как Шадрах, Мешах и Аведнего, когда МС сбросило бомбы на Петру, и теперь вы будете плакать из-за того, что вам не дают выйти из дому, потому что на улице дождь?

Рэйфорд не смог не засмеяться.

— Послушайте это место из пророка Иоиля, — сказал Хаим. — «И покажу знамения на небе и на земле: кровь и огонь и столпы дыма. Солнце превратится во тьму и луна — в кровь, прежде нежели наступит день Господень, великий и страшный».

— Я видел это, — сказал Рэйфорд. — Когда луна превратилась в кровь. Незадолго до того, как я потерял Аманду.

— Я знаю, — помолчав, ответил Хаим. — Мы все потеряли столь многое... Но очень многое будет и восстановлено. Вот лучшее место, тоже из Иоила: «И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется; ибо на горе Сионе и в Иерусалиме будет спасение, как сказал Господь, и у остальных, которых призовет Господь».

Ибо вот, в те дни и в то самое время, когда Я возвращу плен Иуды и Иерусалима, я соберу все народы, и приведу их в долину Иосафата, и там произведу над ними суд за народ Мой и за наследие Мое, Израиля, который они рассеяли между народами».

Рэйфорд лишь неразборчиво заворчал. Тексты Писания иногда оказывали на него именно такое действие. Нечего было говорить. По крайней мере, ему.

— Мы — эти пленники, — сказал Хаим. — Мои братья и сестры, дети Израиля.

— Хотелось бы и мне быть одним из них, — сказал Рэйфорд.

— О, вы *тоже* сын Израиля, хоть и приемный. Неевреи-верующие — это Его приемные сыны и дочери.

— Но вы все — Его избранный народ.

— Но мы не смогли доказать, что достойны. Может быть, именно поэтому нас и называют *детьми* Израиля.

— А что такое долина Иосафата?

— О, это место, где свершится суд, в долине, которая сотворится, когда треснет Масличная гора после того, как Он ступит на нее. Сам Иисус будет судить всех людей,

и пророчество говорит, что это произойдет именно там. Библия говорит о Нем, что Он не только вернувшийся Царь и победивший Воин. Она еще зовет его Судией. В Евангелии от Марка говорится: «Тогда увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках с силою многою и славою». А в Откровении говорится: «И увидел я отверстое небо, и вот конь белый, и сидящий на нем называется Верный и Истинный, Который праведно судит и воинствует».

* * *

Себастьян стоял у своего «хаммера» с Отто и Рейзором, напрягая взгляд, чтобы хоть что-нибудь разглядеть. Метеориты сыпались на врагов, и его накрыли крики падающих солдат и лошадей. Возможно ли, что сотни тысяч коней в панике бросятся бежать. И что тогда случится с планами Объединенной армии в отношении Петры?

Боевые машины взрывались от попадания метеоритов, и лишь в этом свете от взрывов Себастьян мог разглядеть, насколько же близко подошла линия фронта. Они, похоже, уже были совсем рядом, но ему нужно знать точно.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Мы знаем точное время? — спросил Рэйфорд. — Я знаю, что нас дальше ждет, но знаем ли мы когда?

— Мы никогда этого не знали, — сказал Хаим. — Я сам думал, что Второе Пришествие произойдет ровно через семь лет после заключения договора между Антихристом и Израилем, но с этим мы явно ошиблись. Мы знаем, что после чудес в небе появится знамение Его приближения, но ничего не говорит нам о том, что это произойдет немедленно. У Бога Свое понятие о времени.

— Тысяча лет как один день и все такое, — сказал Рэйфорд.

— И наоборот.

От ударов метеоритов маленькое убежище Рэйфорда тряслось, и, когда их стало падать все больше, его кровать сдвинулась.

Он почувствовал все свои раны. Анестезия на виске уже давным-давно не действовала, и боль пронзала и пульсировала. Подбородок тоже побаливал, хотя Рэйфорд считал это ранение самым незначительным. Болели все ссадины, царапины и ушибы, а из-за распухшей лодыжки напряглись мышцы. Он чувствовал, насколько напряжены обе его ноги ниже колен.

Рэйфорд расправил подушку, лег на спину и растянулся. Он не представлял, что не дает ему заснуть. С другой стороны, он отлично это понимал.

* * *

Мак облетел Бусейру, где увидел только разрозненные огоньки на земле, затем направился к границе Петры. Он позвонил Чаню и доложил о своем приземлении. Меньше всего ему хотелось, чтобы Большой Пес-1 принял его вертолет за вражеский и открыл огонь. Защитит ли его Бог даже от такого нападения?

— Эй! — крикнул Мак в телефон. — Это еще что такое? Что делает Себастьян?

— Освещает своими огромными факелами небо, — сказал Чань. — Он хочет знать, какой ущерб метеориты нанесли Объединенной армии.

— Похоже, облака его интересуют больше.

— Меня тоже.

— Да, Чань. И меня тоже. Если вы на связи с Себастьяном, то скажите ему, чтобы эти малыши все время светили прямо вверх.

* * *

Себастьян не мог мечтать ни о чем больше. Увидев свет прожекторов, враги тоже стали смотреть вверх. Облака затянули все небо, пузырясь, волнуясь и соединяясь; такого небосвода не видел еще никто и никогда. Вдалеке Себастьян услышал низкий гул долгих взрывов и, наконец, понял, что это гром. Значит ли это, что куда-то бьют молнии? Или гром слышен с небес, из-за облаков?

— Отключите свет на минуту, — передал он по радио. Теперь ничто не мешает ему увидеть молнии. И конечно же, над облаками — а кто знал, насколько они плотные? — он увидел маленькие пульсирующие потоки света. Искусственный свет внезапно потерял всякую привлекательность. Если в сторону Себастьяна шла буря, то он хотел видеть ее во всей природной красе.

* * *

Мак приземлился и бросился в жилище Рэйфорда, с удивлением обнаружив, что там темно, как в полночь. Он решил заправить

вертолет и снова вылететь. Вне зависимости от мнения Рэйфорда, если он у себя, ничто не сравнится с возможностью увидеть с воздуха, как Антихристу воздастся за все его деяния.

Он осторожно постучал.

— Есть кто-нибудь?

— Мак! — услышал он голос Рэйфорда, но, когда открыл дверь, его поприветствовал Хаим.

После объятий во тьме и рассказов о том, как прошел день, Рэйфорд сказал Маку, что в другой комнате есть еще одно кресло. Мак на ощупь нашел его и с грохотом донес до окна.

— Неплохое представление, — сказал он. — Но лучше видеть его с вертолета.

— Ты разбиваешь мне сердце, — ответил Рэйфорд.

— Прости.

— Нет, я хочу узнать все подробности. Ты снова вылетаешь?

— Думаю об этом, партнер. Дело кажется рискованным.

— А я думал, что ты уже отбросил всякую осторожность.

— Я хочу быть живым, когда это случится, Рэй. Вот и все.

— Бьюсь об заклад, даже старику Хаиму захочется полететь с тобой, когда в небе появится знамение.

— О нет, джентльмены, — усмехнулся Хаим. — Мое место здесь. Я хочу, чтобы все обитатели Петры забрались повыше и на-

блюдали за возвращением. Мы все должны быть на своих местах, петь, молиться, готовиться поклониться Ему в духе и истине и, самое главное, лично.

— Я хочу быть хотя бы *там*, — сказал Рэйфорд. — Мак, ты можешь это сделать?

— Конечно, если только ты не уговоришь меня снова лететь.

Все трое дернулись, когда в землю ударила молния, и сразу за ней послышался сильнейший раскат грома. Молния, похоже, ударила всего в полумиле от них. Гром сотряс жилище и еще с полминуты эхом отдавался в ближайших горах и холмах.

— Вот оно, — сказал Хаим. — Наблюдайте за небом.

— Мне это говорить было не обязательно, — ответил Мак.

* * *

— Дождь пойдет? — спросил Себастьян. — Может быть, но я не стал бы на это рассчитывать.

— Не думаю, — сказал Отто. — Не помню, чтобы об этом говорили хоть в одной проповеди, хотя, возможно, дело не в пророчествах, а в том, что я плохо слушал.

— Не хочу, чтобы мои ребята торчали тут под ливнем, — ответил Себастьян. — Особенно если у нас есть выбор.

— Какой выбор?

— Хорошо, вы меня подловили. У нас недостаточно транспорта, к тому же никто не хочет быть на пути к Петре, когда это случится.

— Говорите за себя, Большой Пес, — сказал Отто. — Я люблю земные блага. Я хочу увидеть то, что будет видно. Но при этом не откажусь хотя бы от пончо и зонтика.

Себастьян запрокинул голову и расхохотался.

— Вот он я, Господи! — воскликнул он, изображая немецкий акцент. — Надень га-лоши на меня!

После этого засмеялся даже Рейзор, но быстро замолчал.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он. Вскоре все трое рыдали от смеха.

* * *

Покинув жилище Рэйфорда, Абдулла сел в маленький реактивный самолет с большим плексигласовым фонарем кабины, который давал широкий обзор. Он пролетел над толпами, собравшимися вокруг Петры, затем по-несся на север, к Иерусалиму, поразившись величине Объединенной армии. Он знал. Он слышал. Ему рассказывали. Но когда он увидел это сам, у него перехватило дыхание.

Как далеко он зашел всего за несколько лет! Он старался не выказывать эмоций прилюдно. Это была его культура, в кото-

рой он воспитывался. О да, его веселили (в основном Мак), его можно было разгневать (этим тоже в основном занимался Мак). Но, взлетев над местностью, где происходила последняя глава истории, и поняв, как легко можно было этого всего лишиться, Абдулла не сдержал слез.

Он воспитывался в совершенно другой религии, и обратиться к Христу означало отвернуться от семьи и даже родины. Но истина в конце концов снизошла на него. Его решение принять христианство стало очень самоотверженным шагом, но он с самого начала понял его правильность, истину с большой буквы «И». В конце концов, он всегда был учеником.

Абдулла веселило то, что его друзья, особенно американцы, считали его чудачком из-за его плохого английского. Из-за его манеры строить фразы и иорданского акцента американцы воспринимали его чуть ли не как ребенка. Он видел это по тому, как они смотрели на него, как отвечали ему. Иногда он даже подыгрывал им. Если ты кажешься юным и невинным, тебе легче собирать информацию.

Но он не был ни тем, ни другим. Абдулла прошел суровую военную подготовку и получил сертификаты на управление практически любым реактивным самолетом. Его друзья считали, что все иорданцы настолько простодушны и глупы, что позволят молодому и чудачковатому человеку водить истребители-бомбардировщики ценой в десятки миллио-

нов динаров? Смешно. Он был выдающимся пилотом, а затем и инструктором.

Абдулле было интересно, что Рэйфорд и остальные думали о его серьезном изучении пророчеств под руководством Циона Бен-Иегуды и Хаима Розенцвейга. В отличие от других, он в основном молчал и не задавал много вопросов. Но он пользовался тем же самым серым веществом, которое помогло ему освоить огромное количество технических характеристик сложных современных летательных аппаратов и стать отличным пилотом.

Возможно, потому, что они и сами были скромными уроженцами Ближнего Востока, ни доктор Бен-Иегуда, ни доктор Розенцвейг не удивлялись интеллектуальным склонностям Абдуллы, подтвержденным в частной переписке и разговорах. И хотя уроки бывали очень глубокими и насыщенными богословием, убедительнее всего на него действовали едва ли не ежедневно исполнявшиеся пророчества.

Абдулла не сомневался, что древнее Писание истинно и его создали за тысячи лет до рождения Христа. Сотни и сотни пророчеств уже исполнились, многие — прямо у него на глазах. Несмотря на печаль из-за гибели семьи, несмотря на постоянный страх, что его могут обнаружить без метки Карпати, и, да, несмотря на то, что его оскорбляло отношение друзей, считавших, что он не такой умный, как они, его едва появившаяся вера крепла с каждым днем.

Он знал, что и Мак, и Рэйфорд, и Бизон, и остальные действительно любят его. Может быть, он сможет обучить их в следующей главе разворачивающейся истории, и тогда они поймут, что нет никаких причин относиться к нему снисходительно, пусть они даже и сами не замечали этого.

Молний становилось все больше, и Абдулле это нравилось. Они бросали зловещие, мерцающие отблески света на испуганные войска внизу. А еще они освещали облака, которые он не смог бы иначе увидеть из-за отсутствия луны и звезд. О, какая восхитительная, пугающая сцена!

Абдулла молился, благодаря Бога за то, как далеко ему удалось дойти, за то, что пустил такого неожиданного гостя в царствие Свое, за то, что даже сейчас оберегал его от убийственной силы врага.

Пролетая над Иерусалимом, Абдулла заметил маленькие точки костров, в основном сосредоточенные на Храмовой горе. Во вспышках молний виднелись солдаты Объединенной армии, окружившие со всех сторон последний оплот упрямых повстанцев. Он усмехнулся. Видели бы они, как бедственно их положение, с его точки зрения. Они напоминали ему попугая, который вдруг посчитал, что стал полновластным хозяином своей клетки. Тем не менее он восхищался ими. Он был на их стороне. Они были избраны Богом, и в конце концов Иисус Христос дарует им победу.

О, Иерусалим падет, Абдулла это знал. Но, поскольку все пророчества, которые он изучал, исполнились буквально так, как написаны, он совершенно не сомневался, что Иисус снова все исправит. У него был полный бак топлива, иллюминация из молний освещала поле боя, и он словно смотрел из первого ряда величайшее представление на земле.

Круто свернув влево и пролетев над миллионами солдат в огромной долине Мегиддо, Абдулла повернул ревуший самолет обратно на юг. Дальше по «расписанию» было появление в Эдоме Карпати, который возглавит наступление трети своих сил на Петру. Лучи прожекторов Объединенной армии пересекались в небе и иногда ловили в перекрестье самолет Абдуллы. Но он ничего не боялся.

— Запускайте свои ракеты «земля—воздух», — прошептал он. — Они отскочат от этого самолета, как воланчики.

* * *

Рэйфорд лишился дара речи. Его никогда не считали тихоней, но в этой троице он был кроток, как церковная мышь. Хаим обожал обстоятельные разговоры обо всем — любой истине, идее или концепции. Ему так нравилось. А Мак был его двойником из Техаса — может быть, не таким красноречивым

и интеллектуальным, но всегда готовым изложить собственное мнение по любому вопросу.

Но сейчас стояла почти сверхъестественная тишина. Никто не произнес ни слова. Молнии сверкали почти постоянно; длинные, широкие потоки золотистого света перелетали от облака к облаку, с облаков на землю и — Рэйфорд это знал, хотя глазом такое увидеть невозможно, — иногда даже с земли к облакам.

Длина и яркость вспышек различались, но они змеились в небесах с такой скоростью и в таком изобилии, что воздух потрескивал и щелкал. «Бум! Бум! Бум!» — слышались оглушительные раскаты грома, потрясшие стены непрочного жилища Рэйфорда.

Вспышки осветили облака. Рэйфорд не мог представить, что они могут стать еще крупнее и подвижнее, но именно это и произошло. Казалось, их длина и ширина уже измерялись милями, они были серыми и черными, полными влаги, готовыми излить ее на землю. И они закрыли все, что выше их. Если бы не его крепкая вера, он пришел бы в ужас. Несомненно, Бог вселенной дал волю своим силе и гневу, и неуверенные в Его любви пришли в ужас.

— Поразительно, — прошептал Рэйфорд, но остальные двое, чьи силуэты виднелись в постоянных вспышках молний, не сдвинулись с места и ничего не ответили. Его неуклюжий эпитет, похоже, затронул их еще меньше, чем его самого.

* * *

Себастьян смотрел на небо через прибор ночного видения, периодически напоминая себе, что нужно дышать. С одного бока к нему прижался Отто, с другой — Рейзор, и, как ни странно это прозвучало бы в любых других обстоятельствах, он вспомнил детство, когда в страхе обнимался со своим младшим братом, сидя в постели и смотря на грозу в тысячу раз меньшую этой.

А когда Себастьяну уже показалось, что небеса больше не в силах сдержать себя, молнии разогнались до невероятной скорости. Сотни, тысячи ударов обрушивались на пустыню каждую секунду, оглушительные раскаты грома наслаивались друг на друга и сливались в такую мощную какофонию, что ему пришлось отпустить прибор ночного видения, свободно повисший на шее, и зажать обеими руками уши. Все небо, с запада на восток и с севера на юг, пылало, ослепительные вспышки света разлетались во всех направлениях. Земля задрожала, и Себастьян понял, что она дрожит из-за молний, грома и паники, в которую впала кавалерия Антихриста.

Он отправил Отто проверить отряды Ри Ву, расположенные на другой стороне границы, а Рейзора — проверить его собственные на этой стороне.

* * *

Энох сидел в Иллинойсе, держа Библию под мышкой, чтобы она не промокла, если пойдет дождь. Но когда молнии достигли совсем уже невероятных размеров, он смог лишь встать и поднять Библию над головой обеими руками, предлагая ее Богу как знак почтения. Какое представление! Ужасный, поразительный гнев Божий, что виден всему миру!

Энох вспомнил места из Ветхого Завета, которые заложил закладками, и снова сел, перелистывая страницы и перечитывая их в почти постоянном свете электрической фее-рии, выкрикивая слова в небеса.

— «Иди в скалу и сокройся в землю от страха Господа и от славы величия Его. Поникнут гордые взгляды человека, и высокое людское унижится; и один Господь будет высок в тот день. Ибо грядет день Господа Саваофа на все гордое и высокомерное и на все превознесенное, — и оно будет унижено.

И войдут люди в расселины скал и в пропасти земли от страха Господа и от славы величия Его, когда Он восстанет сокрушить землю».

Найдя пророческие предупреждения в Книгах Осии и Иоила, Энох прочитал о врагах Господа.

— «И скажут они горам: “покройте нас”, и холмам: “падите на нас”.

«И Господь даст глас Свой пред воинством Своим, ибо весьма многочисленно

полчище Его и могущественен исполнитель слова Его; ибо велик день Господень и весьма страшен, и кто выдержит его?»

«Я выдержу его, — подумал Энох, — как и любой, кто видит больше, чем Его гнев, и верит в милость Божию».

Он прочитал из Книги Иоила 2: 12:

— «Но и ныне еще говорит Господь: обратитесь ко Мне всем сердцем своим в посте, плаче и рыдании».

Затем Энох открыл Книгу Наума, стих 1: 6:

— «Пред негодованием Его кто устоит? И кто стерпит пламя гнева Его? Гнев Его разливается как огонь; скалы распадаются перед Ним».

В следующем же стихе были надежда и еще одно ужасное предупреждение:

— «Благ Господь, убежище в день скорби, и знает надеющихся на Него. Но всепотопляющим наводнением разрушит до основания то место, и врагов Его постигнет мрак».

Почти в самом конце Ветхого Завета Энох нашел Книгу Софонии и прочитал стихи с 14 по 17 в первой главе:

— «Близок великий день Господа, близок, и очень поспешает: уже слышен голос дня Господня; горько возопиет тогда и самый храбрый! День гнева — день сей, день скорби и тесноты, день опустошения и разорения, день тьмы и мрака, день облака и мглы, день трубы и бранного крика против укрепленных городов и высоких башен.

И Я стесню людей, и они будут ходить, как слепые, потому что они согрешили про-

тив Господа, и разметана будет кровь их, как прах, и плоть их — как помет».

* * *

Невероятно, но Служба Новостей Мирового Сообщества игнорировала буйство природы. Чань, подключаясь к каналам передачи по всему миру, видел, что молнии сверкали повсюду. На кадрах из Шри-Ланки виднелась горящая столица, пораженная тысячами молний. Люди метались в панике, растаптывая друг друга, крича, моля о пощаде.

Оператор СНМС, или его смелый продюсер, передал изображения маленькой группы противостоявших Карпати евреев, вставших на колени под древним флагом Израиля, звездой Давида, и наскоро вышитым крестом. Они дразнили бога этого мира, смело показывая, что у них нет меток верности верховному потентату, и они уверовали в Мессию.

Из Южной Америки приходили похожие кадры. Повсюду было темно, как в полночь. Свет давали лишь молнии и искусственные источники. Люди бились в истерике. Даже многие обладатели метки Карпати кричали и сквернословили в камеру, требуя от него сообщить, где он находится и что собирается с этим делать. Чань попросил техника-испанку перевести крики южноамериканцев.

— Они говорят, — ответила та, — что это, несомненно, вторжение Самого Бога, и

спрашивают, что скажет об этом потентат. Кто победит? Они хотят знать, кто победит.

Даже продюсеры, работавшие на МС, не стесняясь в выражениях, спрашивали, почему СНМС игнорирует их трансляции. Что, спрашивали они, может быть важнее, чем подобное космическое явление, вызвавшее панику и разрушения по всему миру? Люди погибали, кончали жизнь самоубийством, грабили, впадали в бешенство. Но по СНМС шли лишь военные новости.

— Войска Объединенной армии, которые отправили в Египет, уже возвращаются обратно в долину Мегиддо, — нараспев произнесла ведущая, показывая кадры с сокрушительными победами МС. — С северо-востока докладывают о том же самом, а генералы Объединенной армии сообщают, что доставят свои отряды в Израиль вовремя, чтобы успеть к осаде Иерусалима.

Интервью с самим Карпати лишь показало всю бессмысленность так называемых «объективных репортажей». Потентат сидел верхом на своем гигантском коне рядом с грузовым самолетом, который доставил его и генералов в Аш-Шаубак, на полпути между Петрой и Бусейрой. Таким образом, Карпати и его люди оказались примерно в десяти милях к востоку от огромной Объединенной армии, дошедшей до границ Петры.

— Я доволен докладами с юга и северо-востока, — сказал он. — А сейчас мы готовимся к одному из важнейших стратегических шагов. Третья часть наших сил осадит

крепость повстанцев в Петре. Разведка сообщает нам, что небольшой оборонительный отряд со всех сторон окружает город, но они безнадежно уступают нам в числе, и им уже предложили сдаться.

Карпати прерывали почти постоянные раскаты грома, на которые ни он, ни репортер не обращали внимания.

— На этот анклав уже дважды нападали, ваше святейшество?

— «Нападали» — не слишком удачное слово, — сказал Карпати, и Чань рассмеялся в голос.

Во время первой неудачной попытки Мировое Сообщество привело к Петре большие войска, и их чудесным образом поглотила земля. Во второй раз двойная бомбардировка открыла источник воды, до сих пор питающий всех жителей, а обитавшие там остатки еврейского народа и бойцы отряда Скорби оказались сверхъестественным образом спасены от огненной бури.

— На самом деле, — продолжил Карпати, — мы вели с их лидерами мирные переговоры, предлагая амнистию любому, кто добровольно покинет крепость и примет метку верности. Насколько нам известно, многие действительно хотели так поступить, но лидеры приказали уничтожить их. Многие вспомнят, что именно эти лидеры убили меня, но этим лишь дали мне возможность доказать свою божественность, восстав из мертвых.

На этот раз никаких переговоров не будет. Люди, верные Новому мировому по-

рядку, либо убиты, либо сбежали, так что, по данным разведки, в Петре сейчас живут лишь бунтовщики против нашего дела, убийцы и богохульники, сыпавшие проклятиями в ответ на любую попытку урезонить их.

Камеры надвинулись на потентата; тому протянули гротескно огромный серебристый меч, выглядевший, словно его украли из японского мультфильма, — с золотыми вставками в стиле рококо и ярким, разноцветным эфесом. Он подпоясался мечом, затем театральным жестом, медленно, с металлическим скрежетом вынул его из ножен и поднял к небу.

Чань безмолвно взмолился, чтобы одна из молний попала в острие меча и сожгла их врага на месте.

— Таким образом, — сказал Карпати, — мы планируем полное уничтожение. Я лично поведу армию в бой, конечно же, с неоценимой помощью моих генералов. Мы соберем войска, как только прибудем туда, и осада займет лишь несколько минут.

Когда Карпати потянул за поводья, повернул коня на восток и пустился в галоп, репортер крикнул ему вслед:

— Всего наилучшего вам, о святой! Покройте себя славой и завоюйте честь для своего имени, победив в бою!

Чань позвонил Маку и рассказал ему о творившемся сумасшествии.

— Ребята, обязательно посмотрите это, — сказал он. — Скоро все дойдет до апогея.

* * *

Абдулла услышал репортаж по радио и пролетел над Аш-Шаубаком. Он разглядел самолеты и военную технику Карпати, но летел слишком высоко, чтобы различить всадников на лошадях. Впрочем, на западе он видел Объединенную армию и понимал, что Николае понадобится немного времени, чтобы добраться до них.

При свете молний было видно, что армия находится в полнейшем беспорядке. Лошади, естественно, испугались яркого света и грома, и Абдулле показалось, что всадники лишь с величайшим трудом удерживают их от побега в сторону холмов. Что Карпати собирался делать в такой неразберихе — неизвестно.

И тут молнии исчезли.

Как и до этого, небо снова стало угольно-черным. Жалкие прожектора Объединенной армии отчаянно шарили по непроницаемой тьме, натываясь на плотные, густые облака, зловеще нависшие над всей землей.

После того как стихли громовые раскаты, относительная тишина в кабине показалась неземной. Абдулла огляделся, ожидая, что будет дальше. И чем дольше он смотрел, тем больше задумывался, сколько еще будет ждать Господь. Сейчас лошади еще слушают седоков. Карпати, конечно же, посчитает, что победа в его руках.

* * *

Рэйфорд сказал Маку, где в другой комнате найти его радиоприемник. Мак принес его, ступая осторожно, чтобы ни во что не врезаться.

— Можно было включить свет, — сказал Рэйфорд. Мертвая тишина действовала ему на нервы.

— О, прошу, не надо, — возразил Хаим. — Это тьма Господня. Вы разве этого не чувствуете?

— Чувствую, конечно, — сказал Рэйфорд. — Каждая частичка меня хочет быть там. Я бы отдал все, чтобы оказаться сейчас рядом с Карпати. Хочу увидеть его лицо, когда ему придется отступить в Бусейру, а потом — в Иерусалим.

— Как ты хоть что-нибудь увидишь? — удивился Мак.

— Это просто предвестие, — ответил Хаим. — Рано или поздно тьма сменится дневным светом. Карпати струсит и побежит от Сына Человеческого, Который будет единственным источником света. Все, кто будет рядом с Николае, увидят его, и мне, как и Рэйфорду, хочется быть там, рядом с ним. Но я буду здесь — наблюдать, благоговеть, петь молитвы. А потом мы все последуем по тому же пути, что привел нас сюда. Мы разольемся по широкому простору и присоединимся к Мессии, когда Он одержит победу

в Иерусалиме и взойдет на Масличную гору, откуда давным-давно вознесся.

— Я хочу совершить это путешествие, — сказал Рэйфорд.

— Только не в твоем состоянии, — ответил Мак.

Рэйфорд покачал головой:

— Здесь будет ужасно одиноко.

* * *

Внезапная тишина и полная темнота заставили Эноха снова испугаться возможного дождя, и он стал искать свою машину. Его уши все еще звенели от какофонии последнего часа, и, осторожно нащупывая дорогу, он наконец увидел впереди слабый свет нескольких фонарей. Найдя машину, он поехал домой, собираясь достать из погреба шезлонг и смотреть представление, удобно улегшись.

Эноху очень хотелось как можно скорее попасть в Святую Землю после того, как вернется Иисус. Он был уверен, что увидит все в небесах — пришествие и то, что последует за ним, — но потом Иисус снова заключит Себя в смертное тело, и верующие со всего мира захотят увидеть Его. Он будет царствовать в Иерусалиме, и сразу же начнутся паломничества. Эноху и другим прихожанам «Плэйс министри» придется начать собирать деньги на дальнюю дорогу.

* * *

Себастьян был уже в курсе дела и размышлял, что делать дальше. Приборы ночного видения в этой темноте не действовали. Это могло означать только одно: тьма имела сверхъестественную природу, потому что он спокойно пользовался приборами под землей, где не было никаких источников света. Облаков уже не было видно, а хоть что-то разглядеть удавалось лишь тогда, когда какая-нибудь машина Объединенной армии мигала фарами.

Что ему делать, если войска Мирового Сообщества перейдут в наступление до возвращения Иисуса? Он знал из пророчества, что он, и его люди, и все обитатели Петры будут спасены, когда миру настанет конец. Но что делать до этого? Сражаться? Отбиваться? Стрелять? Он знал, что сможет нанести определенный урон — его отряду это уже удавалось. Попадут ли его люди под огонь, будут ли ранены или убиты?

Он был военным, но этот вопрос лежал не только в тактической, но и в богословской плоскости. Себастьян мог проконсультироваться с доктором Розенцвейгом, но у старика и без того хватало забот. Его делом был еврейский анклав, делом Себастьяна — оборона. Будет ли стратегически эффективным сдать Объединенной армии свою позицию без боя, зная, что она идет в ловушку космических масштабов?

Его учили совсем не так, но у него в общем-то не оставалось выбора. Да, он мог замедлить их продвижение с помощью хирургически точных выстрелов из лазерного оружия и винтовок 50-го калибра. Но никто не мог сказать ему, принесет ли это хоть какую-нибудь пользу и сколько времени он должен сдерживать врага.

Конечно, такую огромную армию долго сдерживать не удастся. Десять минут? Двадцать? Точно не дольше. Он мог нанести определенный урон. Но когда явится Господь, жалкие попытки Себастьяна лишатся всякого смысла. Вопрос состоял лишь в одном — в любом ли случае эти попытки бессмысленны?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Прошло около двух часов после того, как землю покрыла непроницаемая темнота. Рэйфорд почувствовал, что Хаим беспокоится.

— Мне лучше пойти к старейшинам, — сказал старик. — Это долго не продлится, а когда появится знамение Сына Человеческого, кто знает, как скоро после этого все случится?

— «Кто знает» прав, — сказал Мак. — Когда появится знамение, я, пожалуй, отправлюсь в небо. Ты ведь не возражаешь, правда, Рэй?

— Конечно, возражаю, но не буду тебя этого лишать. Я справлюсь с одиночеством. Проблема лишь в зависти.

— Ты меня простишь, — сказал Мак.

— Прощу.

— Может быть, мне прислать Лию, Ханну или кого-нибудь еще, чтобы составили тебе компанию?

Рэйфорд задумался.

— Лучше не надо, — наконец ответил он. — Если здесь будет кто-нибудь еще, то меня это лишь отвлечет.

— Я пойду, — произнес Хаим. — Это была замечательная встреча.

— Как вам будет удобно, док, — сказал Мак. — А я бы мог устроить вам лучший в жизни полет.

— Я знаю. Благодарю вас. Но, пока не явился Мессия, у меня есть обязанности.

Рэйфорд услышал, как подходит Хаим, и протянул ему руку. Хаим взял ее обеими своими.

— Мистер МакКаллам, — сказал Хаим, — вы не могли бы присоединиться к нам?

Мак подошел ближе. Рэйфорд почувствовал, как тот положил руку ему на плечо; вторую, очевидно, он положил на плечо Хаиму.

— В Откровении 1: 3 говорится, — продолжил Хаим, — «Блажен читающий и слушающие слова пророчества сего и соблюдающие написанное в нем; ибо время близко». Аминь.

Рэйфорд и Мак тоже повторили «Аминь».

— Я помолюсь за нас, — сказал Хаим, но прежде, чем он успел начать молитву, Рэйфорд резко открыл глаза, сначала услышав, затем увидев в небе нечто новое. Судя по звуку, в небе словно отключилась высоковольтная линия, которая искрила за облаками.

— О Боже, О Боже! — Хаим, начав молитву, тоже повернулся. Рэйфорд смотрел в небо молча.

Он сел в постели и наклонился вперед, уставившись на явление, похожее на молнию, какой не бывало еще никогда. Толстая, зазубренная, пульсирующая вертикальная желтая полоса начиналась примерно в ста футах над горизонтом и уходила миль на десять в небо. Примерно на двух третях высоты ее пересекала горизонтальная линия, такая же толстая, но вполтину короче.

Рэйфорд потерял дар речи, у него перехватило дыхание. Он видел украшавший небо крест Христа, состоящий из молний, потрескивавших от необузданной энергии, но никуда не бивших. Его переполняли благоговение, изумление, любовь к Самому Богу. То было знамение Сына Человеческого, и весь мир видел его. Но это знамение было и личным, отпечатавшись прямо в его сердце.

Небесное сияние залило комнату. Хаим наконец отвернулся от окна и ушел, не сказав больше ни слова.

Рэйфорд глянул на Мака и чуть не рухнул с кровати. Мак был негром! И он пытался что-то ему сказать.

— Ну, мне пора, — только и сумел проговорить Мак, затем, увидев реакцию Рэйфорда, добавил: — Это я, Рэй. Зики постарался.

— Мак, со мной что-то случилось.

— Со мной тоже, дружище. Оно здесь, прямо здесь.

— Нет, что-то случилось.

— Ты о чем?

Рэйфорд быстро поднялся с кровати и встал рядом с Маком у окна.

— Я стою, — сказал он.

Мак повернулся.

— Не надо так напрягаться, Рэй. Давай начнем с малого.

— Я отлично себя чувствую, — ответил Рэйфорд.

— Ты хочешь сказать...

— Да, именно это я и хочу сказать, Мак. Никакой боли. Никаких ран. Посмотрите на меня.

Рэйфорд сорвал с себя бинты. Даже рана на виске зажила, хотя волос в том месте, где Лия его зашивала, не было. Он нагнулся и потянул за повязку на лодыжке. Не осталось даже шрама. Он подпрыгнул, потом снял с голени шину и отбросил ее.

— Только не говори...

Рэйфорд закричал от радости:

— Говорю! Пойдем отсюда, Мак! Подними меня в воздух.

— Вот насчет этого я не уверен, Рэй.

— Тогда сиди тут и смотри, потому что я собираюсь туда!

* * *

Энох удобно устроился на заднем дворе, улегшись в шезлонг и накрывшись покрыва-

лом, когда появилось знамение. Он залился слезами и воздел вверх руки.

— Хвала Господу, хвала Господу, — произнес он и начал петь по очереди все духовные песни, которые знал. Крест, простиравшийся от края до края неба, возвышался, как написал автор одного гимна, «над обломками времени». Его величие возвещало о безоговорочной победе.

Сколько он молился и нес бремя горожан, которым Бог послал его в качестве пастыря? Сколько он проповедовал, учил и предупреждал об этом самом дне, этом самом событии? Он не представлял, как будет выглядеть знамение, но этот облик был идеальным.

— Крест Господень восхваляем, — говорил он хриплым голосом.

Энох поднялся с дешевого, расшатанного шезлонга и стал на колени, поклонившись Богу. Он опустил голову и закрыл глаза, но крест в небе все равно стоял перед ним, словно выжженный на внутренней стороне век.

* * *

Как только Чань увидел крест на всех своих экранах, он позвал Наоми, и она тут же явилась. Держась за руки, они побежали на улицу, на свое любимое место. Они ничего не говорили. Не было слов, которыми можно это описать. Они легли на спину и стали смотреть.

* * *

— Спасибо Тебе! Спасибо Тебе, Боже! —
ликовал Абдулла.

Когда знамение только появилось, он направил реактивный самолет прямо на крест и выжал полную скорость. Он здесь, прямо перед ним, как трехмерные предметы в фильмах, которые он видел в детстве в кинотеатре? Казалось, что он может протянуть руку и коснуться креста, но несмотря на то, что самолет за несколько секунд развил максимальную скорость, крест так и не приближался. Его горизонтальная перекладина, словно руки Самого Иисуса, обнимала весь мир.

Единственное, что могло за этим последовать, — Сам Господь, и Абдулла не мог дождаться.

* * *

Два часа Себастьян не понимал, чего ждут враги, да и сами враги, похоже, не понимали. Но знамение сыграло роль призыва к действию, и резвые кони Объединенной армии двинулись вперед. Всадники, которых теперь было хорошо видно в сиянии креста, перешли в галоп.

— Большой Пес-1 — всем подразделениям, — передал Себастьян по радио. — Не стреляйте. Ждите моего сигнала.

Со всех сторон зазвучали протестующие голоса.

— Ждите, ждите, ждите, — повторил он, несмотря на то что все командиры отрядов доложили, что враг уже буквально в нескольких метрах от них.

— Вы что, с ума сошли? — закричал Отто в четверти мили слева от Себастьяна.

— А вы потеряли вашу веру, Отто?

— Ри Ву — Большому Псу: пришло время, сэр.

— Ждите.

— Разрешите высказаться начистоту, сэр, — передал Рейзор по приоритетной частоте.

— Не разрешаю. Следуйте приказам.

Объединенная армия приблизилась вплотную за считанные секунды. Себастьян стоял неподвижно, глядя на всадников. Некоторые из них целились в него из ружей, другие обнажили мечи. Он знал, что они видят его так же хорошо, как он — их: на границе Петры внезапно стало светло, как днем. Только небо позади огромного креста по-прежнему было черным.

Объединенная армия открыла огонь, и Себастьян вздрогнул, но не отвернулся и не стал искать укрытия. Пара сотен его солдат стояла между армией и склоном холма, который вел прямо к городу Петра, и во всех них выстрелили. Стрелять с лошади, скачущей галопом, сложно, но некоторые пули уж точно достигли своей цели.

Воздух наполнился свистом пуль, рикошетивших от камней; на лица всадников

было жалко смотреть. Меценосцы выскочили из-за спин стрелков, и один из них, явно испуганный, но решительный, направился прямо к Себастьяну. Джордж поднял руку и помахал ему, словно здороваясь — или прощаясь, — а солдат, проносясь мимо, размахнулся клинком и ударил его. Лезвие прошло прямо сквозь живот Себастьяна.

Себастьян оказался окружен солдатами Объединенной армии, и всадник за всадником неслись прямо на него — одни стреляли, другие пытались зарубить его. Впрочем, самое большее, что им удавалось, — толкнуть его. Один солдат остановился и развернул коня, чтобы попробовать снова, но его затоптали его же собственные товарищи, которым отступать было некуда.

Джордж повернулся, чтобы посмотреть на штурм склона, ведущего к Петре. Командиры армии, похоже, переоценили способности всадников управляться с лошадьми на крутых подъемах, так что наступление захлебнулось. А войска из долины все прибывали, образовав затор поистине библейских масштабов. Солдаты кричали друг на друга. Командиры выкрикивали приказы, которые невозможно было выполнить.

А Себастьян и его люди весело расхаживали среди врагов, не получив ни единой царапины.

* * *

Чань пытался как можно дольше игнорировать свой телефон. Он подумал, не выключить ли его вообще, решив, что его работа наконец закончена. Но чувство долга все же взяло верх. Он оторвал взгляд от знамени на небе, улыбкой извинился перед Наоми и взял трубку.

Звонил его помощник.

— Вам наверняка захочется это увидеть, — сказал он.

— Я и так вижу то, что хочу видеть, — ответил Чань.

— Но вас все еще волнует еврейский вопрос, не так ли?

— Еврейский вопрос?

— То, что доктор Розенцвейг назвал «всемирным обращением к Мессии».

— Конечно, но это началось еще после речи Хаима.

— И продолжилось во время грозы.

— Именно, — сказал Чань. — Что нового?

— Приходите, и увидите. Слово «массовый» — это вопиющая недооценка ситуации. Миллионы все еще колебались, но сейчас пришло время окончательного решения. Они все обращаются к Господу, и, похоже, все они хотят сообщить об этом нам.

* * *

Рэйфорд никогда не думал о том, в какой одежде следует встречать Иисуса. Он покопался в шкафу и нашел — об этом тоже было в пророчестве — пролежавшие там три с половиной года, но выглядевшие совершенно новыми военную форму, носки и ботинки. Он оделся за несколько секунд.

— Ты думаешь о том же, о чем и я, Рэй? — спросил Мак.

— О чем?

— Что нам совершенно незачем отсюда уходить, даже если ты достаточно здоров, чтобы сражаться. Надвигается битва, и мы должны были участвовать в ней.

— Не надо сейчас со мной об этом, Мак.

— Я хочу быть здесь не больше, чем ты, Рэй. Но Себастьян, Рейзор, Отто и остальные ребята пытаются держать периметр.

— Вот ведь... Абдулла уже улетел. — Рэйфорд вспомнил детство, когда приходилось отстаивать права перед родителями. — Почему это досталось ему?

— Абдулла ответит перед своей совестью.

— А я должен отвечать перед твоей?

— Просто делай то, что нужно, Рэй.

— Ты остаешься в любом случае?

— Я должен. Меня так воспитали.

— С чего ты вдруг стал относиться ко мне покровительственно?

— Делай, что должен, Рэй. Я пойму.

— Я не полечу без тебя, Мак. Ты действительно думаешь, что Бог исцелил меня для

того, чтобы я помог в битве, которую Он уже обещал выиграть?

Мак покачал головой.

— Я не говорил, что это можно будет объяснить. Я просто сказал тебе, что думаю.

— Я звоню Себастьяну.

* * *

— Это Большой Пес-1! — крикнул Себастьян. — Слушаю вас!

Услышав вопрос Рэйфорда, он расхохотался.

— Вы с Маком немедленно должны взлетать, а если не пойдете, то я приду и сам вас расстреляю.

Он рассказал Рэйфорду, где находится и что происходит.

— Значит, вы поверите мне, если я скажу, что Бог исцелил меня, когда появилось знамение.

— Я сейчас поверю чему угодно, дружисе. Я бы с удовольствием пошел с вами, но не могу бросить своих людей. Так что запомните все подробности, ясно?

* * *

Чаню уже достаточно говорили, как Наоми — но она в него влюблена, так что он сомневался в ее объективности, — так и его

начальники, что он выполняет важнейшую работу не только для отряда Скорби, но и для всех жителей Петры. Он был рад это слышать, и, хотя, конечно, чувствовал облегчение от того, что ему не нужно больше жить в Новом Вавилоне лазутчиком, логове Антихриста, работа в Петре оказалась необычно трудной.

Наоми, конечно, скрашивала его будни. Но работа, занимавшая иногда по четырнадцать—шестнадцать часов в день, бывала и нудно-однообразной, и очень интересной. Она мотивировала его, потому что — и он этого не отрицал — он был невероятно одаренным во всем, что касалось техники. Помощники говорили, что это еще мягко сказано; некоторые даже считали, что он — ведущий эксперт по компьютерам во всем мире, несмотря на молодость.

Все это, конечно, хорошо, но когда он задумался, что же не нравится ему в нынешней работе, то сразу вспомнил старую поговорку агентов по недвижимости — «расположение, расположение, расположение».

Компьютеры, конечно, прошли немало этапов эволюции даже при его жизни, но они по-прежнему располагались в основном внутри зданий, надежно защищенные от влияния погоды. Чаню иногда казалось, что он по-прежнему живет в подполье. На улицу он выходил только во время перерывов или в конце дня — или когда, как сейчас, удавалось урвать несколько мгновений с Наоми.

Вот и сейчас, практически перед самым Вторым Пришествием Христа, он снова сидел перед целым рядом экранов, наблюдая за всем миром. Это, конечно, привилегия. Кто еще делал так или хотя бы знал как? Он знал, что вносил немалый вклад в общую победу — например, он умел взламывать вражеские трансляции, как телевизионные, так и компьютерные. И хотя он сейчас предпочел бы быть на улице, вместе с остальными жителями Петры, Чань знал, что будет сидеть здесь, когда настанет конец света.

Можно кричать и плакать, а можно — заниматься своим делом, и он предпочтет последнее. Будет еще время, чтобы попасть в первый ряд и рассмотреть тысячелетнее царство во всех подробностях. Сейчас же он будет наблюдать и координировать своих сотрудников. Нужно поддерживать связь между ними.

Себастьян находился среди бойцов наступавшей Объединенной армии, как и Рейзор, Отто и Ри.

Абдулла летел на реактивном самолете, и кто знал, где он сейчас?

Хаим вместе со старейшинами раздавал указания народу.

Последнее, что узнал Чань, — Рэйфорд исцелился, и сейчас они с Маком ищут квадроциклы, чтобы снова вступить в бой.

Лайонел находился в той же ситуации, что и Чань, — накрепко привязанный к бумажной работе, он по-прежнему координи-

ровал действия Международного общества взаимопомощи с помощью Минь Ву.

А Лия и Ханна трудились в лазарете — этим скромным словом называлось заведение, которое было побольше иных госпиталей.

На плечи Чаня свалилось больше ответственности, чем он считал необходимым, но, поскольку остальные лидеры занимались другими делами, ему придется принять несколько руководящих решений. На связь вышел Абдулла и попросил разрешения присоединиться к толпам людей в Петре.

— Насколько понимаю, Объединенная армия прорвала нашу пограничную охрану, — сказал он. — Но они по-прежнему в полной безопасности, так что никакого подкрепления не нужно.

Чаню не в чем было винить Абдулла. Он и сам хотел сделать именно это — принять участие в богослужении, а не наблюдать за ним издалека, лучше, пожалуй, не скажешь.

— Вперед, — сказал Чань. Потом он объяснил Абдулле, почему тот не может дозвониться до Рэйфорда и Мака; впрочем, через минуту все снова изменилось.

— Чань, — сказал Рэйфорд, — Себастьяну мы ни для чего не нужны. Я приказал ему возвращаться в Петру и присоединиться к остальным. Их дело сделано.

— Но им же придется идти прямо через солдат Объединенной армии!

— Они и так среди них, но враги ничего не могут с ними сделать. Когда Хаим и старейшины расставят всех по местам, люди

будут смотреть вниз на долины со всех сторон Петры. У них будет прекрасный вид и на небо, и на землю.

— А вы с Маком?

— Мак возьмет свой вертолет, а мне нужен квадроцикл.

— Вы точно уверены, что снова хотите ехать на этой машине?

— А что такого, Чань? Как говорят, снова вернусь в седло.

Чань проверил записи и сообщил Рэйфорду, где Лайонел Уолем хранит лучшие машины.

— Они полностью заправлены, починены и готовы к бою. А куда вы собираетесь или мне не обязательно знать?

— Я поеду туда, куда скажет Мак. Он будет парить над Объединенной армией, высматривая самого главаря. Я хочу подобраться достаточно близко, чтобы видеть и слышать Карпати. Он должен быть где-то позади той орды, что смела отряд Себастьяна и направляется к нашей западной границе.

Чань рассказал Рэйфорду о том, чем занимаются все остальные, в том числе Абдулла.

— А где я буду, вы и так знаете.

— Мы бы без вас не выжили, Чань.

— Да, да.

* * *

Энох, качая головой, взялся за телефон. Он не мог осуждать своих прихожан за то,

что те разбежались кто куда. Он тоже испугался, но бежать было некуда, а бояться, по большому счету, нечего. Конечно, сказать такое легко, а вот действительно не испугаться, когда содрогнутся небеса, намного тяжелее. Но сейчас он должен быть вместе со своими людьми.

Все, наверное, выглядело на редкость сюрреалистично — он лежал в шезлонге на заднем дворе своего дома и пытался дозвониться прихожанам, а в небесах сиял крест из молний длиной и шириной в несколько миль. Наконец, ему удалось дозвониться до Флоренс, негритянки средних лет, имевшей среди прихожан, пожалуй, наибольшее влияние.

— Флоренс, где все?

— Примерно половина — здесь, пастор. Нам немного неловко, но мы в порядке.

— А «здесь» — это где?

— Кварталах в трех от вас. Мы вернулись в торговый центр, но не нашли вашей машины, так что решили, что вы дома.

— Я дома. Может быть, вам всем стоит прийти сюда и быть со мной, когда Господь придет?

— Вы сказали, что мы ни в коем случае не должны выдавать, где вы скрываетесь. Да и как мы все поместимся в ваш погреб?

Он рассказал ей, где находится.

— Конечно, нам не нужно лишнее внимание со стороны соседей или МС, но, по-моему, они сейчас куда больше заняты небом.

— Ждите нас. Мы придем. Машин почти ни у кого нет, так что мы идем пешком.

* * *

Пока заправляли его вертолет, Мак разговаривал с Лайонелом Уолемом.

— Весь день не выходил на улицу, — сказал Лайонел, подбоченившись и рассматривая крест в небесах. — Разве что когда отдавал капитану Стилу его квадроцикл.

— Даже грозы не видели? Это было что-то.

— Слышал. Видел на мониторе. Знаете, что, Мак... Вы, наверное, думаете, что Обществу взаимопомощи уже вообще делать нечего, но на самом деле у нас никогда еще не было столько работы.

* * *

Хаиму очень не хватало Циона. Тот сразу вызывал к себе уважение — может быть, потому, что был раббином, а может быть, потому, что давно уже знал Бога, с Которым Хаим познакомился недавно. Не то, что Хаим не мог привлечь внимания старейшин. Ему просто пришлось поднять руку, чтобы попросить слова. Циону никогда не прихо-

дилось так делать. Ему достаточно было наклониться вперед, сделать вдох или открыть рот, чтобы все внимание сразу обратилось к нему, а остальные замолчали.

Елеазар Тибериус, который совсем не много превосходил Циона по возрасту и очень namного — в объеме, стал Хаиму прекрасным союзником. Его глубокий бас и седина в редких черных волосах и бороде создавали вокруг него властный ореол. При этом он всячески выказывал свое почтение Хаиму, часто призывая к порядку и прося (точнее, требуя), чтобы коллеги прислушались к доктору Розенцвейгу.

Особенно важно это было сейчас, когда старейшины готовились разойтись, чтобы регулировать передвижение жителей Петры.

— Мы должны поддерживать порядок, — сказал Хаим. — Люди должны двигаться под нашим контролем. Посмотрите, вот карта, на ней указано, кто должен идти и куда. Прошу вас! Каждый из вас несет ответственность за помощников пастырей, которые будут направлять сто тысяч мужчин, женщин и детей.

Хаим замолчал и опустил голову. Он боялся, что старейшины его не послушают. Он понимал, что им очень хочется выйти на улицу, чтобы не пропустить Второе Пришествие. Но именно поэтому он собрал всех здесь — он хотел, чтобы Второе Пришествие не пропустил никто. Он посмотрел на Елеа-

зара, чей громкий голос, как всегда, пришел на помощь.

— Джентльмены! Если вы хотя бы не взглянете на карту, то не узнаете, куда руководители ваших групп должны будут вести людей! Первая группа пойдет по южной дороге к возвышенностям вдоль западной границе. Наши инженеры определили, что места там хватит всем, если вы правильно скооперируетесь. Первые сорок групп по тысяче человек могут подойти на десять футов к краю, но им придется сесть после того, как они туда придут. И очень важно, чтобы следующие шестьдесят групп не пытались протолкнуться вперед, иначе мы можем потерять десятки тысяч людей, которые упадут со скалы. Всем ясно?

Хаим с радостью увидел, как в комнату вбежал Абдулла. Пока Елеазар продолжал инструктировать других старейшин, Хаим отвел иорданца в сторону и обнял его:

— Как поживает мой лучший ученик?

Абдулла рассказал ему, где был и что видел.

— Как вы знаете, доктор, я редко демонстрирую эмоции, но я, не скрываясь, скажу вам, что меня растрогало до слез то, что показал мне Господь. Это была такая честь.

— Не могу представить, что вы сами захотели покинуть небо.

— Меня накрыло неодолимое желание быть вместе с вами и всеми остальными, когда случится то, что должно случиться. У меня

страннейшее ощущение, что это может произойти в любую секунду — еще до того, как мы соберем всех.

— Мы тоже этого боимся, — ответил Хаим. — Объединенная армия уже стучится к нам в двери, и единственная причина, по которой наши люди так спокойно смотрят вниз со скал на их оружие, — то, что в первый раз, когда они посмели приблизиться, их поглотила земля, а во второй раз мы плясали в огне, который они на нас наслали.

* * *

Рэйфорду нравились ощущения от огромного квадроцикла. Всякий страх и неуверенность пропали, когда он развернул машину на улицах Петры, несколько раз накренил ее туда-сюда, затем разогнался и начал делать резкие повороты. Впрочем, он не собирался ездить совсем уж безрассудно. Он включил фары, несмотря на яркое сияние креста, и внимательно смотрел на землю, чтобы не попасть на ухабы и кочки.

Громкий гул и потрескивание в небесах одновременно возбуждали и нервировали его; он, конечно, знал, что это предвещало, но верил, что Иисус может появиться в любой момент. И он мог представить себе лишь одно место, лучшее, чем Петра, где он хотел бы быть, когда Иисус явится, — достаточно

близко к Карпати, чтобы увидеть его реакцию. Впрочем, Рэйфорд предполагал, что зрелище настолько поразит его, что о Карпати он даже и не вспомнит.

Показав Лайонелу Уолему большой палец, он направил машину к крутому склону, который вел к западным равнинам. Он выжимал газ, пока чувствовал, что управляет квадроциклом, но как только машина начинала вести себя своенравно, тут же притормаживал.

* * *

Мак вертикально взлетел на несколько сотен футов, прежде чем вывести вертолет из воздушного пространства Петры и направиться в сторону Объединенной армии. Ему приходилось остерегаться вражеских самолетов, но на земле, похоже, никто не обращал на него внимания.

Он знал, что Карпати и его свита должны появиться с востока, так что направился к восточному краю огромной армии. Там, примерно в четверти мили от кавалерийских отрядов, располагался небольшой лагерь с машинами, лошадьми и чем-то похожим на удобные кресла. Сановники наблюдали за военными действиями по телевизору. Ему очень хотелось узнать, как они отреагировали на появление креста — уж лица от экрана наверняка отвернули.

Но сейчас они, похоже, уже привыкли к зловещему знамению и пытались следить за подвигами своего лидера. Ну ничего, вот когда они увидят то, что появится в небесах после этого...

Маку, впрочем, было интереснее, как в море черных униформ внизу найти Николае Карпати.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Лия Роуз думала, что ее уже ничем не удивить. В конце концов, она была вместе с Рэйфордом, когда на землю напали двести миллионов демонических всадников, которые уничтожили треть оставшихся жителей. Она видела и пережила все кары, следовавшие после этого.

Лия и Ханна Пейлмун, молодая медсестра, с которой она так близко подружилась, первыми выбежали из лазарета, когда услышали, что появилось знамение Сына Человеческого. Они уже не первый раз выходили на улицу этим вечером — в прошлый раз они смотрели на молнии.

Они говорили о чувстве вины по отношению к Лайонелу Уолему, которого, по сути, бросили одного в Обществе взаимопомощи. Ему, конечно, помогали, но они были его ассистентками несколько месяцев и лишь не-

давно снова занялись врачебными обязанностями, когда по Петре стали распространяться недуги, травмы и болезни, причем лишь среди тех, кто еще не сделал духовного выбора. Лия считала, что это должно стать уроком для всех.

Но если она что и поняла с тех пор, как бежала от Мирового Сообщества, так это то, что люди учатся медленно. Ее учили, и она слышала снова и снова, что человечество будет слепо к деяниям Бога: люди увидят то, что Он свершил, но все равно откажутся от Него и выберут свой путь. Дело уже не в неверии. С этим все ясно. Никто, увидев все, что произошло в последние семь лет, начиная с Восхищения, не мог сказать, что не понимает, что это — последняя битва между злом и добром, раем и адом, Богом и дьяволом.

Но если мешает не неверие, как самой Лии в мире до Восхищения, то что тогда? Люди сошли с ума? Нет, решила она — они страдают от самоуверенности, нарциссизма, тщеславия, гордыни. Одним словом, они злы. Они видели деяния Бога, но отвернулись от Него, поставив греховные удовольствия выше вечности с Христом.

Бог ужесточил сердца многих. И когда эти неверующие все же пытались передумать, то им даже не удавалось раскаяться и повернуться к Господу. Сначала это казалось Лии несправедливым, но чем больше проходило времени и чем больше кар обрушивалось на землю, тем лучше она понимала логику про-

исходящего. Бог знал, что грешники в конце концов устанут от своей духовной нищеты, но и у Его терпения есть границы. Пришло время, когда терпение кончилось. Люди получили более чем достаточно информации, чтобы сделать осознанный выбор, но, как ни прискорбно, они снова и снова выбирали неверный путь.

Сегодня всему настанет конец. Несомненно, к Своим избранным людям Бог будет милосерден. Он с помощью Своих служителей — Циона, Хаима, ста сорока четырех тысяч свидетелей — по-прежнему просил неверующих обратиться к Нему. И если верить Чаню, миллионы сделали именно это.

Но Лия поняла, что есть еще на свете вещи, которые могут ее впечатлить. Ибо когда они с Ханной наконец вернулись в лазарет, она была ошеломлена, увидев, что все пациенты исцелились. Все. Не было больше больных и увечных. Все ходили, поздравляли друг друга, одевались и уходили, даже забыв выписаться.

Но, что лучше всего, многие из тех, кто никак не мог решиться, стояли на коленях и молили Бога спасти их. Повсюду сновали волонтеры, помогая им и молясь вместе с ними.

— У нас больше нет работы, Ханна, — сказала Лия.

Она позвонила Рэйфорду и узнала, что он уже оделся и отправился в бой.

* * *

Подъехав на расстояние выстрела к медленно наступавшей Объединенной армии, Рэйфорд нажал все три тормоза на квадроцикле — педаль и оба ручных тормоза на руле. Он весело ехал по склону каменистого холма, но, объехав какие-то кусты, понял, что армия теперь видит его, и поумерил пыл.

Многие солдаты спешили, безуспешно пытаясь заставить коней подняться по склону. Те, кто еще сидел в седле, с трудом удерживали животных на верном пути. Землю уже растоптали, и подниматься было на редкость трудно. Солдаты явно не радовались, но внезапное появление врага их заинтриговало.

— Назовите себя, — рявкнул один из них, натянув поводья и остановившись в десяти футах от Рэйфорда.

— Гражданин Петры, — сказал Рэйфорд совсем не так уверенно, как ему хотелось.

— Теперь вы пленник.

— Вы все еще берете пленных? Нас больше миллиона.

— Только вас. Вы можете нам помочь. Нам нужно знать, где все, как лучше пройти внутрь и так далее.

— А потом мне можно будет идти?

— Не надо тут шутить!

— Ну... если вы хотите знать, где почти все — они в городе. Но вы это и так знали. Лучше всего пройти внутрь с противопо-

ложной стороны, но вас, конечно, туда не пустят. Но мне вот что интересно. Почему вы не взяли в заложники кого-нибудь из тех, кто охранял границу, чтобы задать те же самые вопросы?

— Мы их всех перебили.

— Правда?

Рэйфорд снял с пояса рацию и нажал кнопку вызова.

— Большой Пес-1, это ваш капитан. Ответьте.

— Пес здесь. Эй, Рэйфорд.

— Как у нас дела? Есть жертвы?

— Ни одной.

— То есть если я захочу послать Объединенную армию ко всем чертям, то могу быть уверен, что...

— Вы где?

— Где-то в миле к югу от западной границы.

— Я примерно в полумиле от вас и поднимаюсь.

— Прямо посреди вражеской армии, да, Большой Пес?

— Именно. Их пули тут не действуют. Клинки — тоже.

— Убейте его! — закричал солдат, и раздался выстрелы сразу десятка винтовок. Единственное неудобство, которое они доставили Рэйфорду, — шум в ушах.

— Может быть, вы мне кое-что расскажете? — спросил он. — Я ищу вашего лидера, большого человека, самого главного. Где Карпати?

Солдаты побледили. Они словно спрашивали себя, какой в этом всем смысл. Если они не могут убить повстанцев, зачем тогда штурмовать их крепость? Да и зачем вообще им понадобилась крепость?

— Ладно, хорошо, — сказал Рэйфорд. — У меня свои источники. Извините, — сказал он, нажав на газ. — Извините.

Еще несколько солдат открыли по нему огонь или попытались зарубить саблями, но вскоре командиры приказали подчиненным экономить патроны для штурма каменной цитадели.

* * *

Найти Карпати оказалось не так сложно, как боялся Мак. Посреди бушующей людской массы, продвигавшейся в сторону затора на склоне, несколько прожекторов освещали человека на большом черном жеребце. Только Карпати нужно было освещение, чтобы выступить перед телезрителями всего мира.

Мак смотрел с вертолета, как Николае, подняв меч над головой, выкрикивал приказы. Затем он вкладывал оружие в ножны и начинал гневные диалоги с окружавшими его генералами. Он явно был недоволен медленным продвижением вперед, но, когда на него снова упал свет прожекторов, он придал лицу решительное выражение.

Мак позвонил Рэйфорду и передал примерные координаты потентата.

— Спасибо, Мак. Сначала я, наверное, встречу Себастьяна и его людей.

Пробираясь сквозь войска Объединенной армии, Рэйфорд видел все больше солдат, которые поняли, что рядом с Петрой нападать на врагов бесполезно. Они смотрели на него, поднимали оружие, потом устало шли дальше.

Но вскоре последовал новый приказ. Командиры передали всем, кто поднимался на холм, что те должны немедленно повернуть направо и покинуть этот район. Кто-то ворчал, но большинство солдат восприняли новость с облегчением.

— Самое время, — услышал Рэйфорд чьи-то слова.

Тысячи лошадей и всадников покинули склон; остальная часть Объединенной армии собралась у подножия холма. В середине оставили свободное место шириной футов в пятьдесят, и Мак сказал Рэйфорду, что там пойдут Карпати и его люди.

— Похоже, они собираются лично возглавить эту операцию, — сказал Мак. — Она начнется, как только он пройдет вперед.

— Их лошадям вряд ли будет легче подняться по склону, чем другим, — ответил Рэйфорд.

— По-моему, от лошадей они отказались, — сказал Мак. — Сам Ник едет на большом «хамви», но у них есть еще маленькие «хаммеры», джипы и бронетранспорте-

ры. Ой-ой-ой, и еще кое-что. Они везут гранатометы и ракетницы.

— Что значит «ой-ой-ой»? Думаешь, они сработают лучше, чем бомбы?

— Верно подмечено. Я просто хотел сказать...

Рэйфорд встретил «хаммер», в котором ехали Себастьян, Везер и Рейзор. Машина легко ехала вверх по склону, опустевшему после отступления Объединенной армии. Рэйфорд подъехал к водительской двери и заглушил мотор.

Себастьян опустил оконное стекло.

— Ну что, весело? — спросил он.

— Вы понимаете, что показываете врагу, как следует передвигаться по такой местности?

— То есть если они прорвутся наверх и перебьют всех, несмотря на пророчества, то виноват буду я?

— Ответственность будете нести вы, — сказал Рэйфорд. — Хотите повеселиться? Езжайте со мной вниз и вокруг холма. Я хочу пристроиться за передвижным командным центром Карпати и поехать с ними.

Себастьян вздохнул.

— Интересное предложение, — произнес он. — Отдайте мне приказ, чтобы у меня не осталось выбора.

— А что, по-вашему, вы сейчас на самом деле должны делать, Джордж?

Себастьян посмотрел на Везера и Рейзора, затем снова на Рэйфорда.

— То, что я делаю сейчас. Хочу доставить всех моих людей наверх, чтобы им было вид-

но, что произойдет дальше. Я не могу бросить их.

— Тогда делайте именно это. — Рэйфорда хлопнул ладонью по капоту «хаммера». — Езжайте.

* * *

Абдулла снова ехал на кроссовом мотоцикле, с шумом пробираясь сквозь толпы в десятки тысяч людей. Он наблюдал за старейшинами, по указаниям которых помощники пастырей и руководители групп вели на свои места больше миллиона людей, и давал им советы. Люди двигались вперед медленно, но верно.

Абдулла нашел площадку в северо-восточной части города и решил, что именно там должны расположиться Хаим и старейшины, когда все остальные займут свои места. Оттуда Хаима увидят не менее восьмидесяти процентов всего населения. А на случай, если он захочет произнести последнюю речь, у него был доступ к системе громкой связи.

— Но, как мне кажется, все внимание будет приковано к небу, — сказал он.

* * *

Хаим не мог скрыть тревоги от Елеазара.
— Что такое? — спросил более молодой старейшина.

— Недостаток веры, — сказал Хаим.

— Не может быть. Только не в вас. Господь завел нас слишком далеко, показал слишком многое. Можно ли сомневаться, что Он явится и спасет нас в назначенное время?

— Но что это за время, брат? Люди Чаня сообщили мне, что Объединенная армия освободила западный склон для боевой техники, а наступление возглавляет сам Карпати.

— Тем больше причин ожидать, что Мессия явится совсем скоро. Он не подведет нас, не нарушит Своих обещаний. Антихрист не может победить, и чем ближе он подойдет, тем скорее нас ждет спасение.

— Я верю в это, Елеазар.

— Конечно. Так что же тогда вас беспокоит?

— То, что осталось невысказанным.

— Вами? — спросил Тибериус с хитрым блеском в глазах. — Не могу представить, что еще вы могли бы сказать.

— Я хотел объяснить образы, связанные со Вторым Пришествием. И Цион, и я столько времени настаивали на буквальном прочтении Священного Писания, что я боюсь, что мы небрежно отнеслись к явно символическим местам из текстов, посвященных Второму Пришествию.

— Наверняка у нас, еще будет время, — сказал Елеазар, — но, может быть, обсудим это снаружи? Господь может появиться там раньше, чем вы!

— Но мне нужно сделать записи.

— Вы хотите сидеть здесь и писать, когда все случится? Возьмите бумагу и ручку с собой, Хаим, но идите, прошу, идите!

* * *

В течение нескольких месяцев Энох прятал машину в нескольких кварталах от дома, в погребе которого жил. Он никогда не включал свет наверху, а окна подвала были заколочены. Соседи в Палос-Хиллс никогда не видели его при свете дня, потому что иначе сразу заметили бы, что у него нет метки верности потентату. Он выбирался из заброшенного дома и возвращался обратно только ранним утром или ночью.

Но сейчас он сидел на заднем дворе, окруженном высоким забором, и слушал, как переговариваются соседи, в панике обсуждая астрономическое явление. Что они подумают о незнакомцах, которые пройдут к нему во двор? Станут ли проверять, кто это — отступники, беженцы, преступники? Успеют ли соседи перебить их?

Поскольку соседи считали, что его дом заброшен, ничто другое не вызовет никаких подозрений в темноте. Зачем им вообще что-то думать о нем или его людях? «О, — подумал он, — как это наивно. Что еще мы можем все здесь делать?»

* * *

Мак хорошо видел последний маневр Объединенной армии, и он не мог не отдать должное ее лидерам. Кто-то знал, как решить большую проблему. Не важно, чей это план — Карпати или кого-то из его подручных, но он работал. Тысячи солдат, начавших штурм западного склона, поняли, что им там ничего не светит, и отошли на юг, затем на запад и снова на северо-восток, присоединяясь к основной массе войск.

В это же время для Карпати и его личного отряда открыли коридор длиной в четверть мили и шириной в пятьдесят футов. Он и его люди перебирались на колесный транспорт. Конвой из десяти машин занял исходную позицию, сопровождаемый двумя самоходными артиллерийскими установками. Мак предположил, что Карпати возглавит наступление под огнем артиллерии, а остальная армия — те, кто не сидел в седле, — будет прикрывать тыл.

Со своего места Мак хорошо видел и понимал, что в любых других обстоятельствах у Петры не было бы шанса. Жители были безоружны, и даже треть всего войска Карпати превосходила их по числу втрое, а то и вчетверо. Машины Объединенной армии легко взберутся по склону, и этот отряд мог пересечь границу Петры меньше чем за полчаса.

Мак позвонил Чаню.

— Ты уже подключился к переговорам Карпати?

— Почти. Слышу всех, кроме него самого, но у меня работает мощный декодер, так что, думаю, много времени не понадобится.

— Как только тебе это удастся, тут же подключи меня к этому каналу, ясно?

— Хорошо. Рэйфорд тоже об этом просил.

— Понял.

* * *

Рэйфорд ждал у подножия холма, стоя лицом к Объединенной армии примерно в десяти градусах к югу от прохода, освобожденного для отряда Карпати. Рэйфорда практически игнорировали, потому что солдаты быстро увидели, кто к ним прибыл. Все взоры были устремлены на Николае.

План Рэйфорда был такой — пристроиться к кортежу Карпати, когда тот будет проезжать мимо, постаравшись не привлечь внимания. Если бы не случилось то, что уже случилось, план показался бы несусветной глупостью. Но Объединенная армия, похоже, наконец поняла, что на границе Петры ничего не сможет сделать с ее защитниками. Почему они считали, что внутри Петры у них шансы есть, учитывая две безуспешные попытки напасть на людей, избранных Богом, оставалось загадкой. Самомнение Карпати не знало границ.

* * *

Страхи Эноха оказались необоснованными. Его люди проявили сообразительность, приходя бесшумно, группками по двое-трое, так что им всем удалось пробраться во дворик, не привлекая внимания. Соседи в конце концов разошлись по домам; во дворике в результате собрались примерно сорок человек из ста, что пришли утром к торговому центру.

Они подошли к его креслу и сели на траву, неустанно глядя на крест, висевший на горизонте.

— Приди, Господи Иисусе, — прошептал кто-то, и к нему тут же присоединились другие. — Приди, Господи. Приди скорее.

— Все, что должно случиться, произойдет там, далеко, правда, пастор? — спросил какой-то паренек.

— Там, далеко?

— В Святой Земле. Вы сказали, что Иисус сначала будет сражаться за евреев в Петре, затем спасет Иерусалим. Как мы узнаем, что Он явился?

— В Библии говорится, — прошептал Энох, — что весь мир узнает, когда Он явится. В Откровении 1: 7 говорится: «Се, грядет с облаками, и узрит Его всякое око и те, которые пронзили Его».

— Как ему это удастся? Святая Земля — на другой стороне планеты.

— Как вы думаете, они там видят то же, что и мы?

— Наверное, да, но когда луна восходит, там ее видят с другой стороны, так?

— Может быть, они видят и этот крест с другой стороны. Мы не представляем, насколько он огромен.

— А может быть, их несколько, — предположил кто-то.

— Как это? — удивился Энох.

— Бог может сделать все, что Ему захочется, верно?

— Верно.

— Он может повесить в небе десять крестов, чтобы каждый мог увидеть хотя бы один.

— Но Иисус есть лишь один.

— Да, но Он может появиться везде, где захочет, одновременно. Точно так же, как Он, один человек, умер за всех нас, Он может и явиться сразу всем.

— Вот это вы дело говорите, — сказал Энох.

— Он убьет здесь кого-нибудь, как там?

— Боюсь, что да. Если они работают на Антихриста, то у них будут большие проблемы.

* * *

— Рэйфорд, ты обязательно должен увидеть это оттуда, где сижу я, — сказал Мак.

— Мне и с моего места вид нравится, — ответил Рэйфорд.

— Да, но выглядит все здорово. Крест освещает красные камни города, а я словно сижу в дирижабле, которые когда-то парили по ночам над футбольными стадионами. Все практически уже на местах, окружили вершину Петры. Те, кто впереди, сидят, чтобы стоящие позади могли все разглядеть. Большинство из них увидят наступление Объединенной армии и возвращение Господа. Надеюсь, Он уже скоро придет.

— Я думаю, что Он явится как раз вовремя, а ты?

— Я тоже так думаю. Вижу, как Хаим и старейшины поднимаются на площадку, где их смогут увидеть почти все. Мне интересно, те, кто стоит на самом краю, не боятся?

— Я бы испугался, а ведь я и не такое пережил.

— Я бы тоже, Рэй. Мне кажется, это в человеческой природе — чувствовать, что слишком часто испытываем судьбу. Эй, похоже, Хаим обратился к ним с речью. Сейчас спрошу Чаня, не сможет ли он... а, он уже нас подключил. Слушай, потом еще поговорим.

* * *

— ...и сестры в Мессии, — говорил Хаим. — Мы собрались здесь, в этом историческом месте, священном городе, где Сам Господь Бог даровал нам прибежище. Мы стоим

на краю времени, за нашими спинами — тень истории, а перед глазами — сама вечность, и мы верим в непоколебимую доброту, силу и величие нашего Спасителя.

Пусть Господь явится во время моей речи. О, прославлен будет тот миг! Мы стоим, смотря в небеса, где сияет обещанное знамение Сына Человеческого, громогласно извещая сквозь века истину: Его смерть на кресте очистила нас от всех грехов.

Через несколько минут вы, наверное, увидите врага Божьего, наступающего на этот укрепленный город. Я говорю вам со всей уверенностью, которой Отец наполнил мою душу: не бойтесь, ибо приближается избавление ваше.

Многие спрашивали, что случится, когда Антихрист станет против людей, избранных Богом, и Сын вмешается. Библия говорит, что Он убьет нашего врага оружием, выходящим из Его уст. В Откровении 1: 16 это оружие называется «острым с обеих сторон мечом». В Откровении 2: 16 Он говорит: «Скоро приду к тебе и сражусь с ними мечом уст Моих». В Откровении 19: 15 говорится, что «из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы». А в Откровении 19: 21 говорится, что враги «убиты мечом Сидящего на коне, исходящим из уст Его».

Позвольте мне кое-что прояснить. Я не верю, что Сын Божий будет сидеть на Своем коне в облаках и из Его рта будет торчать гигантский меч. Он не будет размахивать головой, убивая тем миллионы воинов Ар-

магеддона. Это явно символический образ и если вы изучали Библию, то знаете, что такое «острый с обеих сторон меч».

В Послании к Евреям 4: 12 говорится, что Слово Божие «живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помысления и намерения сердечные».

Каким же оружием наш Господь и Мессия воспользуется, чтобы победить в битве и убить врага? Словом Божиим! И хотя мечом его называют лишь символически, я считаю, что действие его описано буквально. Слово Божие достаточно сильно и остро, чтобы убить врагов, буквально разорвав их на части.

* * *

Рэйфорда охватило нетерпение. Он повернулся, чтобы посмотреть на Петру, где приветственные крики и аплодисменты заглушили речь Хаима, который, похоже, закончил говорить. На самой вершине окруженного крепостью города стояли последние Божьи люди, которые медленно отворачивались от Хаима, чтобы посмотреть на небо, а потом на врагов, стоявших внизу.

С такого расстояния люди казались не больше пылинок, но их было так много, что Рэйфорд понял, что они берутся за руки.

Он услышал строки гимнов, исполняемых огромных хором — сначала тихие, потом — все громче. Сначала они спели «Пою могучую силу Божию», потом — «Наш Бог — непреступная твердыня».

Когда они перешли к «Аллилуйе», Рэйфорду захотелось встать и присоединиться к ним. А когда со склона донесся припев «Ибо Господь Бог всемогущий правит», ему показалось, что он сейчас сбросит кожу, как змея.

В этот момент Чань, похоже, сумел все же взломать кодированный канал потентата, и переговоры с треском ворвались в левый наушник Рэйфорда. Одним ухом он слышал величественные напевы «Аллилуйи», а другим — Антихриста.

Николае был недоволен.

— Едем! Эти глупцы поют! — Он несколько раз выругался. — Они поют пред лицом собственной смерти!

Караван тронулся; свет креста отражался от поднятых столбов пыли.

— Доставьте меня к самому высокому и близкому к Петре месту, — приказал Николае, — а артиллерия пусть остановится чуть дальше, где угол будет оптимальным. Я буду стоять на крыше машины, чтобы меня увидели все: мои войска воодушевятся, а враги увидят, кто навлек на них гибель.

Услышав, куда собирается Карпати, Рэйфорд снова взглянул вверх по склону, где сотни тысяч людей раскачивались, пели и смотрели вниз. Огромный крест освещал

весь холм, словно показывая врагу место, где его ждал Сам Бог.

Рэйфорду было интересно, бояться и сомневаются ли до сих пор жители Петры. Он сам, к счастью, ничего уже не боялся. Он уже зашел слишком далеко. Его гордыня и леность стоили ему жены и сына во время Восхищения. Он считал себя ответственным за то, что его собственная дочь так же скептически относилась к верующим людям и, следуя его примеру, дразнила Бога.

И хотя он был невыразимо благодарен за то, что он сам и Хлоя спасены, мученическая смерть дочери и ее мужа стала лишь кульминацией трагедии, разыгравшейся из-за того, что он не сразу осознал истину. Столько друзей и любимых пережили страдания за эти семь лет. Новые друзья, старые друзья, новая жена, духовные наставники, сограждане получали раны, умирали, подвергались пыткам за свою веру.

Но Бог был верен Своему Слову. Все пророчества исполнились. Несомненно, кто-то и сейчас думал, почему Господь задерживается и есть ли смысл в том, чтобы позволить Антихристу подойти так близко к границе города-убежища, но Рэйфорд просто доверял ему. У Бога были Свои планы, Свои пути, Своя стратегия. Только когда Рэйфорд перестал сомневаться в Боге, он наконец сумел смириться с непонятными, иногда сводящими с ума путями Господними, которые, как утверждало Писание, «не наши пути».

Кое-что по-прежнему оставалось непонятным, и он знал, что поймет все лишь после того, как встретится лицом к лицу с Иисусом.

Кавалькада зла проехала в нескольких ярдах от Рэйфорда. Он резко нажал на газ и пристроился позади Карпати, но впереди артиллерийских установок. Какой-то генерал попытался жестом заставить его свернуть. Рэйфорд улыбнулся и помахал в ответ. Генерал взял у адъютанта пистолет и выставил его в окно. Рэйфорд подмигнул, и он открыл огонь.

Генерал побледнел, когда пули, выпущенные в упор, пролетели прямо сквозь Рэйфорда.

— Не стрелять! — закричал Карпати. — Игнорировать любого врага вне стен города!

* * *

Абдулла внимательно изучал свою карту, медленно пробираясь по узким улочкам сквозь толпу, пока не нашел место, где должна была быть жена Джорджа Себастьяна Присцилла вместе с дочерью Бет Энн и внуком Рэйфорда Кенни Брюсом. Там ему пришлось спросить у нескольких людей, где они, но в конце концов он их нашел.

Присцилла сидела рядом с Бет Энн, держа ее за руку, а другую руку положила на плечо долговязому, спавшему в нелепой позе Кенни.

— Давайте я заберу его, — сказал Абдулла.

— А вы сможете, мистер Смит? Он уже такой тяжелый.

— Иди сюда, большой мальчик, — проговорил Абдулла, взяв Кенни на руки. Осторожно положив его голову себе на плечо, Абдулла стал укачивать его, но, когда попытался присоединиться к общему пению, разбудил мальчика.

— Дядя Смитти, — сказал он.

— Привет, Кенни.

— Иисус идет, — добавил мальчик.

— Да, Он идет, дружище. Он идет.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Наконец настало время, когда Чаню было уже нечего делать. Похоже, они с Зики оказались в одной упряжке. Обоим придется искать новое ремесло, или же в следующую тысячу лет, когда Землей будет править Христос, они не найдут никакой работы.

Чань знал, где все находятся, видел их на своих местах.

Абдулла вернулся в крепость.

Хаим и старейшины стояли вместе с людьми, ожидая и наблюдая.

Ханна и Лия закрыли пустой лазарет и вышли на улицу, как и Лайонел с Мин — в здании Общества тоже наконец-то погас свет.

Мак был в воздухе, Рэйфорд — на земле, а Себастьян, Отто, Рейзор и Ри именно сейчас въезжали в Петру, чтобы присоединиться к своим людям и призвать своих солдат сделать то же самое.

Чань транслировал переговоры врага Маку и Рэйфорду и сам тоже надел один на-ушник, чтобы оставаться в курсе дела. Он откинулся в кресле и вздохнул, затем быстро встал. Пришло время найти Наоми и выйти на улицу, где сейчас было их место.

— Берешь выходной на весь остаток дня? — спросила она, взяв его за руку, когда Чань нашел ее.

— На всю оставшуюся жизнь, — сказал он.

* * *

Мак приглядывал за машиной Себастьяна и сотнями повстанцев, следовавших за ним в Петру.

— Похоже, они все в безопасности, Рэй, — доложил он. — Все вернулись домой, кроме нас с тобой.

— Хотелось бы мне сейчас быть с Кенни, — сказал Рэйфорд. — Присс сказала, что он уже спрашивал про отца, а все, что она смогла сказать, — что они увидятся завтра.

— Неплохо придумано. Эй, Рэй, старина Ник, похоже, все предусмотрел.

— В смысле?

— Он приказал остальным войскам рассредоточиться и окружить город.

— Я не слышал этого приказа, Мак.

— Наверное, он решил так сделать еще до того, как мы его слышали.

— Похоже, всадники просто мешаются на дороге. Да и кратеры от метеоритов тоже.

— По некоторым дорогам с этой стороны можно вполне подняться. Ты же помнишь — сюда возили туристов на ослах.

— Самолетам собраться над нашей позицией, — услышал Рэйфорд голос Карпати.

— Что он делает, Мак?

— Я посмотрю, но, похоже, он собирает сюда всех, кто есть поблизости.

— Треть общего числа, как и говорится в Библии.

— Он не может не выполнить пророчества, а, Рэй?

Поднимаясь к Петре в составе зловещей процессии, Рэйфорд услышал шум реактивных двигателей.

— Истребители-бомбардировщики?

— Нет, — сказал Мак. — Только истребители, бомбардировщиков нет. Наверное, они все-таки поняли, в чем дело. Что ж, ему придется узнать, что пушки тут тоже не действуют.

Когда «хамви» Карпати добрался до особо крутого подъема, нос машины задрался чуть ли не вертикально вверх.

— Найдите мне место, — сказал он водителю, — где я смогу встать на крышу и видеть и все мои войска, и врагов.

— Думаю, мы почти добрались до нужного места, ваше святейшество.

Рэйфорд отъехал от кавалькады ярдов на двадцать в сторону, чтобы хорошо все

видеть. Он заглушил двигатель и перекинул левую ногу через сиденье, усевшись на нем, как на скамейке.

— Нападай, трус, — прошептал он, надеясь, что после этого Иисус сойдет из рая. «Да, я знаю. Он явится в Свое время».

— Вот это вам нравится, ваше высочество?

Рэйфорд услышал скрип сиденья Карпати, который оглядывался.

— Отлично.

Открылась дверь его машины; одновременно из своих машин высыпали генералы. Один из них придержал дверь Карпати и протянул руку, чтобы помочь потентату забраться на капот. Но Николае не обратил на него внимания. Он запрыгнул на капот, затем на крышу. Машина стояла под таким углом, что он едва не соскользнул. Все же удержав равновесие, он с громким лязгом обнажил меч и поднял его над головой.

— Свет!

Прожектор, установленный на одном из джипов, осветил его ярким лучом, отбросившим стофутовую тень на скалы позади него.

— Верные солдаты Объединенной армии Мирового Сообщества, взгляните на своего верховного главнокомандующего!

Пение в Петре прекратилось, и люди стали смотреть на него.

— Вам оказана величайшая честь — вы служите в самой большой армии, когда-либо существовавшей на Земле! Вас будут вечно восхвалять за победу, которую мы вот-вот

одержим. План непогрешим, наши ресурсы безграничны, а лидер — божествен. Когда мы сокрушим сопротивление, вы оккупируете город и насладитесь трофеями, а я последую к Иерусалиму, чтобы осадить его.

И если действительно существует Бог Авраама, Исаака и Иакова, и если у Него действительно есть Сын, достойный того, чтобы встретиться со мной в бою, я уничтожу и Его! Когда мне сообщат, что все подразделения заняли свои места, будьте готовы начать наступление на Петру по моей команде. Не щадите ни мужчин, ни женщин, ни детей. Победа — моя, говорит вам живой господин и воскресший царь!

С заднего сиденья машины Карпати выбрался Леон Фортунато, по-прежнему одетый в свою невообразимую ризу. С первого раза на капот ему забраться не удалось, но затем, подобрав подол, он все же вскарабкался на машину. Встав на лобовое стекло, он наступил на край ризы, и ему пришлось отойти и попробовать забраться еще раз.

Когда Леон наконец встал на крышу вместе с Карпати, он достал из-под ризы небольшой графин и начал разбрызгивать воду.

— Слава воскрешенному господину! — воскликнул он, затем начал петь: — Слава Карпати, нашему господину и воскресшему царю!

— Леон, что вы делаете?! — ошеломленно спросил Карпати.

— Обращаюсь к поклоняющимся, ваше святейшество.

— Это битва, неужели вам не ясно? Бросьте святую воду!

Леон поклонился, извинился и с грохотом спустился на капот, а затем соскользнул на землю.

— Ах да! — сказал он. — Едва не забыл. Я должен был сказать вам, что все заняли свои места и готовы.

— В машину, Леон.

— Вашей милостью, ваше святейшество.

Как только Леон закрыл дверь, Карпати дважды топнул по крыше. Ничего не произошло. Он топнул еще два раза. По-прежнему ничего.

— Вперед! — закричал он. — Вперед!

— Вы хотите, чтобы я вел машину с вами на крыше, потентат? — удивился водитель. — Я думал, что должен стоять...

— Вперед! Немедленно!

Мотор завелся, и, когда машина практически поползла вверх по стене, Карпати с трудом удалось удержать равновесие.

— В атаку! — крикнул он. — В атаку! В атаку! В атаку!

Рэйфорд увидел, как машина Карпати поднимается все выше, а вокруг засвистели пули из авиационных пушек. Насколько мог видеть Рэйфорд, армия перешла в наступление, а жители Петры молча смотрели на нее со стены, держась за руки.

Звуки осады оглушали. Реактивные двигатели, джипы, автомобили, грузовики, «хаммеры», бронетранспортеры, снаряды, ракеты, огонь из винтовок и пулеметов, пуш-

ки, гранаты, бомбы — все эти звуки слились воедино. Но когда с небес исчез крест, все снова погрузилось во мрак. Он напомнил Рэйфорду о тьме, которая, по рассказам, сошла на Новый Вавилон. Единственным звуком остались щелчки оружия, которое отказалось стрелять. Не осталось ни одного источника света. Больше не светили ни фары, ни спички, ни зажигалки.

— Свет! — завизжал Карпати. Но все по-прежнему осталось погруженным во мрак. — Огонь! — в ярости крикнул он. Тишина. — Нападайте на безбожников врукопашную!

Но солдаты ничего не видели и не знали, друг перед ними или враг. Щелчки постепенно пошли на спад, затем вообще замолчали. Рэйфорд слышал лишь раздраженные крики и ржание тысяч лошадей, ожидавших у подножия холма.

А затем, словно Бог щелкнул небесным выключателем, появился свет.

Впрочем, чтобы описать это сияние, слова «свет» недостаточно. Это был не свет, падающий сверху, который отбрасывал тени. Сияние заполнило все трещины и проемы. Рэйфорд попытался прикрыть глаза руками, но это не помогло — свет исходил отовсюду.

Объединенная армия погрузилась в хаос. На равнине лошади вставали на дыбы, ржали и сбрасывали седоков. На склонах холма солдаты рассматривали свое оружие, отказавшееся стрелять. Карпати стоял на крыше своей машины на границе города, и сверху

на него смотрели праведники, державшиеся за руки.

— Теперь вы их видите! Вперед! В атаку! Убейте их!

Но пока его ошеломленные, пораженные солдаты приходили в себя, блестящие разноцветные облака разошлись в стороны и свернулись, словно свиток. Рэйфорд опустился на колени, подняв к небу руки и голову.

Небеса разверзлись, и там на белом коне сидел Иисус Христос, Сын Бога Живаго.

Рэйфорд не мог объяснить, почему видит Спасителя так ясно. Он словно появился всего в нескольких дюймах от Рэйфорда, и тот сразу понял, что все на Земле видят то же самое.

Глаза Иисуса горели уверенностью, и Он высоко поднял величественную голову. Он был одет в мантию до пят, настолько белую, что она казалась раскаленной. По ней шли письмена; некоторая их часть была на языке, не знакомом Рэйфорду, но другие слова он легко понял. На Его мантии было написано имя: ЦАРЬ ЦАРЕЙ И ГОСПОДЬ ГОСПОДСТВУЮЩИХ. На груди Иисуса сияла золотая лента. Его голова и волосы были белыми, как пух, как снег. Его ступни казались отлитыми из латуни.

В Своей деснице Иисус держал семь звезд, лицо Его было как солнце, сияющее в силе своей.

Небесное воинство, облаченное в виссон белый и чистый, последовало за Ним на белых конях.

В свете появился ангел и вскричал громким голосом, созывая всех птиц, летавших посредине неба:

— Летите, собирайтесь на великую вечерю Божию, чтобы пожрать трупы царей, трупы сильных, трупы тысяченачальников, трупы коней и сидящих на них, трупы всех свободных и рабов, и малых и великих.

— Я есмь Альфа и Омега, — сказал Иисус, — Первый и Последний, начало и конец, Вседержитель.

Когда Рэйфорд впервые услышал голос Иисуса, он понял, что Иоанн имел в виду в Откровении, сравнивая его одновременно со звуком трубы и многих вод. Голос пронизал его, достигнув самого сердца. Он слышал голос не ушами — тот словно бы появлялся внутри его и проникал прямо в душу. Рэйфорд был уверен, что все верующие на Земле слышат Иисуса точно так же, в глубине своего существа.

Се был Тот, кто есть и был и грядет, «свидетель верный, первенец из мертвых и потентат царей земных. Это Он возлюбил нас и омыл нас от грехов наших Кровию Своею и соделал нас царями и священниками Богу и Отцу Своему, слава и держава Ему во веки веков, аминь».

И с этими первыми словами десятки тысяч солдат Объединенной армии пали мертвыми прямо на месте, их тела были растерзаны, и из них ручьями струилась кровь.

— Я есмь живой; и был мертв, и се, жив во веки веков, аминь; и имею ключи ада и смерти.

Услышав эти слова, Карпати спрыгнул с машины и забрался внутрь через окно.

— Отступаем! Отступаем! Отступаем! — закричал он, но водитель, похоже, умер. — Леон, ведите машину! Выбросьте отсюда этот труп!

Открылась водительская дверь, и из нее выпало тело. Вскоре машина на полной скорости направилась в пустыню.

— Я есмь Сын Человеческий, Сын Божий, аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия. Аз есмь лев от колена Иудина, корень Давидов, Тот, Кто победил и может раскрыть сию книгу и снять семь печатей ее.

С каждым словом все новые враги Бога падали мертвыми, разорванными на части. Лошади в панике прыгали. Оставшиеся в живых кричали в ужасе и бежали как безумные — некоторым удавалось сбежать, другие падали от слов Господа Христа.

— Я есмь Агнец, который был убит, но жив. Я есмь Пастырь, который водит свою паству на живые источники вод. Я есмь Бог, Который отрет всякую слезу с очей ваших. Я есмь ваше Спасение и Сила. Я есмь Христос, Который пришел за клеветником братьев ваших, клеветавшего на них пред Богом нашим день и ночь, за тем, кто был низвержен.

Трупы солдат Объединенной армии простирались на многие мили вокруг. Те, кто выжил, совершенно сошли с ума; они бежали, ковыляли, ехали прямо по мертвым телам, пытаясь спастись.

— Я есмь Слово Божие. Я есмь Иисус. Я есмь корень и потомок Давида, звезда светлая и утренняя.

* * *

Стоять на коленях и одновременно смотреть вверх было трудно, но Эноху все же это удалось. Все его прихожане сделали то же самое. Он не мог выразить словами свои чувства, даже в тишине собственного сердца и разума. Видеть Иисуса, одетого в белое, верхом на белом коне, говорящего с властью веков, и знать, что Он одновременно убивает врагов в Святой Земле... это было слишком сложно для понимания.

Энох верил, что Иисус любит его душу, и, увидев, как Он вернулся в облаках, поняв, что Он здесь, чтобы основать Свое тысячелетнее царство, Энох почувствовал, как наконец-то стал целым. Псалмист сказал, что как лань желает к потокам воды, так душа желает к Богу. Энох понял, что его желание исполнилось. Его Спаситель пришел.

Он практически не замечал, что соседи в ужасе повыбегали из домов, крича что-то друг другу. Свет ослепил их, и они бегали, некоторые даже сели в машины и помчались вниз по улице. Энох знал, что в завтрашних новостях — если они будут — расскажут, как сотни тысяч людей, работавших на правителя этого мира, та-

инственным образом погибли во время небесного явления.

А сам правитель этого мира сейчас бежал, спасая свою жизнь.

* * *

Всеохватный, всепроникающий свет, засиявший перед тем, как разверзлись небеса, окончательно разбудил Кенни Брюса, и Абдулла быстро повернул его лицом к небу. Когда явился Иисус, Абдулла неуклюже опустился на колени, стараясь не уронить мальчика.

— Я тоже, дядя Смитти, — сказал Кенни. И он тоже встал на колени и сначала переплел пальцы, словно собираясь молиться, затем потянулся к Иисусу.

— Господь мой и Бог мой, — сказал Абдулла, и Кенни повторил за ним.

— Иисус! — закричал Кенни, встал и помахал рукой. — Иисус!

* * *

Рэйфорд встал на сиденье квадроцикла, пытаясь смотреть одновременно на Господа в небесах и на солдат Объединенной армии, пытавшихся найти укрытие на песчаной равнине. Но бежать было некуда, спрятаться

негде. Слов Иисуса, разносившихся по всей земле, невозможно избежать. Его нельзя проигнорировать.

Что-то в появлении Иисуса так глубоко поразило Рэйфорда, что он даже обрадовался, что рядом никого нет. Он не смог бы произнести ни слова. Невозможно было найти слов, чтобы описать волнение, очарование, невероятное совершенство этого момента. Иисус стал кульминацией всей его жизни — не только с тех пор, как он исцелился. Рэйфорд понял, что именно Иисуса искала его душа с тех самых пор, как он достаточно вырос, чтобы думать и рассуждать. Иисус был источником и целью всей жизни.

Рэйфорд знал, что где-то позади Иисуса, в небесном воинстве святых, одетых в белое, стоят его жена и сын и что его дочь, вторая жена и многие друзья и любимые скоро присоединятся к ним. Так прекрасны будут эти встречи, но даже самую мысль о них затмевала его всецелая преданность Иисусу.

Прислужники Мирового Сообщества бежали, оставляя клубы пыли длиной во многие мили, а Иисус продолжал говорить, и враги Бога умирали.

— Я могу всегда спасать проходящих чрез Меня к Отцу! Я всегда жив, чтобы ходатайствовать за них. Я прихожу свыше и есть выше всех. Все предано мне Отцем Моим. Он все покорил под ноги Мои и поставил Меня выше всего. Я есмь якорь вашей души, безопасный и крепкий. Я есмь Господень Христос.

Рэйфорд медленно спускался к пустынной равнине, внимательно следя, чтобы не попасть в кратер от метеорита или не наехать на забрызганные кровью, растерзанные тела мужчин, женщин и лошадей, а Иисус по-прежнему был у него перед глазами — сияющий, удивительный, властный, побеждающий.

А меч, исходящий из уст Его, могучее Слово Божие, продолжал рубить воздух, собирая кровавую жатву последней кары Божьей. Врагу давали шанс за шансом, кару за карой, чтобы наконец убедить его. До этой самой минуты Бог предлагал прощение, примирение, искупление, спасение. Но теперь для всех, за исключением немногочисленных остатков Израиля, которые впервые увидели Того, Кого пронзили, было уже поздно.

— Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают.

Я есмь Посланник и Первосвященник исповедания вашего, Бог, явившийся во плоти, оправдавший Себя в Духе, показавший Себя Ангелам, проповеданный в народах, принятый верою в мире, вознесшийся во славе.

Я есмь Сын, Которого Бог поставил наследником всего, чрез Которого и веки сотворил; будучи сияние славы и образ ипостаси Его и держа все словом силы Своей, совершил Собою очищение грехов ваших, воссел

одесную престола величия на высоте, будучи столько превосходнее Ангелов, сколько славнейшее пред ними наследовал имя.

Рэйфорд видел, как солдаты убивали себя, увидев погибших товарищей. Другие, словно персонажи старых мультфильмов, пытались вырыть ямы в песке и спрятаться в них от пронизывающего света и осуждающих слов Христа.

Карпати обратился по радио к генералам и командирам в середине армии, которая все еще простиралась на многие мили к северу от Петры.

— Подкрепление! Подкрепление! Не жалейте ни расходов, ни техники! Встретимся у Бусейры!

Царственный «хамви», за рулем которого сидел вездесущий Леон, намного обогнал квадроцикл Рэйфорда, но затем нагнал остатки армии, пытавшейся сбежать пешком и верхом. Примерно половина исходной кавалькады следовала за «хамви»; артиллерийские установки остались стоять возле Петры.

Рэйфорд развил приличную скорость, пытаясь все же догнать убегающего потентата и его паникующую свиту, и обернулся, чтобы посмотреть, что происходит с остальной частью Объединенной армии, окружившей Петру. На многие мили вокруг он видел лишь кратеры, перевернутые машины, облака пыли, мертвых и умирающих солдат и лошадей, еще живых бойцов, которые бежали, ковыляли, спотыкались. А над ними парили

огромные стаи хищных птиц, устроив себе настоящий пир из человеческого и лошадиного мяса. Что странно, птицы, которые иначе закрыли бы собой солнечный свет, не отбрасывали тени. Свет Христа проникал через все.

— Как дела наверху, Мак?

— О, Рэй! Я слышу каждое слово, Бог словно сидит рядом со мной в кабине и смотрит мне прямо в глаза.

— Знакомое чувство.

— Послушай, я направляюсь в Бусейру, потому что именно туда направляются все остатки армии. Судя по тому, что я вижу, самые тяжелые потери случились милях в пяти от Петры. Остальная часть трети войск отступает к Бусейре, а еще дальше к северу оставшиеся две трети, практически целые и невредимые, пытаются перегруппироваться.

* * *

Одна из женщин сказала Эноху, не сводя глаз с неба, что «Иисус словно смотрит прямо на меня».

— И на меня тоже, — повторил один, за ним другой.

— Это лишь братство с вашим Спасителем, — тихо произнес Энох, не желая прерывать слова Иисуса. Он решил, что нет ничего удивительного в том, что Христос сверхъестественным образом лично сооб-

щит каждому верующему правду о Своем пришествии, словно Он пришел к каждому по отдельности. Энох когда-то слышал слова древнего святого: «Он любил всех нас так, словно каждый из нас был один на свете».

Иисус сказал:

— Воззритесь на Меня, начальника и совершителя веры вашей, Который, вместо принадлежавшей Мне радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия.

Бог ныне повелевает всем людям повсюду покаяться, ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа. Он подал удостоверение всем, воскресив Меня из мертвых.

Я есмь Иисус Христос, праведник, ваш ходатай пред Отцем. И Я есмь умиловление за грехи ваши, и не только за ваши, но и всего мира. Я есмь Начальник жизни, Которого Бог воскресил из мертвых. Я Слово, ставшее плотию и обитавшее с вами, полное благодати и истины, и вы видели славу Мою, славу как Единородного от Отца.

Я, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной.

Посему, Энох, Бог превознес Меня и дал Мне имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено

небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос во славу Бога Отца.

У Эноха перехватило дыхание. Сидя в сиянии Божьей славы, его Спаситель Иисус обратился к нему по имени.

— Вы слышали это? — проговорил он, и все, кто стоял на коленях вокруг него, разрыдались. — Он сказал мое имя.

— Он сказал мое имя, — возразил молодой парень.

— Он назвал меня по имени, — сказала женщина.

— И меня.

— И меня...

* * *

Рэйфорд стоял посреди поля, усеянного мертвыми телами; его сердце готово было разорваться от любви и обожания к Иисусу, который обращался к нему с небес. Христос назвал его по имени, и, посмотрев на Него, Рэйфорд подумал, что Он, наверное, считал даже волосы у него на голове, что Иисус знает все, что можно знать о нем. Он словно вернулся специально ради Рэйфорда.

— Рэй, это Мак.

— Да, Мак?

— Ты не согласишься, но...

— Я знаю.

— И тебя тоже?

— Я так думаю, что всех, Мак.

— Невероятно.

Даже зная, что то же самое произошло и с другими, Рэйфорд не мог дожидаться, когда Иисус снова скажет его имя. Оно звучало с такой любовью, сочувствием и мудростью, что казалось, никто и никогда больше не сможет произнести его так.

— Рэйфорд... — Вот оно, снова! — ты знаешь благодать Мою, что Я, будучи богат, обнищал ради тебя, дабы ты обогатился Моей нищетою.

— Я знаю, Господи, — прошептал Рэйфорд, по его лицу текли слезы. — Я знаю.

— Я избавил вас от власти тьмы и ввел в Царствие любви Сына Божьего, в Котором вы имеете искупление Кровию Моею и прощение грехов. Я есмь образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари.

Ибо Мною создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое; престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, — все Мной и для Меня создано. И я есмь прежде всего, и все Мною стоит.

Я есмь глава тела Церкви; Я — начаток, первенец из мертвых, дабы имел Я во всем первенство, ибо благоугодно было Отцу, чтобы во Мне обитала всякая полнота и чтобы посредством Меня примирить с Собою все, умиротворив через Меня, Кровию креста Моего, и земное, и небесное.

Рэйфорд стал на колени и воздел вверх руки.

— Мой Господь и Бог мой, я недостойн.

— А тебя, Рэйфорд, бывшего некогда отчужденным и врагом, по расположению к злым делам, Я примирил в теле Плоти Моей, смертью Моей, чтобы представить тебя святым и непорочным и неповинным пред Богом.

— Недостоин, недостоин! — закричал Рэйфорд.

— Оправдан верою, — сказал Иисус. — Оправдан.

* * *

Абдулле казалось, что вся Петра лежит ниц и при этом каким-то образом видит Христа. А когда Спаситель назвал Абдулу по имени, по реакции находившихся вокруг он понял, что Иисус назвал по имени каждого. И что еще невероятнее, Иисус говорил с Абдулой на родном ему арабском.

Кенни закричал:

— Он знает меня!

А Бет Энн обняла Джорджа за шею и воскликнула:

— Он назвал мое имя!

После этого Абдулла услышал, как все стали разговаривать с Иисусом, словно Он говорил с каждым из них поодиночке.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Мак смотрел на иорданский город Бусейру, когда-то называвшийся Восором. Он лежал в тридцати милях к юго-востоку от Мертвого моря и примерно в двадцати милях к северу от Петры. Мак передал Рэйфорду:

— Это отдаленная горная деревенька. Добраться туда будет сложновато.

— Особенно если Господь не хочет, чтобы Объединенная армия спокойно туда добралась.

— А Он не хочет.

— Мак, Хаим вроде бы говорил, что жители Петры должны отправиться вместе с Иисусом в Иерусалим?

— По-моему, да.

— Как мы переправим миллион человек на шестьдесят миль за день? У нас не хватит ни машин, ни самолетов.

— Думается мне, что это не наша проблема, Рэй.

— Но вопрос-то остается.

— Посмотри наверх, братишка. Посмотри наверх. Слушай, ты ведь не собираешься гнаться за Николае до самого Иерусалима на этой маленькой машинке, а?

— Я уже подумал об этом, Мак.

— Я на связи с Чанем и Лайонелом. Я и сам не хочу быть так далеко от происходящего. Может быть, вернуться в Петру и взять «хаммер»?

— Лучше поторопиться. Я не хочу пропустить то, что случится с Восором.

— Ты поведешь, Рэй.

— Ну нет. Ты поведешь.

— Давай позовем Смитти. Он обожает водить машины. К тому же ему наверняка захочется быть с нами.

Когда Рэйфорд поднялся обратно к Петре, Мак уже посадил вертолет и нашел Абдулу. Все трое обнялись.

— Напомните, как это называется, — сказал Абдулла, — когда кто-то говорит очевидные истины?

— Я называю это «говорить очевидные истины», — ответил Мак. — Обычно таким занимаются иорданцы. Ты собирались сказать что-то очевидное, Смитти?

— Да, сэр.

— Ну, давай.

— Это лучший день во всей моей жизни. А в твоей?

* * *

Хаима буквально завалили вопросами. Он хотел уделить внимание каждому, но как это возможно, когда в облаках — Спаситель? Другие люди, конечно, тоже смотрели на Иисуса, но до того, как им удавалось поговорить с Ним лично, они задавали вопросы Хаиму, глядя мимо него в небо.

— Почему святые позади Него одеты в белое? Это символизирует их чистоту?

— Думаю, да, — сказал Хаим. — А еще потому, что они не примут никакого особого участия в войне. Иисус все сделает сам, а битвы — после этой их будет еще три — будут скорее не битвами, а бойнями.

* * *

Рэйфорд скучал по Кенни, но не захотел расстраивать мальчика тем, что придет, а потом очень быстро уйдет. А еще ему хотелось поговорить с Присциллой Себастьян о том, как она собирается не дать детям — своей дочери и его внуку — увидеть ужасы, творящиеся за стеной. Абдулла заверил его, что с Кенни сейчас все в порядке — он, как и все, очарован Иисусом, — а у Присциллы действительно есть какой-то план.

Жители Петры уже не стояли на своих местах — они медленно шли, запрокинув

головы к небу но, тем не менее интуитивно находили дорогу к выходу. Они знали, что Иисус не только избавит их от нападения Антихриста, но и вернет их обратно в родную страну, в родной город — Град Господень, Иерусалим.

* * *

— Мы свободны? — спросил кто-то у Эноха.

— Думаю, да, — ответил тот. — Господь никак не позволит силам Антихриста убить нас за то, что у нас нет метки верности, раз уж Он здесь и будет править народами. Даже нашими.

— Как Бог сделает это, если Он далеко?

— Не знаю, — сказал Энох. — Но после сегодняшнего дня я просто в это верю, а вы?

— О том, что Иисус будет править народами, есть в Библии?

— Да. В Откровении 12: 5 говорится: «И родила она младенца мужеского пола, которому надлежит пасти все народы жезлом железным; и восхищено было дитя ее к Богу и престолу Его». Это Иисус. Он теперь здесь. И, судя по «жезлу железному», он вряд ли позволит кому-нибудь делать глупости.

— Да, я слышал.

— Тогда, как мне кажется, мы можем спокойно жить и передвигаться без страха, — сказал Энох.

— Я не сразу перестану бояться, но это мне нравится.

* * *

Единственным недостатком того, что «хаммер» вел Абдулла, стало то, что Рэйфорду пришлось долго спорить с Маком, кто поедет на переднем сиденье. Он сразу вспомнил колледж, когда ему приходилось спорить с собратями-студентами, кто займет лучшее место, причем иногда за целые сутки до самой поездки. Тогда его можно было назвать кем угодно, но не верующим. Если бы кто-нибудь предсказал, где Рэйфорд будет через тридцать лет, в красках описав всю сцену, то он бы рассмеялся «пророку» в лицо.

Тесный, компактный «хаммер» выехал из города под внимательным управлением Абдуллы. Десятки тысяч паломников заполнили улицы и каменные лестницы; они шли, держась за руки, пели, молились, восхваляли Господа и смотрели на Иисуса в небе.

— Должно быть, именно так выглядел Исход, — сказал Абдулла.

Мак громко рассмеялся.

— Ну, знаешь, — добавил Абдулла, — первый Исход. Когда дети Израилевы покинули Египет.

— Я знаю, что такое Исход, Смитти! — воскликнул Мак. — Думаешь, тогда люди тоже были счастливы?

— Ну, наверное, нет. Да и опять же у них были дети старше семи лет, верно?

Когда они наконец выбрались из Петры, Рэйфорд оказался впечатлен: Абдулле удалось находить на дороге участки, где он разгонял машину до шестидесяти миль в час. В основном ему приходилось осторожно объезжать камни, ухабы и метеоритные кратеры, а также трупы лошадей и солдат. Но у него была миссия — добраться до Восора вскоре после того, как туда же приедет Карпати. А судя по тому, где застрял конвой бывшего потентата, Абдулла мог и вовсе обогнать его.

Милях в четырех от Петры, оставив за собой большое облако пыли, все трое опустили оконные стекла и посмотрели в небо, где Иисус снова заговорил:

— Непременно соберу всего тебя, Иаков, непременно соединю остатки Израиля, совоюплю их воедино, как овец в Восоре, как стадо в овечьем загоне; зашумят они от многотолудства.

Я — стенорушитель, и Я пойду перед вами; вы сокрушите преграды, войдете сквозь ворота и выйдете ими. Я, Царь ваш, пойду перед вами. Я, Господь ваш, пойду во главе.

— Он поведет людей в Восор, — сказал Абдулла.

— Опять говоришь очевидные истины, Смитти, — заметил Мак.

Но через несколько минут Рэйфорд и остальные поняли замысел Иисуса.

— Оглянитесь, — сказал Абдулла.

Абдулла вел машину совсем медленно, осторожно объезжая многочисленные пре-

пятствия, но за ними все равно следовало огромное облако пыли.

— Что это? — спросил Мак.

— Даже не представляю, — встревожено произнес Рэйфорд. Что-то догоняло их. Что-то огромное и злое.

Через несколько секунд Абдулла выехал на ровную дорогу и выжал газ. Вскоре «хаммер» уже несся со скоростью больше семидесяти миль в час. Но огромное облако пыли все равно догнало и обогнало их, и все трое быстро закрыли окна. Земля дрожала, от ветра машина затряслась.

— Это люди! — кричал Рэйфорд. — Остатки Израиля!

— Они следуют за Господом! — сказал Мак. — Бегут быстрее, чем мы едем!

— Только посмотрите на них! Улыбаются, смеются, поют! Даже маленькие дети!

— Нам и машина не понадобилась бы! — воскликнул Абдулла.

— И опять очевидная истина! — рассмеялся Мак.

* * *

Ханна Пейлмун предложила отряду Скорби держаться вместе на пути в Восор. Она боялась, что после того, как они покинут Петру и снова встретятся с любимыми, им уже никогда не удастся побыть вместе так, как раньше. Никто не знал, сколько времени займет дорога, а она предположила, что день

их ждет очень длинный. Повсюду вокруг люди спрашивали, как они доберутся до Иерусалима, если даже Восор очень далеко — слишком далеко, чтобы дойти пешком.

Ей было все равно. Все началось весело, люди были полны благодарности, смотря на Иисуса и видя, как Он смотрит на них в ответ — на каждого. Рядом была Лия, Себастьяны с дочерью и Кенни. Держась в середине огромной толпы, дети не видели уродливого зрелища в пустыне, к тому же они все равно смотрели в основном на Иисуса. Еще с ними были Рейзор и Лайонел, Чань и Наоми, Зики и семья Ву.

Ханна не знала, кому пришла в голову идея пойти быстрее, но их внезапно подтолкнула сзади смеющаяся, улыбающаяся толпа. Они пошли так быстро, как только могли, потом побежали — сначала ленивой трусцой, потом все быстрее и быстрее. Ханна чувствовала себя легкой, как воздух, и ей даже казалось, что она летит над землей, хотя на самом деле она бежала по земле.

К ее изумлению, она совершенно не выдыхалась. Силы не покидали ее, как и всех остальных — и старых, и молодых. Джордж Себастьян впереди нее бежал еще быстрее, а ведь он нес на руках Бет Энн! Присцилла не отставала, хотя держала на руках Кенни.

Когда толпа догнала и обогнала несущийся по пустыне «хаммер», Ханна поняла, что они бегут с чудесной, сверхъестественной, сверхчеловеческой скоростью. А дети про-

сили, чтобы их опустили на землю, тоже позволили бежать. Она обогнала Себастьянов, когда те притормозили, чтобы спустить детей с рук, но через несколько минут они обогнали ее снова, причем дети бежали так же быстро, как и взрослые.

* * *

Через полчаса вся миллионная толпа обогнала «хаммер» и приблизилась к Восору. Когда Абдулла подъехал к узкому ущелью, ведущему к горной деревне, туда как раз в полном беспорядке входила Объединенная армия. Солдаты выглядели так, словно заранее проиграли.

От техники и оружия осталась лишь малая часть, но Рэйфорд удивился тому, сколько солдат выжили. Несколько сотен лошадей тоже еще не умерли. Ему даже стало интересно, доберется ли хоть кто-нибудь из первоначальной трети войска Карпати до своих товарищей на севере.

Видеть, как все жители Петры снова собрались вместе, было очень странно. Абдулла объехал огромную толпу с краю. Господь и Его белое небесное воинство парили над ними, и, несмотря на долгую пробежку, все выглядели свежими и чистыми. Никто даже не дышал тяжело. «И это хорошо», — подумал Рэйфорд. Всем еще предстояло путешествие вдвое дольше.

— Интересно, где старина Ник на этот раз? — сказал Мак. — Мы уже давно от него ничего не слышали.

— Если бы на его месте был я, — ответил Абдулла, — я бы оставил эту битву кому-нибудь другому.

— И я бы тоже, — согласился Мак. — Нигде его не вижу.

Рэйфорд попросил Абдуллу заехать на высокую вершину к северо-востоку от города. Оттуда они видели и жителей Петры, и равнину, на которой ровным строем расположились несколько сотен тысяч солдат, готовых к новому бою. Рэйфорд глянул на горизонт в бинокль, а вскоре начали поступать радиопередачи от генералов Карпати.

— Жду вашего приказа, ваше святейшество.

Голос был усталым и печальным.

Кто-то прочистил горло.

— А южные отряды?

Голос Карпати.

— Готовы, верховный потентат.

Рэйфорд услышал нотки сарказма.

— Готовы, ваше святейшество. Можно узнать, где вы находитесь?

— Для чего?

— Чтобы случайно не выстрелить по своим, о великий.

— Вам достаточно будет знать, что я со своим кабинетом министров нахожусь к северо-западу от вас.

Вот вам и видимость, и вдохновение. Похоже, Николае отлично понял, как близок

был к тому, чтобы стать пищей для стервятников у Петры. «Прямо за вами, ребята» — именно такую стратегию он, наверное, избрал для этой стычки. Но это будет не просто стычка.

— Похоже, здесь все население Петры, — передал один из генералов.

— Если вы обращаетесь ко мне, — сказал Карпати, — не забывайте использовать подобающие титулы.

— Я обращаюсь к тем, кто важен для этой операции, сэр.

— Ваш верховный главнокомандующий всегда важен, генерал, и вам лучше хорошенько запом...

— Я запомню, что, когда это началось, вы прятались на северо-западе, вдали от боя.

— Назовите себя, безбожник!

— К вам обращаются с фронта, и верховному главнокомандующему этого должно быть достаточно.

— Разногласия на самом верху! — ликовавал Мак. — Что может быть лучше?

— Нам лучше выступать, ваше святейшество, — вмешался другой генерал. — Не стоит давать противнику время изучить нас.

— Они безоружны! — возразил Карпати. — Это будет просто легкой прогулкой!

— В Петре они тоже были безоружны, командир, — сказал первый генерал. — Вы не забыли, что их верховный главнокомандующий по-прежнему над нами? Вам не интересно, как они так быстро добрались сюда?

— В атаку! — закричал Карпати.

И то, что осталось от южной трети Объединенной армии, медленно двинулось к Восору.

Рэйфорду операция казалась полнейшим самоубийством. Как только войска Мирового Сообщества приблизились к остаткам Израиля на расстояние выстрела, солдаты выпустили сразу весь свой арсенал. Он не мог представить стрельбы оглушительнее, но пули, гранаты, ракеты и мины падали среди людей, не причиняя никакого вреда. Миллионы и миллионы патронов и снарядов продолжали вылетать из всех орудий; армия постепенно наступала.

Но слова Господни, ясные и простые, перекрыли весь шум.

— Приступите, народы, слушайте и внимайте, племена! Да слышит земля и все, что наполняет ее, вселенная и все рождающееся в ней! Ибо гнев Господа на все народы и ярость Его на все воинство их. Он предал их заклятию, отдал их на заклятие.

Рэйфорд смотрел в бинокль, как солдаты и лошади взрывались на месте. Слова Господни, казалось, вскипятили их кровь, которая вырвалась через вены и кожу.

— И убитые их будут разбросаны, и от трупов их поднимется смрад, и горы размокнут от крови их. И истлеет все небесное воинство; и небеса свернутся, как свиток книжный; и все воинство их падет, как спадает лист с виноградной лозы и как увядший лист — со смоковницы.

Десятки тысяч пехотинцев бросили оружие, обхватили головы и грудь, упали на коле-

ни и стали извиваться в муках, а их тела терзали невидимые лезвия. Их внутренности вываливались на землю, а когда те, кто остались живы, повернулись, чтобы бежать, то тоже погибли; их кровь слилась большими лужами под неумолимым сиянием славы Христовой.

— Ибо упился меч Мой на небесах: вот, для суда исходит он на Эдом и на народ, преданный Мною закланию.

Меч Господа наполнится кровью, утучнеет от тука: ибо жертва у Господа в Восоре и большое заклание в земле Эдома.

И упьется земля их кровью, и прах их утучнеет от тука.

Армия Антихриста превратилась в жертвенных животных для заклания Господня.

Карпати закричал:

— Достаньте мне самолет, вертолет — что угодно! Доставьте меня на север! Сейчас! Немедленно!

Иисус сказал:

— Ибо день мщения у Господа, год возмездия за Сион.

— Откуда прилетят за Карпати? — спросил Рэйфорд.

— Из Аш-Шаубака, — ответил Абдулла.

— Точно, Смитти, — сказал Мак. — Это твой родной город?

— Нет. Я из Аммана, ты же знаешь.

— Конечно, знаю. Вроде как раз в Аш-Шаубаке собрались на сафари все сановники, попивая ликеры и наблюдая, как Николае одерживает победу?

— Да, именно там, — сказал Абдулла. — Хотелось бы мне сейчас видеть их лица.

— Гляньте-ка туда. — Рэйфорд кивком показал на юго-восток. В северо-западном направлении, вдоль уничтоженной армии, неся реактивный вертолет.

Рэйфорд снова поднял бинокль и осмотрелся.

— Вон они, — наконец сказал он. — Большой старый «хамви» стоит один-одинешенек. Похоже, Карпати не рискнет даже вылезти оттуда без необходимости.

— Его армия погибла, — сказал Мак. — По крайней мере, эта ее часть. Больше никто не стреляет.

Наступила мертвая тишина. Рэйфорд увидел, как вертолет сел в нескольких ярдах от машины Карпати. Оттуда выбрались только он сам и Леон. Леон, держа подол ризы в районе поясницы, побежал так быстро, как мог. Николае, похоже, зацепился огромными ножами, вылезая из «хамви», и ему пришлось сильно дернуть за них, чтобы освободиться. Он бросился к вертолету, обогнал Леона и локтями оттолкнул его, чтобы сесть первым.

Как только Леона затащили на борт, вертолет взлетел и направился к северу. Рэйфорд посмотрел влево и вправо, но не увидел среди останков Объединенной армии никакого движения. Тела простирались на мили вокруг, а песок был красным от крови.

— О, посмотрите на это, — сказал Рэйфорд, поспешно открыл дверь и выскочил из машины.

Мак и Абдулла вместе с ним забрались на крышу «хаммера» и увидели, как Иисус сошел с небес. Его конь грациозно коснулся земли к западу от Восора, и на глазах у всех жителей Петры Иисус спешил. Небесное воинство осталось футах в ста над Ним, следуя за Ним вдоль поля битвы. Кровь врагов окрашивала подол Его мантии красным.

Святые над Ним стали хором задавать вопросы, на которые Он отвечал для всей Земли.

— Кто, — начали они, — это идет от Эдома, в червленых ризах от Восора, столь величественный в Своей одежде, выступающий в полноте силы Своей?

И Господь сказал:

— Я — изрекающий правду, сильный, чтобы спастись.

— Отчего же одеяние Твое красно и ризы у тебя, как у топтавшего в точиле?

— Я топтал точило один, и из народов никого не было со Мною; и Я топтал их во гневе Моем и попирал их в ярости Моей; кровь их брызгала на ризы Мои, и Я запятнал все одеяние Свое.

Ибо день мщения — в сердце Моем, и год Моих искупленных настал.

Я смотрел, и не было помощника; дивился, что не было поддерживающего; но помогла Мне мышца Моя, и ярость Моя — она поддержала меня.

И поправ я народы во гневе Моем, и сокрушил их в ярости Моей, и вылил на землю кровь их.

И тысячи воинов на лошадях, паривших над Ним в небесах, восхвалили Его в один голос:

— Вспомянем милости Господни и славу Господню за все, что Господь даровал нам, и великую благость к дому Израилеву, какую оказал Он ему по милосердию Своему и по множеству щедрот Своих.

И Иисус сказал:

— Подлинно они народ Мой, дети, которые не солгут. И стал я для них Спасителем.

С этими словами Он повернулся к толпе, смотревшей на Него из Восора.

— Когда вы увидите Иерусалим, окруженный войсками, тогда знайте, что приблизилось запустение его: тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы; и кто в городе, выходи из него; и кто в окрестностях, не входи в него.

Потому что это дни отмщения, да исполнится все написанное... Восклонитесь и поднимите головы ваши, потому что приближается избавление ваше.

* * *

— Как вы думаете, что сейчас происходит, брат Энох?

Энох не был уверен, но немного себе представлял. В Иллинойсе и повсюду на Земле, вне зависимости от времени суток, было светло, как в полдень, и нигде не было тени.

Слава Господня сияла на весь мир. Но Иисуса в небе уже видно не было.

— Увидим ли мы Его снова? Или же придется все-таки для этого поехать туда?

— Я верю, что мы увидим Его снова, — сказал Энох. — Даже сегодня. Он, скорее всего, сражается в одной из битв, предваряющих падение Иерусалима и Его избавление евреев, живущих в нем. Но в пророчествах говорится, что, когда Он спасет Иерусалим и взойдет на Масличную гору, все глаза увидят Его. Очевидно, и мы тоже.

— Но уже скоро, например, завтра, нам все-таки придется поехать туда, верно?

— Я очень этого хочу, — сказал Энох. — Но поездка выйдет недешевой.

— Ну, можно посмотреть и с другой стороны: у нас тысяча лет, чтобы собрать деньги.

— Не хочу ждать так долго.

— Я тоже. Может быть, откроем автомойку?

* * *

— Езжайте на запад от Мертвого моря и на юг от Иерусалима, — сказал Рэйфорд Абдулле. Он устроился на заднем сиденье «хаммера», пустив вперед Мака. — Карпати недоволен, Мак. Ты слышал?

— Да, — ответил Мак. — Думаю, он ждет, что две трети армии, оставшиеся на севере,

будут готовы к бою. Но, по-моему, они готовы сорваться и бежать.

— Он может понести большие потери и все равно остаться с приличным войском. Он пытается организовать их, чтобы перебить евреев в Иерусалиме.

— Но Иисус не даст им зайти так далеко, верно?

— На самом деле даст, — сказал Рэйфорд. — Немалой их части. Но много солдат погибнет между этим местом и долиной Мегиддо. Если я прочитал все верно, а Цион и Хаим правы, то дальше случится именно это.

Они следовали за Иисусом, теперь ехавшим верхом по земле; Его армия по-прежнему парила над ним, а жители Петры бежали позади. Они снова преодолели за час больше семидесяти миль, и всю дорогу Иисус говорил с ними, словно с каждым отдельно.

— Я есмь Царь, грядущий во имя Господне, — сказал он. — Я есмь Ходатай нового завета. Я Сам вознес грехи ваши телом Своим на древо, дабы вы, избавившись от грехов, жили для правды — ранами Моими вы исцелились.

Я есмь хлеб Божий, Тот, Который сходит с небес и дает жизнь миру. Посему празднуйте не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины.

Мною создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли — все

Мною и для Меня создано. Я пришел исполнить волю Божию. Я пришел в мир, чтобы спасти грешных, не для того, чтобы Мне служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих.

Рэйфорда в последние семь лет учили, что Слово Божие быстро, сильно и острее любого обоюдоострого меча. Кроме того, Слово никогда не пропадает втуне. Сейчас же, когда Искупитель прожигал этим словом его сердце и душу, ему казалось, что он полон до краев и вот-вот лопнет.

Какая честь — слышать Слово Божие *от* самого Слова Божия! Рэйфорд с друзьями ехал по пустынной земле, слыша то же, что и все остальные в мире, но он знал, что каждый принимает услышанное так, словно это сказано лишь ему. Сам Рэйфорд думал именно так. А когда он почти забыл об этом, Иисус обратился к нему по имени.

— Рэйфорд, Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего. Я ничего не творю Сам от Себя, если не увижу Отца творящего: ибо что творит Он, то и Сын творит также. Я есмь камень, который отвергли строители и который соделался главою угла, быв утвержден на основании Апостолов и пророков.

— Господи, я преклоняюсь перед Тобой, — прошептал Рэйфорд и услышал, что Мак тоже молится. Абдулла вел машину, по лицу его струились слезы.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Рэйфорд не мог не улыбнуться. Он видел южный фронт оставшихся двух третей Антихристовой армии, но солдаты выглядели не более организованными и готовыми к бою, чем трупы, оставшиеся в Эдоме. Наверное, именно поэтому Карпати нигде не было видно; судя по передам, которые удалось перехватить, он летел еще дальше на север, в центр своей армии в Мегиддо.

И Цион Бен-Иегуда, и Хаим Розенцвейг несколько лет объясняли Рэйфорду, что из всех пророческих стихов в Писании труднее всего понять и упорядочить последние четыре битвы между Иисусом и армией Армагеддона.

— Лучше всего нам будет следовать за Иисусом, — сказал Рэйфорд.

— Замечательная проповедь, наверное, даже лучшая из всех, что я слышал, — пошутил Мак.

— Эти битвы случатся там, где должны случиться, и я точно знаю только одно — кто победит.

— Ну, — сказал Абдулла, — я знаю немного побольше.

Мак удивленно взглянул на Абдуллу.

— Что-что, Смитти? Расскажи подробнее.

— Я учился.

— Чему?

— В основном — географии. Самостоятельно.

— Это может быть опасно.

— Но я нашел много интересных вещей.

— Хочу их услышать, Абдулла, — сказал Рэйфорд.

Мак покачал головой и откинулся в кресле.

— Ну вот, начинается.

— Мне стало очень любопытно, — продолжил Абдулла, — почему в истории говорится о том, что она закончится в Армагеддоне. Что такое, собственно, Армагеддон? У этого места много имен, и оно занимает немалую площадь.

— Да тебе надо было идти в профессора, Смитти, — сказал Мак.

— Тише, Мак. Рассказывай дальше, Абдулла.

— Вы оба пилоты, и вы наверняка не раз видели горные цепи, которые тянутся по Палестине.

— Да, недалеко от берега Средиземного моря.

— Вы знаете о месте, где горы внезапно становятся гораздо ниже, не превышая ста футов?

— Это там, где горы соединяются с северными холмами Галилеи?

— Именно. Это Изреельская долина.

— Я всегда думал, что это Ездрелонская долина, или как там оно произносится, — сказал Мак.

— Очень хорошо, Мак, — ответил Абдулла. — Ставлю тебе пятерку. «Изреель» — это еврейское название долины, а «Ездрелон» — греческое.

— Ну, хорошо. Ты действительно много выучил.

— Это еще не все. Некоторые люди называют ее долиной Мегиддо — по городу, расположенному к западу от нее. И именно отсюда происходит слово «Армагеддон».

— Откуда? — удивился Мак. — Я что-то совсем потерялся.

— «Армагеддон» происходит от еврейского «хар Мегиддо», что значит «гора Мегиддо».

— Вот это исследование.

— Эксперты утверждают, что при Мегиддо произошло больше войн, чем в любом другом месте мира, из-за ее стратегического положения. Тринадцать битв только к концу первого века. Говорят даже, что Мегиддо строили двадцать пять раз и двадцать пять раз разрушали.

— Где-то здесь ведь еще и родной город Иисуса? Назарет?

— На северной стороне долины, — сказал Абдулла. — Представьте, какво Ему будет сражаться с целой армией так недалеко от дома.

Их «хаммер» практически игнорировали — лишнее свидетельство о неуверенности Объединенной армии. Вся армия следила взглядами за Иисусом, настороженно рассматривая Его и праведников, следовавших за Ним. Судя по скорости, с которой распространяются слухи на поле боя, эти солдаты, несомненно, знали о бойне в Эдоме.

Рэйфорд посоветовал Абдулле держаться от армии подальше. Он, конечно, был совершенно уверен, что они неуязвимы, но вызывать огонь на себя все равно не стоило.

— Я, наверное, пожалею, что задам этот вопрос, Смитти, — сказал Мак, — но что ты еще знаешь о Мегиддо и всем прочем, кроме названий? Ну, что в ней на самом деле такого стратегического?

Рэйфорда повеселило, с каким усердием Абдулла взялся за объяснения. Мак удивился еще сильнее Рэя. Абдулле нечасто приходилось учить старших, но, похоже, освоил он это отлично.

— Это идеальная историческая сцена, — сказал Абдулла. — Гора Мегиддо на самом деле — просто небольшой холм. В течение многих веков именно там находился стратегически важный проход — международная большая дорога, которая вела с востока до самого Египта.

В последние несколько месяцев, как вы знаете, вражеские армии сливались в одну. Те, что пришли с запада, из возрожденной Римской империи, приземлились в Хайфе и сразу отправились в долину Мегиддо.

Армии с востока пересекли высохший Евфрат и пришли в ту же долину. Это отличное место для подготовки к бою. Армии с севера прошли мимо горы Хермон в Израиль, остановившись в Изреельской долине у горы Мегиддо.

— Да, теперь стало яснее, — сказал Мак. — По-моему, в тебе умер замечательный учитель.

* * *

Хаим не мог не улыбаться. Цион Бен-Иегуда, сначала — его протеже, потом — наставник, когда-то сказал ему, что пророчества — это история, написанная заранее. И сейчас, когда ему уже за семьдесят, он *проживает* эту историю.

С тех пор как Иисус появился в облаках, манна больше не падала. Хаим знал, что ему и другим смертным рано или поздно придется поесть, но он был уверен, что все остальные чувствуют голод не больше его самого. С ними был Хлеб Живой.

Хаим словно сбросил лет пятьдесят. Он знал, что выглядит точно так же, но не чувствовал усталости и боли. Он не страдал от

серьезных недугов, нуждавшихся в исцелении, но если Рэйфорд оказался цел и невредим, несмотря на свои раны, если лазарет закрылся буквально сразу, то было вполне логично, что и самого Хаима избавили от разрушительного действия возраста.

Его впечатлило уже то, что он смог сам выйти пешком из Петры и направиться к Восору. Но когда Хаим сначала торопливо пошел, потом побежал, потом чуть ли не полетел над землей, он сразу понял, что делает это не самостоятельно. Он не уставал, не чувствовал никакой боли в суставах. Если бы все его внимание не было уделено Спасителю, он бы даже попробовал поиграть в любимую игру детства — футбол. «Представляю, как это выглядит — старик резвится с маленькими детьми», — подумал он.

Когда жители Петры последовали за Господом и Его армией на север, к Иерусалиму, Хаима наполнила вполне уместная гордость и благодарность. За эти три с половиной года под его ответственность попали сотни тысяч человек, многих из которых он даже не встречал, не то что был знаком с ними, он все равно чувствовал ответственность за них и любовь к ним. Бог был верен Своему слову, кормил их, давал им воду, защищал.

Что будет дальше? Они пойдут с Иисусом на битву при Армагеддоне или же направятся к Иерусалиму? Судя по вестям из Святого города, армия Антихриста просто играла с оставшейся горсткой мятежников и могла в

любое время взять штурмом Старый город, довершив падение Иерусалима.

Это, как знал Хаим, было предсказано и произойдет, несмотря даже на присутствие Иисуса. Но затем Он отомстит за поражение и превратит его в победу, и многие оставшиеся евреи тоже примкнут к Его царству.

Больше всего Хаим радовался, когда Иисус говорил. Как Ему удавалось обращаться ко всему земному шару и при этом словно говорить с каждым отдельно, оставалось загадкой. Но это утоляло желание души Хаима лично встретиться со своим Господом. Даже зная, что все остальные слышат те же самые слова, Хаиму казалось, что Иисус каждый раз говорит: «Хаим, подойди сюда. Я должен тебе кое-что сказать». И конечно же, Хаим слышал Его слова на иврите.

* * *

Одно дело — пролетать над Объединенной армией сверху и видеть ее всю целиком. Совсем другое — ехать вдоль массы людей, которая казалась бесконечной. Рэйфорда впечатлило хотя бы то, как удалось экипировать такое огромное войско. Миллионы униформ, единиц оружия, патронов, машин, приборов и прочего — снабжение военной операции было идеальным. С человеческой точки зрения такая армия не могла потер-

петь поражения. Она раздавила бы любого смертного врага на планете.

Но против них стоял один Человек, Сын Бога Живаго. И они потерпели поражение еще до начала боя.

Жители Петры на земле и небесное воинство стали петь хвалы. Но они быстро замолчали, когда Иисус ответил:

— За претерпение смерти увенчан был Я славою и честью, дабы Мне, по благодати Божией, вкусить смерть за всех. Я был Избавителем, пришедшим с Сиона, и Я отвратил нечестие от Иакова. Я был семенем Давидовым, воскресшим из мертвых, Ходатаем нового завета. Я однажды пострадал за грехи, праведник за неправедных, чтобы привести вас к Богу, быв умерщвлен по плоти, но ожив духом.

Удивительно, но, несмотря на то что никакой битвы сейчас не было, тысячи солдат Объединенной армии падали мертвыми от одних только слов Господа, когда Он проходил мимо. Они не сражались, не угрожали, не наступали, даже не двигались. Но они давным-давно приняли решение. Они поклялись в верности богу этого мира, охотно приняли на себя метку Антихриста и преклонили перед ним колени. Не было для них нигде убежища.

Рэйфорд восторгался могучими словами Господина и ужасался кровавым побоищем, происходившим, когда звучали эти слова. Его сердце было полно, но отвести глаза от кровопролития на земле было очень трудно. О, что это предвещало всей армии, ког-

да начнется настоящий бой! Как выжившие мужчины и женщины могли видеть ужасную смерть своих боевых товарищей и после этого еще идти в бой, Рэйфорду было не понять.

— Враги Мои стали подножием ног Моих, — сказал Иисус. — Не с кровью козлов и тельцов, но со Своею Кровию однажды вошел Я во святилище и приобрел вечное искупление. Я есмь Сын Божий, Который пришел, дабы дать вам свет и разум, чтобы вы познали Бога истинного.

Я Хлеб Живый, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дал, есть Плоть Моя, которую Я отдал за жизнь мира. Я есмь Слово, Которое стало плотию и обитало с вами, полное благодати и истины, и вы видели славу Мою, как Единородного от Отца. Ибо во Мне обитает вся полнота Божества телесно.

Рэйфорд, возьми иго Мое на себя и научись от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдешь покой душе своей. Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко.

Каждый раз, когда Иисус произносил его имя, Рэйфорда это трогало, словно впервые. Он окинул взглядом друзей и увидел, что Господь точно так же обратился и к ним. Мак закрыл лицо руками и шептал: «Спасибо Тебе, Иисус». Абдулле, похоже, очень хотелось остановиться и просто поклониться Богу.

* * *

Себастьян бежал, держа за руку Кенни; мальчик потянул его за палец. Он наклонился, чтобы послушать, и Кенни сказал:

— Иисус говорит со мной!

— Я знаю! — ответил Себастьян. — Разве это не здорово?

* * *

— Нам нужна настоящая церковь, брат Энох.

— Отличная идея, — сказал Энох. — Кто нас сейчас остановит?

— Может быть, нам нужно просто найти здание церкви, выставленное для продажи или аренды, и занять его?

— Почему нет?

— А можно будет водрузить на нее крест и называть церковь так, как она должна называться?

— Если Иисус обращается ко всем нам по имени, то я не вижу, почему нет. Всех, кто попытается пойти против церкви, постигнет такая же участь, как Его врагов по всему миру.

— Давайте сделаем это. Мне кажется, церкви сейчас будут появляться повсюду.

* * *

В следующие два часа поездки обстановка сильно изменилась. Чем дальше Рэйфорд, Мак и Абдулла забирались к северу, тем яснее становилось, что Объединенная армия окопалась и приготовилась к битве веков.

Солдаты наверняка знали, какие муки обрушились на их товарищей, но либо воодушевляющие речи Карпати возымели свое действие, либо они успокаивали себя тем, что их вдвое больше, чем та часть армий, которая погибла. Даже после того, как треть армии превратилась в ничто, выжившие две трети оставались огромнейшей армией в истории.

Может быть, они просто не полностью знали или понимали, что происходит. Они видели Иисуса и Его армию, и наверняка где-то в глубине души они задавали себе вопрос, как безоружный, сидящий на лошади враг — пусть на него не действовали силы тяготения, и он мог передвигаться с огромной скоростью, — может противостоять такому огромному войску?

Но Рэйфорд видел организованность, мощь, целеустремленность. Армия готовилась к чему угодно, но не к капитуляции. Но в Писании не было ничего, что свидетельствовало бы, что результат битвы будет иным, нежели в Эдоме.

* * *

Чань был заинтригован: дорога, по которой они отправились из Эдома в Мегиддо, обходила Иерусалим далеко на западе. Господь словно знал, что остаткам Израиля будет интереснее всего узнать о своем родном городе. Может быть, Он хотел, чтобы они узнали, что произошло в Мегиддо?

Чань рассказал Наоми, что очень странно одновременно слышать Христа с небес и Антихриста в наушниках. Иногда ему приходилось снимать наушники. Когда Иисус называл его по имени на китайском языке, у него мурашки бежали по коже. Когда Он звал по имени Наоми, ее глаза расширялись от изумления, и она на несколько минут теряла дар речи. Может быть, придет день, когда они расскажут друг другу, что при этом чувствовали, но сейчас они избегали этой темы. Для Чаня это было слишком личным переживанием, да и для Наоми, скорее всего, тоже.

Не менее странным был и свет, не отбрасывающий тени, который, похоже, исходил от Иисуса. Чань пытался сделать фигурки из теней с помощью рук. Источник света, существовавший везде, — до такого наука еще не додумалась. Люди, которым темнота нравится больше, чем свет, вряд ли полюбят тысячелетнее царство. Пронизывающий, чистый свет Христа легко поможет Ему пасти народы жезлом железным. Для верующих, которые любили Его и любили правду,

Его правление будет чудесной переменной по сравнению с последними семью годами, да и тысячелетиями до этого. Но для людей, которых интересовала лишь личная нажива, которые отвернулись от Бога, правление Иисуса станет очень неприятным.

Чаню было очень приятно разговаривать с Наоми и одновременно бежать на сверхчеловеческой скорости. Им не приходилось кричать, они не задыхались, и, когда не говорил Иисус, говорили они. В основном они говорили о том, каково будет пожениться и воспитывать детей в этом веке. Кто проведет церемонию и придет ли на нее Сам Иисус?

Чань с благоговением слушал слова Иисуса. Все жители Петры замолчали, слушая, поклоняясь своему Спасителю.

— Меня возвысил Бог десницею Своею в Начальника и Спасителя, дабы дать Израилю покаяние и прощение грехов.

Я дал тебе жизнь вечную, Чань, и не погибнешь ты вовек; и никто не похитит тебя из руки Моей. Отец Мой, Который дал Мне тебя, больше всех; и никто не может похитить тебя из руки Отца Моего. Я и Отец — одно.

— Спасибо Тебе, Господи, — сказал Чань. Но Он еще не закончил.

— Мир Мою даю тебе; не так, как мир дает, я даю тебе. Да не смущается сердце твое и да не устрашается.

Чань не мог представить, что когда-нибудь снова испугается.

* * *

Мак попросил, чтобы его выпустили из машины — он захотел добраться до Иерусалима пешком.

— Ты уверен? — спросил Рэйфорд.

— Если только ты не запретишь мне приказом.

— Я не понимаю. В чем смысл?

— Я хочу сам узнать, что там происходит. Я буду держать связь по радио и телефону. И насколько я понимаю, при этом я не пропущу ни одного слова Господа.

— Ты знаешь, что произойдет, Мак. Иерусалим падет, но потом Иисус всех спасет.

— А почему я не могу посмотреть на это из первых рядов?

— Мы вернемся как раз вовремя, чтобы все увидеть.

— А пока вы будете ехать, я сообщу вам все в подробностях.

— Поступай как знаешь.

— Спасибо.

Мак выбрался из «хаммера» и направился к Иерусалиму.

— Что сделает с ним Объединенная армия, если поймает? — спросил Абдулла.

Рэйфорд покачал головой:

— Думаю, ничего у них все равно не получится.

— Но мы же не знаем точно.

— Да, не знаем. Но он знает, как постоять за себя.

— Он безоружен, капитан.

— В некотором роде — да.

Когда Рэйфорд и Абдулла наконец добрались до края долины Мегиддо, то увидели, что Господь и Его свита покинули остатки Израиля примерно на полпути между этим местом и Иерусалимом. Рэйфорд мог лишь предположить, что Иисус хотел, чтобы жители Петры последовали за Ним в Иерусалим, но почему-то не желал, чтобы они видели, что произойдет здесь.

Мак доложил, что огромный батальон Объединенной армии полностью окружил Иерусалим и, похоже, только ждет приказа.

— В армии большие брожения, — сказал он. — Ропот. Голод. Слухи о том, что не будет ни платы, ни подкреплений. Многие рассказывают о том, что произошло на юге.

— Интересно, — ответил Рэйфорд. — Силы там и здесь практически не разделены. Огромная армия простирается непрерывно от Мертвого моря до долины Мегиддо, так что вполне возможно, что бойцы, которых видишь ты, могут выступить сюда, и наоборот.

— Это очень уж большая натяжка, Рэй. Ты думаешь, что эта армия такая же большая, как в начале?

— За исключением тех, кто погиб раньше в Эдоме.

Мак присвистнул.

— Как поживает мой друг Смитти?

— Рад-радешенек. Ему очень нравится слышать голос Иисуса.

— Ну, нам всем нравится. Передай ему привет от Мака.

* * *

Джордж Себастьян встал с остальными бойцами отряда Скорби, когда все остановились на отдых к северу от Иерусалима. Он вспоминал, какой далекий путь проделал от побега в Греции, когда едва не погиб и вынужден был убивать, чтобы выжить.

— Иначе, — сказал он Присцилле, — я бы сейчас махал тебе из-за облаков.

— Мы ведь не знали, во что ввязываемся, верно? — спросила она.

— Нет, совершенно нет.

— Наши солдатские дни закончились? — спросил Рейзор.

Себастьян вздохнул:

— Надеюсь.

— Вы устали? — спросил Рейзор.

— На самом деле — нет. Хотя должен. Не спал весь день и всю ночь, а сейчас, когда повсюду этот свет, я вообще не представляю, сколько времени. А все эти путешествия бегом? Я сейчас должен свалиться с ног и проспать целый месяц, но чувствую только новый прилив сил. Хотелось бы мне увидеть, что случится на севере.

— И мне тоже, — согласился Рейзор. — Я по-прежнему вижу Иисуса и слышу Его.

Не понимаю, почему Его голос звучит так же близко, как раньше. Совершенно так же.

— Наверное, — предположила Присцилла, — это все потому, что мы слышим его сердцем, а не ушами.

Рейзор пожал плечами:

— Наверное. В конце концов, как иначе каждый услышал бы собственное имя?

Все замолчали, когда Господь снова заговорил:

— Бога не видел никто никогда; Я, Единородный Сын, сущий в недре Отчем, явил Его. Я наречен Сыном Всевышнего, и сегодня Господь Бог даст Мне престол Давида, отца Моего.

Внезапно с небес послышался еще один голос, и Себастьян сразу понял, что это Сам Бог.

— Вот Отрок Мой, — сказал Он, — избранный Мой, к Которому благоволит душа Моя. Положу дух Мой на Него, и возвестит народам суд.

Затем Иисус продолжил:

— Закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Меня. Теперь, Джордж, Бог мира, воздвигший из мертвых Меня и сделавший Меня великим Пастырем овец Кровию завета вечного, да усовершенит тебя во всяком добром деле, к исполнению воли Его, произведя в тебе благоутробное Ему. Аминь.

Услышав «Аминь», все люди опустились на колени, молясь и благодаря Бога. Себастьян знал, что каждый снова услышал свое

имя в благословении, произнесенном Иисусом, но от этого оно не стало менее личным.

* * *

Рэйфорд снова забрался на крышу «хаммера», Абдулла стоял прямо за ним. Они смотрели на огромное вражеское войско; тысячи людей разрывало на месте от слов Иисуса, и они умирали, не успев упасть на землю. А битва при Армагеддоне еще даже не началась. Рэйфорд слышал, как Николае Карпати пытается подбодрить и воодушевить свою армию.

Он выкрикивал приказы генералам и командирам.

— Вот наш истинный враг, — говорил он. — Победите Его, и победа будет за нами. Иерусалим не станет препятствием.

Как Николае удавалось держать столько миллионов солдат на одной волне и направлять их в одну сторону, Рэйфорд понять не мог, но он совершил этот подвиг. Он сумел расставить армию широким полумесяцем площадью в сотни квадратных миль, и все они стояли лицом к Иисусу.

Заставит ли он их стрелять по Царю царей? Как он сможет определить, насколько далеко находится Иисус? К тому же, если армии Карпати не могли причинить вреда даже смертным, на что он надеялся здесь?

Прежде чем он успел отдать команду, прежде чем кто-нибудь успел выстрелить,

Иисус снова заговорил. И хотя на это понадобилось лишь несколько минут, потери были неописуемыми.

— Испытайте духов, от Бога ли они, — сказал Он, — ибо много лжепророков появилось в мире. Духа Божия узнавайте так: всякий дух, который исповедует Меня, пришедшего во плоти, есть от Бога; а всякий дух, который не исповедует Меня, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух Антихриста.

Рэйфорд услышал, как Карпати в ярости выкрикивает проклятия.

А Иисус продолжил:

— Восстал царь могущественный, который владычествовал с великой властью и действовал по своей воле. Но царство его разрушится и разделится по четырем ветрам небесным, и не к его потомкам перейдет, и не с тою властью, с какою он владычествовал; ибо раздробится царство его.

Пришло время назначенное. Царь этого мира действовал по своей воле: он противился и превозносился выше всего, называемого Богом или святынею, отверз уста свои для хулы на Бога богов и процветал до сего времени. Но то, что определено, должно быть сделано.

Среди огромной армии творилось столпотворение, десятки тысяч людей кричали от ужаса и боли и умирали на месте. Их кровь выплескивалась из тел огромными волнами, сливаясь в реку, которая быстро превратилась в болото.

— Он не боялся ни истинного Бога, ни божества никакого, — продолжал Иисус; солдаты падали, и кровь все прибывала, — ибо возвеличил себя выше всех их. Но богу крепостей на месте их он воздавал честь, и этого бога, которого не знали отцы его, он чествовал золотом, и серебром, и драгоценными камнями, и разными драгоценностями, и устроил твердую крепость с чужим богом: которые признали его, тем увеличил почести и дал власть над многими, и землю раздал в награду.

Под конец же времени сразился с ним царь южный, и царь северный устремился как буря на него с колесницами, всадниками и многочисленными кораблями, и напал на области, наводнил их и прошел сквозь них.

И вошел он в прекраснейшую из земель, и многие области пострадали; и спаслись от руки его только Эдом, Моав и большая часть сынов Аммоновых.

Рэйфорд посмотрел на Абдуллу:

— Твои познания в географии что-нибудь говорят тебе об этих странах? Нет, я знаю, что Эдом — там, где находится Петра.

— Моав — к северу отсюда, в Иордане, а Аммон — еще севернее.

Иисус продолжал:

— И простер он руку свою на разные страны; не спаслась и земля Египетская. И завладел он сокровищами золота и серебра и разными драгоценностями Египта; Ливийцы и Эфиопляне последовали за ним.

Но слухи с востока и севера встревожили его, и вышел он в величайшей ярости, чтобы

истреблять и губить многих, и раскинул он царские шатры между морем и горою преславного святилища...

— Он имеет в виду Иерусалим, — вставил Абдулла.

— ...но придет он к своему концу, и никто не поможет ему.

Рэйфорду показалось, что все солдаты Объединенной армии, каких он видел, или умирали, или уже умерли, а кровь все прибывала. Миллионы птиц слетелись в долину, чтобы устроить пир на останках.

— Я не пришел к своему концу! — заорал Карпати. — Я возьму Его город возлюбленный и разрушу и город, и Его до основания! Леон, увезите меня отсюда!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

— Смитти, — сказал Рэйфорд, — давай последуем за Карпати и Фортунато.

— Вы серьезно, капитан Стил?

— Они даже не заметят.

— Я просто не понимаю, капитан. Почему Иисус не может поймать их? Он убивает почти всю армию словами, исходящими из Его уст, но позволяет им сбежать. Я знаю, что Он не убьет их, но похоже, что Он играет с ними в какую-то игру.

— Я не богослов, — сказал Рэйфорд, — но, как ты знаешь, у Бога Свое понятие о времени. Все это описано в пророчестве, если угодно, события развиваются по сценарию. Все произойдет так, как должно произойти.

Абдулла направил «хаммер» в сторону долины, за большим военным джипом Карпати, и впервые за время явления Иисуса небо изменилось. Темные, угрожающие об-

лака появились на горизонте и быстро поднялись, заполнив все небо, за исключением тех мест, где скакало небесное воинство во главе с Иисусом.

— Чувствуете? — передал по радио Мак. — Температура упала градусов на десять за минуту!

— Что-то готовится, — произнес Рэйфорд.

— Ты явно недоговариваешь очевидное. Я найду себе укрытие, Рэй.

— Оставайся на связи.

— Не беспокойся.

Рэйфорд и Абдулла закрыли окна машины.

— Мне все равно держаться за Леоном? — спросил Абдулла, кивком указывая далеко вперед на поле смерти, где большой «хамви» набирал скорость, пытаясь найти дорогу в Иерусалим.

— Постарайся хотя бы следить за ним, — сказал Рэйфорд. — Ему трудно придется на этой дороге. Эй, включи отопление.

Абдулла остановился на краю ущелья, отделявшего гору от долины, где лежали тысячи тел. Хотя они уже были мертвы и кровь перестала течь, она, казалось, просачивалась сквозь кожу и быстро заполняла низины.

На ветровом стекле появился иней.

— Я впервые вижу его здесь, — сказал Абдулла. — В Америке видел, но здесь — никогда.

Он включил «дворники», но они лишь размазали кристаллики льда по стеклу.

Рэйфорд нажимал на кнопки, пока ему не удалось включить отопление и подогреть ветрового стекла. Но даже при отоплении, работавшем на полную мощность, холод пробирал до костей. А небо все темнело. Но, что странно, теней на земле так и не появилось. Свет Христа по-прежнему проникал повсюду, кроме черных туч, окружавших Его и Его воинство на конях.

Внезапно с небес послышался голос, громкий и властный, но принадлежавший не Иисусу.

— Совершилось!

Среди туч сверкнула молния, затем послышался раскат грома. А после них пошел град — если его можно так назвать. Не просто кусочки льда, пусть даже размером с мяч для гольфа или бейсбола. Первая глыба, которую увидел Рэйфорд, была размером с хороший обеденный стол и толщиной в полфута. Она приземлилась футах в двадцати ниже «хаммера», углубившись в землю на два фута. Звук от удара был такой, словно бомба разорвалась.

Немногие выжившие солдаты Объединенной армии вели себя как безумцы: рвали на себе волосы, пытались застрелиться, умоляли товарищей убить их. Еще один кусок льда упал прямо на гранатомет, раздавив его. Вскоре стофунтовые ледяные камни стали падать повсюду, раздавливая тела, разбивая грузовики, машины и джипы.

Царственный «хамви» с Леоном за рулем едва увернулся от трех глыб, одна из которых

упала прямо на голову бежавшему адъютанту, вбив его в землю. Гигантские градины падали, не останавливаясь, от них было не скрыться. Бог словно погребал обогрелное кровью поле битвы под толстым слоем льда.

— В Иерусалиме идет такой град? — спросил по радио Рэйфорд.

— Нет. Никакого града. Может быть, пойдет дождь или снег, но пока мы рискуем разве что отморозить себе хвосты.

Выжили очень немногие, но вместо того, чтобы укрыться, прикрыть голову или хотя бы пасть на колени и взмолиться о пощаде, они подняли головы к небу, крича, проклиная Бога, показывая непотребные жесты Иисусу и Его армии. Вскоре и их погреб под собой чудовищный град.

Температура повысилась так же быстро, как до этого упала, тучи едва ли не мгновенно исчезли. Везде снова стало светло, как днем, и, хотя солнце еще так и не взошло с тех пор, как явился Иисус, в пустыне снова наступила жара. Рэйфорд отключил отопление и открыл окна, затем Абдулла снова бросился в погоню за Леоном и Николае.

Лед начал быстро таять, и вода смешалась с потоками крови.

— Остановись здесь, — сказал Рэйфорд.

Кроваво-водяная смесь вскоре поднялась выше, чем шины на «хамви» потентата, и машина застряла в красновато-коричневой грязи. Рэйфорд услышал, как Карпати кричит на Леона, чтобы тот скорее ехал в сторону Иерусалима. Но все пути к отступлению

вскоре отрезала поднимавшаяся грязь. Когда она дошла уже до середины двери, Карпати приказал Леону вылезти и толкать, а сам перебрался на водительское место.

— Но, ваше святейшество, я же утону!

— Вы не утонете. Вы хотите, чтобы ваш царь вылез наружу и толкал?

— Нет, господин, конечно, нет. Но я... я...

Леон открыл дверь, и жидкая грязь полилась в машину.

— Скорее! — закричал Николае. — Закройте дверь!

Леон осторожно ступил в хлюпавшую жидкость и тут же провалился в нее по пояс. Его риза раздулась; феску он предусмотрительно оставил в машине.

— Она ледяная! — заскулил он. — У меня ноги сводит!

— Естественно, она ледяная! В ней лед! Толкайте!

— Она воняет!

— Толкайте!

Леон с трудом обошел машину, периодически теряя почву под ногами. Едва не споткнувшись и не погрузившись с головой, он схватился за бампер, чтобы не упасть. Его риза перепачкалась, руки и лицо побледнели, волосы спутались. Рэйфорд видел, что преподобного бьет крупная дрожь.

Когда Леон встал позади, Карпати, похоже, выжал газ до упора, потому что все, чего ему удалось добиться, — окатить Фортунато потоком грязи и пара. «Хамви» не сдвинулся.

— Попробуйте раскатать машину! — крикнул Леон.

— Вы для этого и вышли! Беритесь за бампер и поднимайте!

— Поднять «хамви»?!

— Раскачайте ее!

Наконец им удалось скоординировать действия — Леон приподнимал и толкал машину, а Карпати то жал на газ, то отпускал его, — и огромный джип наконец сдвинулся. Когда он дернулся вперед, Леон потерял равновесие и покачнулся вперед, погрузившись с головой. Он вынырнул, отплевываясь и пытаясь вытереть лицо.

Николае удалось вывести «хамви» чуть выше, и Леон бросился к пассажирской двери. Но, открыв ее, он обнаружил на сиденье Карпати.

— Я не собираюсь вести машину, Леон! Как это будет выглядеть?

Леон обошел машину спереди и открыл дверь. Прежде чем забраться в машину, он снял свою нелепую ризу через голову и бросил ее в поднимающуюся реку крови. Забравшись внутрь в одном нижнем белье, он заверил Карпати, что на заднем сиденье у него есть другая одежда.

— Оденьтесь немедленно!

«Хамви» трясся и раскачивался, пока Леон натягивал на себя сухую одежду. Решив, что богато отделанная феска не подойдет к новой одежде, он выбросил ее в окно и стал увеличивать скорость, стараясь вы-

браться на сухое место. Кровь уже поднялась больше чем на четыре фута.

* * *

Когда небо прояснилось, а температура повысилась, Мак потерял руки и выбрался из-под ненадежного укрытия из редких деревьев, росших неподалеку от Храмовой горы. На нем не было униформы армии Карпата, но повстанца, похоже, он тоже не напоминал, так что его практически полностью игнорировали. Многие горожане бродили среди тысяч солдат, которые просто сидели и ничего не делали. Некоторые отряды перемещались по прихоти генерала или командира, но всякие бои прекратились. Войска Мирового Сообщества заняли весь Иерусалим, кроме Храмовой горы, которую окружили. Иногда кто-нибудь из генералов выходил с мегафоном и предлагал маленькой группке повстанцев, по-прежнему державшей оборону, сдаться, чтобы избежать неизбежного кровопролития.

Мака позабавило то, что генерал считал, что у повстанцев нет никакого доступа к внешней информации. Он общался с ними и знал, что у них есть радио и даже переносные телевизоры. Они наверняка знают, что произошло в Петре и Восоре, а вскоре, наверное, узнают и исход битвы при Армагеддоне.

Маку казалось странным, что солдаты спокойно сидели, курили и играли в карты, лишь иногда поглядывая на небо, чтобы увидеть, чем там занимается Иисус. Может быть, это тоже произошло из-за ужесточения сердец, но Маку казалось, что, окажись он в подобной ситуации, он понял бы, что его конец близок. Их сверхъестественного врага не смогла остановить даже самая сильная армия в истории. Война практически закончилась.

Но Николае Карпати, великий обманщик, несмотря на то, что не выиграл даже самой малой битвы с момента явления Христа, каким-то образом убедил свои войска, что Иерусалим — это ключ. Если они займут Святой город, то он взойдет на трон, принадлежащий ему по праву, Сын Божий будет побежден и в мире все станет по-прежнему.

Единственное, чем можно было хоть как-то аргументировать эти слова, была нынешняя ситуация в Иерусалиме. То, что повстанцам удавалось еще что-то удерживать, хотя их окружили войска, превосходящие их числом в тысячи раз, выглядело смешно. Но Мак знал, что они воюют на правильной стороне.

* * *

Рэйфорд думал, что сейчас его уже ничего не сможет шокировать. Что может быть сюрреальнее, чем последние несколько часов?

Но, пока Абдулла удерживал приличную, но не слишком далекую дистанцию от «хамви» Карпати, Рэйфорд не мог отвести глаз от исхода последней так называемой битвы. Конечно же, никакой битвы вообще не было. Войско бряцало саблями, потрясало оружием, издавало сильнейший шум. А Иисус убил всех солдат обычными словами.

Конечно, эти слова были словами Божьими, и их действие поражало. Милю за милей Абдулла ехал вдоль кровавой реки шириной в несколько миль и глубиной почти в пять футов. От собранной со всего мира многомиллионной армии Карпати остался от силы миллион. Даже такая армия все равно была огромной, и с человеческой точки зрения у повстанцев не было шанса. Но уничтожение Объединенной армии за такое короткое время должно было дать Карпати понять, что его дни сочтены.

Но, судя по тому, с какой горячностью он говорил с Леоном в машине и с оставшимися войсками по радио, то, что произошло, послужило для него лишь дополнительной мотивацией.

— Наша цель не изменилась, — сказал Карпати, — а задача ясна. Захватить город Отца, уничтожить Его избранный народ и убить Его Сына. Именно это и было нашим предназначением с самого начала. Мы заставили Его напасть на нас и вскоре заманим Его туда, куда нам нужно. Оставайтесь верными, твердыми и бдительными, и будете вознаграждены.

Иисус тем временем повернулся к остаткам Израиля и обратился прямо к ним; Рэйфорд и Абдулла тоже внимательно вслушались.

— Дети! Вы от Бога и победили Антихриста; ибо Тот, Кто в вас, больше того, кто в мире. Он от мира, потому и говорит помирски, и мир слушает его. Вы от Бога; знающий Бога слушает Меня; кто не от Бога, тот не слушает Меня. По сему-то вы узнаете духа истины и духа заблуждения.

Возлюбленные! Будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь. Любовь Божия к вам открылась в том, что Бог послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы вы получили жизнь через Него. В том любовь, что не вы возлюбили Бога, но Он возлюбил вас и послал Меня в умилоствление за грехи ваши.

Рэйфорд! Если так возлюбил тебя Бог, то и ты должен любить других.

Слыша свое имя, Рэйфорд всегда поражался, как и Абдулла, и все остальные. Затем Иисус перешел от наставлений к объяснению, что только что произошло.

— И они собрали их на место, называемое по-еврейски Армагеддон.

Седьмой Ангел вылил чашу свою на воздух: и из храма небесного от престола раздался громкий голос, говорящий: совершилось! И произошли молнии, громы и голоса, и град, величиною в талант, пал с неба на

людей; и хулили люди Бога за язвы от града, потому что язва от него была весьма тяжкая.

И вышел другой Ангел из храма и воскликнул громким голосом ко Мне: пусти серп Твой и пожни, потому что пришло время жатвы; ибо жатва на земле созрела. И поверг Я серп Свой на землю, и земля была пожата.

И другой Ангел вышел из храма, находящегося на небе, также с острым серпом. И иной Ангел, имеющий власть над огнем, вышел от жертвенника и с великим криком воскликнул к имеющему острый серп, говоря: пусти острый серп твой и обрежь гроздь винограда на земле, потому что созрели на нем ягоды.

И поверг Ангел серп свой на землю, и обрезал виноград на земле, и бросил в великое точило гнева Божия. И истоптаны ягоды в точилье за городом, и потекла кровь из точила даже до узд конских, на тысячу шестьсот стадий.

* * *

Жители Петры, полные славы Божией, повернулись и направились к Иерусалиму. Хаим верил, что Господь защитит их, но, что странно, Иисус со Своим воинством ушел вперед. И хотя дети Израилевы по-прежнему двигались со сверхъестественной скоростью, они быстро отстали от Него и вскоре потеряли Его из виду.

Хаим видел, как другие стали беспокойно переглядываться, и ему очень хотелось подбодрить их. Но его место лидера и оратора было уже занято, и он не чувствовал никакого желания вернуть его себе. Его работа окончилась, и он стал просто еще одним из остатков Израиля. Они отправятся туда, куда указал им Бог, и будут надеяться, что Господь защитит их.

* * *

Мак изумился, узнав, что радиоэфир — и, очевидно, телевизионный — до сих пор контролируется Мировым Сообществом. Это, конечно, долго не продлится. Пробираясь по Иерусалиму и пытаясь рассказать Рэйфорду и Абдулле, что они увидят, когда приедут, он слушал репортеров и телеведущих Мирового Сообщества, которые излагали точку зрения Карпати на все происходящее.

Конечно же, никто не упоминал небесное явление, которое можно было хотя бы назвать призраком или трюком врагов, которые пытались кого-то напугать. Как говорится, слона-то мы и не заметили. Мак был более чем уверен, что все на Земле знают, Кто скачет на коне в небесах. Вопрос был лишь в том, что Иисус собирается делать и когда Он это сделает.

Иерусалим был переполнен временными тюрьмами и темницами, где морили голодом

и пытали пленных повстанцев. Корреспонденты МС сообщали об этом с таким ликованием, словно это было главным свидетельством грядущей победы. Один аналитик даже заявил, что повстанцы, считающие, что удерживают Храмовую гору, просто попали в большую тюрьму, которую сами для себя построили, потому что у них нет никакой надежды устоять против Объединенной армии, а бежать им некуда.

Затем Мак понял, что по городу поползли слухи о скором прибытии потентата. Повсюду развернулась кипучая деятельность. В карты уже никто не играл. Никто больше не сидел на месте. Отряды вставали по стойке «смирно», улицы, ведущие к Храмовой горе, приводили в порядок. Каждые несколько минут в новостях передавали свежую цитату главнокомандующего прямо из его автомобиля.

— Пока мы приближаемся к так называемому Вечному городу, — сказал Карпати, — я с удовольствием объявляю вам, что после нашей победы он станет новой столицей Мирового Сообщества. Мой дворец будет снова построен на развалинах храма, разрушение которого — наша первоочередная цель.

Как бы прекрасен ни было Новый Вавилон, но на самом деле я всегда хотел перенести столицу правительства, коммерции и религии в этот город, который так долго столько значил для столь многих. Так что, верные граждане Нового мирового порядка, я верю, что вы с большим удовольствием будете наблюдать, как мы полностью захватим этот

город, как уничтожим последний очаг сопротивления и как лишим могущества Того, Кого враг почитает как единственную причину, по которой они отказались присоединиться к нашему благородному делу.

Того, Кто порхает по небу, цитируя древние сказочные тексты и заставляя подхалимов бездумно бегать за Ним и поклоняться Ему, вскоре ждет конец. Ему не сравниться с восставшим князем мира сего и войском, собравшимся, чтобы противостоять Ему. Я даже могу спокойно изложить наш план, потому что он уже увенчался успехом. Этот город и эти презренные люди когда-то давно были избраны Им, так что мы заставили Его проявить Себя, заявить о Себе, безуспешно попытаться защитить их или показать, какой Он на самом деле лгун и трус. Он либо придет им на помощь, либо они поймут, кто Он на самом деле такой, и откажутся от Него как от самозванца. Или же Он безрассудно выступит против моего несокрушимого войска и меня самого, и мы узнаем раз и навсегда, кто сильнее.

Я, конечно, не жду, что эта кампания затянется; более того, я надеюсь, что это самая последняя битва, в которую я когда-либо вступлю, но я брошу на нее все наши силы. Все мужчины и женщины, находящиеся под моим командованием, все оружие, что есть в нашем распоряжении, — все это будет использовано, чтобы одержать самую значительную и убедительную военную победу в истории.

Я обещаю вам, верные граждане Мирового Сообщества: когда закончится эта битва, ни один враг моего правления и режима не останется на ногах, да, никто не останется в живых. Единственными живыми существами на планете Земля останутся добропорядочные граждане, которые любят мир, гармонию и спокойствие; я предлагаю их с любовью, которую испытываю к вам всем существом.

Я лишь в десяти милях к западу от Иерусалима, и я отпущу свой кабинет министров и генералитет, чтобы они смогли принять участие в этой битве под моим командованием. Верховный преподобный отец карпаттианства, сам Леон Фортунато, будет моим шофером во время триумфального въезда в город. Граждане уже стоят вдоль дороги, приветствуя меня, и я благодарен вам за поддержку.

Мак торопливо добрался до места, где можно будет хорошо рассмотреть «хамви» и кавалькаду военных машин, следовавших за ним. Он расположился на холмике на западной стороне города, откуда было видно марширующую армию, растянувшуюся до самого горизонта. Когда процессия приблизилась к городу, он услышал барабаны и трубы, и, если он не сильно ошибался, даже с такого расстояния царственный «хамви» выглядел ужасно. Рэйфорд рассказал Маку, что машине пришлось выбираться из кровавой реки в долине Мегиддо, но, похоже, никто не предложил потентату помыть ее.

Когда машина приблизилась, подозрения Мака подтвердились. «Хамви» был до самых окон вымазан грязью и кровью. Но жители Иерусалима действительно выстроились по обеим сторонам дороги, приветственно крича, махая руками, хлопая в ладоши, салютуя и бросая цветы. Карпати открыл люк в крыше, встал на переднее сиденье и явился перед всеми, махая обеими руками и посылая воздушные поцелуи.

«Радуйся, пока еще можешь, дружище».

* * *

— Мак, видишь нас? — передал Рэйфорд по кодированному каналу.

— Нет. Вы где?

— В третьем ряду, позади «хамви».

— И никто не обращает внимание?

— Они нас, по-моему, вообще не видят.

— Каков план?

— Когда «хамви» доберется до Яффской дороги, то поедет к Яффским воротам вместе с третьей личного состава. Другие две трети пойдут к югу и к северу, окружая Старый город. Когда все займут свои места, Карпати возглавит прорыв через оккупированные Армянский и Еврейский кварталы к Храмовой горе. Они планируют пробить Западную стену и уничтожить повстанцев.

— Планируют.

— Именно.

* * *

Мак наконец разглядел «хаммер» Рэйфорда и Абдуллы и изумился тому, как органично он вписался в процессию. Когда кавалькада достигла Яффской дороги, Мак побежал в ту сторону, надеясь снова присоединиться к друзьям, когда те отстанут от общей группы.

Радостные толпы все увеличивались с приближением к Старому городу; когда автомобили замедлили ход, их догнал духовой оркестр, исполнявший бравурный марш. Мак вспомнил, как в детстве бывал на парадах в честь Дня памяти павших: отец сажал его на плечи, и «тра-та-та-та» малых барабанов и гулкое буханье больших повергали его в трепет. Тогда, конечно, он не слышал криков «Слава Карпати».

Музыка привела толпу в сильное возбуждение, а армия, следовавшая за оркестром, была такой огромной, что подобной ей точно никогда не видели ни верноподданные Карпати, ни повстанцы. В Старом городе не поместится и малая часть этого войска. Маку стало даже интересно, как Карпати и остальные автомобилисты собираются пробираться по узким мощеным улочкам.

* * *

— Мне тоже это интересно, Мак, — сказал Рэйфорд. — Замечательный фестиваль, а?

- Это смешно!
- Если честно, он мне нравится. Чем больше и громче, тем лучше.
- Не понимаю.
- Чем больше помпы и пафоса, тем сильнее будет унижение.
- Ну, это точно.
- Ты нас уже нашел?
- Иду в вашу сторону. Когда вы отделитесь от остальных?
- Мы не собираемся.
- Не собираетесь? Вы поедете в Старый город вместе с Карпати?
- Почему нет? Попробуй забраться к нам.
- Вряд ли получится.
- Попробуй.

* * *

Маку удалось догнать парад; он никак не мог понять, для чего нужно столько войск. Тех отрядов, что размещались в городе, когда он нашел Бизона, было более чем достаточно, чтобы выполнить задание. Если они не смогли этого сделать, то остальные тем более не помогут.

Фортуна то провел широкий «хамви» через Яффские ворота, и почти сразу стало ясно, что план обречен на провал. Автомобильм было просто не проехать к Западной стене Храмовой горы. Мак слышал в наушниках,

как Карпати пытается вызвать инженеров с тяжелой техникой, чтобы те снесли стены и здания на пути процессии. Когда ему сообщили, что на это понадобится несколько часов, он взорвался; изрыгая ругательства, он громко спрашивал, кто именно назвал его парад через Старый город отличной идеей.

— Бросьте машины на месте! — в конце концов объявил он. — Я возглавляю нападение, сидя верхом.

Мак подобрался достаточно близко, чтобы увидеть, как Карпати глянул на небо. Иисуса там не было, как и Его небесного воинства. Мак подумал, что из-за этого Карпати наверняка нервничает еще сильнее.

Когда Карпати выбрался из «хамви», к нему сразу же подбежали адъютанты. Он разгладил свою кожаную одежду, которая не пострадала, потому что он не выходил из машины во время фиаско при Армагеддоне. Кроме того, Николае снова повесил на пояс свой богато отделанный меч.

Фортунаато, с другой стороны, был одет в простую гражданскую одежду, в которой больше напоминал коммунального работника.

— Доставьте преподобному подходящее убранство и что-нибудь, чтобы отмыть лицо и волосы, — приказал Карпати.

Кто-то убежал и быстро вернулся.

— Самый большой размер, — сказал посыльный, протягивая сложенную одежду и мокрое полотенце Фортунато; тот кинул на него такой взгляд, какой поднял бы из мерт-

вых даже животное, только что сбитое машиной.

— Простите, — прошептал посыльный. — Самый большой размер.

— Можете переодеться в соборе, — сказал Леону кто-то еще, и тот поспешно ушел в сопровождении адъютантов.

Тем временем Карпати окружила толпа генералов, поклонников и прихлебателей, но тот приказал всем разойтись, чтобы не мешать фотографам и телеоператорам.

Когда Леон вернулся в слишком короткой и тесной армейской форме, он больше всего напоминал сержанта Гарсию, который попытался влезть в костюм Зорро. В попытке придать одежде хоть немного «религиозности» он нацепил на себя толстую золотую цепь, с которой свисали цифры 216.

Мак с трудом сохранял серьезность. Он присоединился к Рэйфорду и Абдулле, которые вышли из машины. Несколько человек пристально посмотрели на них, но, к счастью, вопросов никто не задавал. Все трое низко надвинули на лоб кепки, но без черных униформ они никак не смогли бы сойти за бойцов Объединенной армии.

— Может быть, нам разделиться, кэп? — спросил Мак.

— Думаю, да. Смитти, иди на север. Мак — на юг. Встретимся у Восточной стены рядом с Золотыми воротами, когда все закончится.

* * *

Хаима охватило предвкушение, когда остатки Израиля остановились на вершине западного склона холма над Иерусалимом. Отсутствие Иисуса по-прежнему беспокоило, но он понимал, что Господь знает, что делает. Антихрист хвастался, что заманил Сына Божьего в ловушку, хотя Хаиму было совершенно ясно, что произошло прямо противоположное. Карпати, несомненно, читал Библию. Он знал, что все это предсказано. Он даже знал результат. Но все равно он нахально явился туда, куда должен был, и, несмотря на массовую гибель своих войск в трех предыдущих противостояниях, у него хватало наглости верить, что он одержит победу.

Их ожидало невероятное зрелище, и Хаим хотел сказать об этом собравшимся. Он, конечно, никак не мог обратиться ко всем сразу, а посмотрев на тех, кто стоял вокруг, он понял, что ничего говорить не надо. Они тоже смотрели на Иерусалим, ожидая чего-то потрясающего.

Вперед, Царь Иисус!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Рэйфорд стоял достаточно близко к Николае, чтобы услышать его вопрос женщине-генералу:

— Какова численность нашей кавалерии?

Она обратилась к кому-то по радио, затем ответила:

— Ваше святейшество, из более чем миллиона солдат примерно десятая часть — в седле.

— Вызовите столько всадников, сколько понадобится для того, чтобы доставить первую волну к Западной стене, а также прикажите привести преподобному Фортунато и мне подходящих коней.

Через несколько минут улицы заполнились тысячами лошадей; солдаты садились в седло. Карпати прислали высокого, мощного жеребца, почти такого же, на котором он выехал из города к Восору. Когда он за-

брался в седло, обнажив меч, вокруг защелкали объективы камер и забегали телевизионщики.

Он взмахнул клинком над головой, воодушевляя бойцов; те ответили дружным «О-о-о», словно футбольная команда, готовящаяся выйти из раздевалки.

Фортуonato с трудом взобрался на черного коня поменьше и устроился в седле.

— Следуйте за мной к Западной стене, — крикнул Карпати, — и освободите дорогу для тарана и ракетных установок! По моей команде открыть огонь!

Рэйфорд, уже отлично знавший Старый город, переулками направился к Западной стене.

* * *

Мак уже добрался до южного угла Старого города, в нескольких шагах от Мусорных ворот. Абдулла связался с ним по радио и сказал, что нашел хорошее место рядом с крепостью Антония: он там в безопасности, его никто не видит, а у него отличный обзор наступающих захватчиков.

— Я достаточно высоко, чтобы видеть и всю остальную армию, Мак, — сказал он. — Они окружили весь Старый город. Понятно, почему они так уверены в победе — отрезаны все пути к отступлению, на триста шестьдесят градусов.

* * *

Рэйфорд остановился в ста ярдах от Западной стены, достаточно далеко к югу, чтобы спрятаться в кустах. Ему показалось, что он увидел Мака, но в этом он уверен быть не мог. Почти все находившиеся в Старом городе, кроме прессы, были частью атакующей армии, но некоторые мирные граждане забирались на любое высокое место, крича и скандируя ободряющие лозунги, когда в поле зрения попадал Карпати, гордо восседающий на огромном скакуне. Он направил меч к небу, а на голову надел микрофон с наушниками, чтобы вся армия слышала его команды.

— Во славу вашего воскрешенного хозяина и повелителя Земли! — закричал он, переводя коня в галоп.

Лошадь Фортунато шла неспешной иноходью, но для Леона, похоже, достаточно было и этого.

Оркестр шел позади конных, пеших и моторизованных бойцов, громко играя заводную мелодию. Когда Карпати добрался до стены, он свернул на юг; Фортунато последовал за ним.

— Всадники, дайте место орудиям! — крикнул Карпати. — В атаку! Пробейте стену! Захватите Храмовую гору! Уничтожьте повстанцев!

Но когда всадники пришпорили коней, те не отошли в сторону. Они скакали, словно слепые, всхрапывали, ржали, визжали, вста-

вали на дыбы, лягались, наталкивались друг на друга, бежали прямо на стену, сбрасывали седоков.

— Дорогу! — заорал Карпати. — Дорогу!

Всадники, еще державшиеся в седле, спешили и попытались отвести лошадей за поводья, но тут стала растворяться их собственная плоть; у них вытекли глаза и отнялись языки. Рэйфорд смотрел, как скелеты солдат в обвисших униформах падали бесформенными кучами костей, а слепые лошади по-прежнему скакали, ржали и бесновались.

Через несколько секунд та же болезнь поразила и лошадей: их плоть, глаза и языки растворились, оставив лишь жуткие скелеты, которые тут же с грохотом попадали на мостовую.

— Подкрепления! — кричал Карпати. — Вперед! Вперед! Огонь! Огонь! В атаку!

Но всех лошадей и всадников, пытавшихся приблизиться, ждала та же судьба. Сначала слепота и безумие лошадей, потом — растворение плоти солдат и падение костей на землю.

Рэйфорд стоял, изумленно раскрыв рот, но все же заметил, что на лошадей Карпати и Фортунато болезнь не подействовала. Леон соскользнул с коня и опустился на колени, закрыв лицо руками.

— Вставайте, Леон! Вставайте! Мы еще не проиграли! У нас еще миллион солдат, и мы одержим победу!

Но Леон остался на месте, завывая и всхлипывая.

Чувствуя явное отвращение, Николае вывел своего коня к середине стены и глянул поверх груды костей в поисках подкрепления. Он поднял меч и проклял Бога, но тут его внимание привлекло что-то прямо над головой.

Рэйфорд посмотрел наверх и увидел, как в небесах открылся храм Божий, и в нем появился Ковчег Завета. Сверкнули молнии, грянул гром, и земля поколебалась.

Конь Карпати встал на дыбы, Николае с трудом удалось его удержать. Лошадь Фортунато ускакала прочь без седока.

Земля стонала и выгибалась, и город Иерусалим развалился на три части, а огромные расщелины проглотили солдат и сторонников Карпати. Здания и стены остались невредимы, разве что, по словам Абдуллы, зацементированные Восточные ворота, которые были закрыты несколько столетий, распахнулись.

Рэйфорд прижал ладонью один наушник и надел другой, слушая репортажи со всех концов Земли. Землетрясение бушевало по всему миру. Острова исчезали под водой. Горы рушились. Вся поверхность планеты стала ровной, за исключением самого Иерусалима.

И внезапно Сам Господь Иисус снова появился в облаках, и весь мир узрел Его. Он сказал громким голосом:

— Говорите к сердцу Иерусалима и возвещайте ему, что исполнилось время борьбы

его, что за неправды его сделано удовлетворение, ибо он от руки Господней принял вдвое за все грехи свои.

Всякий дол наполнился, и всякая гора и холм понизились, кривизны выпрямились и неровные пути сделались гладкими. Явилась слава Господня, и узрела всякая плоть спасение Божие; ибо уста Господни изрекли это.

Вот наступает день Господень, и разделяют награбленное у тебя среди тебя. И собрал Я все народы на войну против Иерусалима; но остальной народ не был истреблен из города. Я выступил и ополчился против этих народов, как в день брани.

И вот каким поражением Я поразили все народы, которые воевали против Иерусалима: у каждого исчахло тело его, когда они еще стояли на своих ногах, и глаза их истаяли в яминах своих, и языки иссохли во рту у них. Произошло между ними великое смятение от Меня. Было такое же поражение и у лошадей.

Вот, Я сделал Иерусалим чашею иступления для всех окрестных народов, и также для Иуды во время осады Иерусалима. И сделал Я Иерусалим тяжелым камнем для всех племен; все, которые поднимали его, надорвали себя, а собрались против него все народы земли.

Я поразили всякого коня бешенством и всадника его безумием, а на дом Иудин отверз очи Мои; всякого же коня у народов поразили слепотою.

Я защитил жителей Иерусалима, и самый слабый между ними в сей день станет как Давид, а дом Давида будет как Бог, как Ангел Господень перед ними. Я истребил все народы, нападающие на Иерусалим.

За то проклятие поело землю, и несут наказание живущие на ней; за то сожжены обитатели земли, и немного осталось людей.

А посреди земли, между народами, было то же, что бывает при обивании маслин, при обирании винограда, когда кончена уборка.

Дети Израиля призывали Мое имя, и Я ответил им. Я сказал: это Мой народ; и каждый сказал: «Господь — мой Бог».

* * *

Хотя Господь ничего не сказал остаткам Израиля, Хаим почувствовал, как его неудержимо тянет к восточной части Старого города. Миллион человек медленно шли мимо мертвых и умирающих; небольшая часть сил Антихриста все еще оставалась в живых. Они, спотыкаясь, искали укрытие; их, похоже, тоже что-то влекло на восток.

Господь сидел, торжествуя, на Своем белом коне в облаках. Его воинство позади Него смотрело на сокрушительную победу, одержанную над армией, что выступила против Иерусалима.

* * *

Мак нашел Рэйфорда, и они отправились на поиски Абдуллы. Они знали, что с ним все в порядке, потому что поддерживали радиосвязь. Он тоже направлялся к восточной части города.

— Вы, должно быть, видели Николае и Леона, — сказал Рэйфорд.

— Я их видел, — вставил Мак, — когда Леон упал с лошади.

— Николае недавно ускакал галопом туда, откуда пришел. Леон бежал за ним и умолял взять его с собой, но Карпати игнорировал его.

— Все ясно.

Земля все еще двигалась после подземных толчков, и Рэйфорд попытался представить, как это все выглядит из открытого космоса. Больше нет островов. Больше нет гор. Земля почти плоская, с небольшими холмами. Весь Израиль, кроме Иерусалима, сровняло с землей.

Они нашли Абдуллу, который сначала посмотрел куда-то мимо них, потом улыбнулся и покачал головой:

— Я искал двух белых людей, Мак.

* * *

Ханна Пейлмун догнала Хаима, которого окружили люди с вопросами. Она дождалась, когда тот узнает ее, и спросила:

— Как скоро мы снова встретим любимых, которые попали в рай до нас?

— Очень скоро, я надеюсь, — сказал Хаим. — Я тоже хочу увидаться со многими, но сначала хочу посмотреть в лицо Иисусу.

— Что дальше?

— О, я думаю, вы знаете. Сам Господь снова ступит на землю, лишь во второй раз после Своего вознесения. Как вы знаете, Он явился в облаках во время Восхищения, а в этот раз Он ненадолго ступил на землю, когда окрасил Свои одежды кровью в Восоре.

— Враг полностью разбит? — спросила Ханна.

— Это случится скоро, — ответил Хаим. — Очень скоро.

* * *

Иллинойс, и без того плоский, как столешница, почти не пострадал от землетрясения, хотя Энох не сомневался, что все понимают, что произошло. Протяжный низкий гул продолжал звучать в земле, и он слышал предсмертные крики людей, верных Карпати.

После того как его прихожане разошлись по домам, Энох начал переносить мебель наверх. Он был очень рад, что наконец-то можно жить, не пугаясь каждого взгляда в окно. Перед самым началом землетрясения один из немногих патрульных автомобилей миротворцев Мирового Сообщества пронесся по

улице. Сворачивая перед его домом, машина слетела с дороги и врезалась в пожарный гидрант.

Соседи подбежали к машине и попадали в обморок от ужаса, найдя лишь скелеты и одежду на переднем сиденье. Те, кто объявил себя врагом Господа, умирали по всему миру.

Энох попытался созвать свою паству, дозвонившись до многих и пропустив несколько звонков. Никто не пострадал, хотя некоторые дома оказались повреждены. Кое-кто был сильно потрясен, увидев, как прислужники правительства растворялись прямо у них на глазах. Но все с большой охотой говорили о новой церкви — где она будет, когда они проведут в ней первую службу. Многие упоминали и паломничество на Ближний Восток.

— Я не знаю, когда оно состоится, — сказала Эноху одна женщина, — но я обязательно к нему присоединюсь.

Энох напомнил всем, что после землетрясения Иисус ступит на Масличную гору к востоку от Иерусалима и весь мир узрит Его.

— Смотрите вверх.

* * *

— У тебя не пропал учительский настрой, Смитти? — спросил Мак.

— Зависит от того, что именно тебя интересует из того, что я изучал.

— Масличная гора, конечно же.

— О да, это я изучал очень тщательно. Ее видно даже отсюда. Она всего в полумиле от Восточной стены Старого города. Это на самом деле скорее холм, а не гора, как вы видите. Одна из самых знаменитых проповедей Иисуса была произнесена на этой горе. Когда Он вошел в город с триумфом, Он пришел с Масличной горы. И Он возвращался сюда каждый вечер в последнюю неделю перед Распятием, часто молясь в Гефсиманском саду. Здесь же произошло и Вознесение.

— Так что вполне понятно, почему Он направился именно туда.

— Мне — уж точно понятно, — сказал Абдулла.

* * *

Джордж Себастьян никогда не видел ничего подобного. Он сказал Присцилле, что догонит ее, детей и остальных членов отряда Скорби, путешествовавших вместе с остатками Израиля, позже. Отстав, он решил пойти не в обход разрушенного города, а срезать дорогу к Масличной горе прямо через него.

Себастьян был кадровым военным и повидал немало разрушений на многих полях битвы по всему миру. Но он не мог припом-

нить, чтобы уничтожили такой прекрасный город. Что самое странное, было очень трудно понять, кто же все-таки победил.

Себастьяну постоянно сообщали о ходе боевых действий; Бизон, а потом Мак рассказали ему, что город полностью захватила армия Мирового Сообщества. Половину жителей перебили или захватили в плен. Некоторые до сих пор томились в тюрьмах, где их пытали и морили голодом.

Но сейчас, пробираясь по узким улочкам, Джордж увидел, как несколько выживших солдат лениво делят трофеи, а другие перегруппировываются, чтобы напасть на повстанцев, которые попытаются спуститься с Храмовой горы. Еще он заметил кучи костей и одежды на месте врагов, пораженных Господом.

Война еще не закончилась. Иерусалим, прекрасный Град Божий, осквернен и почти разрушен. Удивительно, что Сам Бог не сровнял его с землей вместе с горами и островами по всему миру.

Себастьян на ходу оглядывался по сторонам, направляясь на север, к воротам Ирода, где, как он знал, убили Бизона. Он забрался на стену и посмотрел на Иерусалим сверху. У Карпати оставалось еще около ста тысяч солдат. Повстанцы по-прежнему удерживали Храмовую гору, охраняя недавно открытые Восточные ворота, а не пытались сбежать через них.

Он увидел, как жители Петры медленно идут вдоль Южной стены в сторону Мас-

личной горы, и понял, что ему лучше догнать их — иначе он оставит двух маленьких детей на попечение жены. Конечно, другие помогут ей, но это никак не оправдывает его.

Прежде чем Себастьян успел спуститься со стены, он заметил движение возле Новых ворот в северо-западном углу Старого города. Похоже, пресса окружила Николае, Леона и нескольких оставшихся в живых советников и генералов потентата. Себастьян покачал головой. Он знал, что будет дальше, Карпати тоже наверняка знал. Почему он не убегает?

Некоторые люди никогда не признают поражения, никогда не поймут, что лучше сложить карты и уйти. Николае Карпати, доказавший — словно это нуждалось в доказательстве, — что действительно является Антихристом, являл собой воплощение всех таких людей. В своей гордыне он до сих пор был уверен, что не потерпит поражения.

Он стоял, указывая по сторонам, что-то рассказывая, строя планы, выкрикивая приказы, общаясь с прессой. Себастьян включил радио; его высочество до сих пор пытался доказать гражданам, что в конце концов их ждет победа.

— Этот город станет моим тронem, — сказал Карпати. — Мы сровняем храм с землей и построим там мой дворец, самое величественное здание из когда-либо воздвигнутых. Мы удерживаем там половину врагов, а с другой половиной расправимся, когда придет время.

Мы практически приступили к последнему этапу победоносной войны и вскоре избавимся от досадной помехи в небе.

* * *

Рэйфорд, Мак и Абдулла тоже слушали радио, наблюдая, как огромная толпа людей, в основном — остатки Израиля, движется в сторону Масличной горы. Конечно, дети Божьи знали, что должно произойти, так что держались на почтительном расстоянии. Никто не представлял, сколько времени понадобится Господу, но Он оставался над ними, паря в небесах вместе со Своими всадниками. Вскоре Он снова стал утешать Свой народ:

— Вы приняли Меня как Господа вашего, так и ходите во Мне, будучи укоренены и утверждены во Мне и укреплены в вере, как вы научены, преуспевая в ней с благодарением.

Мой Отец сказал Мне: «Престол Твой, Боже, в век века; жезл царствия Твоего — жезл правоты. Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие, посему помазал Тебя, Боже, Бог твой елеем радости более соучастников Твоих.

Ты основал землю, и небеса — дело рук Твоих; они погибнут, но Ты пребываешь; и все обветшают, как риза, и как одежду свернешь их, и изменятся; но Ты тот же, и лета Твои не кончатся.

И Я, Тот, о Котором это сказал Сам Бог, уверяю вас, дети Мои, что не оставляю вас и не покину вас, так что вы смело скажете: Господь мне помощник, и не убоюсь: что сделает мне человек? Я, Господь ваш Иисус Христос, вчера и сегодня и вовеки Тот же. Итак, братия и сестры святые, участники в небесном звании, уразумейте Меня Посланником и Первосвященником исповедания вашего.

Я был верен Поставившему Меня, как и Моисей во всем доме Его, ибо Я достоин тем большей славы перед Моисеем, чем большую часть имеет по сравнению с домом Бог, Который устроил его, ибо всякий дом устроится кем-либо; а устроивший все есть Бог.

Бог поставил Меня Первосвященником, какой должен быть у вас: святым, непричастным злу, непорочным, отделенным от грешников и превознесенным выше небес, Который не имеет нужды ежедневно, как те первосвященники, приносить жертвы сперва за Свои грехи, потом за грехи народа, ибо Я совершил это однажды, принеся в жертву Себя Самого.

Несмотря на все величественные эпитеты, которыми Иисус называл Себя, Рэйфорд поразился тому, насколько смиренно, скромно и жалостливо звучит Его голос. Он всего лишь говорил правду, напоминая Своим детям, что они любят в Нем. Услышав правду Слова Божьего, исходившего от Слова Живого, Рэйфорд снова опустился на колени

вместе с друзьями и почти всеми евреями из Петры.

Рэйфорд закрыл ладонями лицо и упал ниц, но Иисус продолжал говорить прямо с его сердцем.

— Бог благоволил показать, какое богатство в тайне сей, которая есть Христос в тебе, Рэйфорд, упование славы. Я есмь надежда Израилева, рог спасения в доме Давида, отрока Божьего. Истинно, истинно говорю тебе: прежде нежели был Авраам, Я есмь.

Иисус замолчал. На западе Рэйфорд слышал военный оркестр Объединенной армии Мирового Сообщества. Их исполнение гимна «Слава Карпати» издали казалось неслаженным, и, конечно, оно бледнело в сравнении с молитвами, которые шептал миллион человек, стоя на коленях перед Господом в небесах.

Земля задрожала, когда остатки артиллерии МС вышли на боевую позицию. Карпати казался Рэйфорду жалким и смешным — он так ничего и не понял из событий последних нескольких часов. Небесному воинству противостать невозможно. Орудия войны не причинят никакого вреда ни Иисусу, ни Его людям.

Но Карпати бросил лошадь в галоп; его кожаные одежды скрипели, он обнажил меч. Презренный лжепророк неуклюже скакал за ним, изо всех сил держась за поводья. Жители Петры встали как один, не желая упускать ни мгновения этого зрелища. Рэйфорд посмотрел прямо в лицо Господу и снова вспомнил

библейский образ — «человек на коне белом, и очи у него как пламя огненное».

Глаза Иисуса горели, как у человека, который наконец потерял терпение. Его враг оказался там, где должен был, завлеченный в ловушку, расставленную до сотворения мира. Вот-вот сбудутся древние пророчества, несмотря на то что враг тоже читал их, знал их и видел, как все они по очереди исполняются именно так, как описаны.

В своей извращенной, подражательной славе Карпати, воплощение гордости и эгоизма, в котором жил сам сатана, неся вперёд. Николае крутил мечом над головой, а Фортунато одной рукой пытался сделать странный жест поклонения, а другой — управлять лошадью и удержаться при этом в седле.

Оркестр, возглавлявший процессию, играл все громче и громче, затем по сигналу расступился, пропуская всадников, потом пехотинцев, потом артиллерию и машины на боевые позиции.

Остатки Израиля стояли в нескольких сотнях ярдов к востоку, осажденный Иерусалим был в полумиле к западу, а небесное воинство парило прямо сверху. Иисус прищипорил Своего величественного белого скакуна и поднялся на вершину Масличной горы.

Когда Он спешил, Карпати выкрикнул свою последнюю команду:

— В атаку!

Сто тысяч солдат последовали приказу: всадники на всем скаку открыли огонь, пехотинцы открыли огонь на бегу, артиллерия — на ходу.

А Иисус произнес громким голосом, напоминавшим звук трубы и шум многих вод:

— Я ЕСМЬ СУЩИЙ.

И Масличная гора раскололась на две части с запада на восток; то место, где стоял Иисус, осталось к северу, а южный склон, по которому наступала Объединенная армия, оказался отделен глубокой расщелиной.

Выстрелы, бег, галоп, шум колес — все сразу смолкло. Солдаты с криком падали, их тела разорвало с головы до пят, едва они слышали слова из уст Господних, обращенные к пленникам в Иерусалиме.

— Вы побежите в долину гор Моих, ибо долина гор будет простираться до Асила; и вы побежите, как бежали от землетрясения во дни Озии, царя иудейского; пришел Господь Бог ваш и все святые с Ним.

Послышались крики и песни, словно сам Иерусалим бросился вперед; пленники, сидевшие в тюрьмах, бегом бросились к огромной трещине между двух сторон Масличной горы. Земля продолжала гудеть и трястись, и Рэйфорд в изумлении увидел, как весь город Иерусалим поднялся над землей на триста футов и воссиял, подобно драгоценному камню, над всей землей, разрушенной всемирным землетрясением.

* * *

Мак с трудом поднялся на ноги и схватился за Рэйфорда.

— Видишь их? — спросил он, показав пальцем. — Видишь, как Николае и Леон бегут, пытаясь спастись? А теперь посмотри вон на тот большой дрожащий шар света над ними! Помнишь, как я тебе рассказывал о явлении Люцифера в Конюшнях Соломона? Похоже, это опять он, и он бросил старину Ника!

Мак, Абдулла и Рэйфорд стояли, обняв друг друга за плечи, и рассматривали величественную сцену, раскрывшуюся перед ними. Повстанцы с Храмовой горы и пленники бежали через новую долину; за ними гнались последние жалкие остатки армии МС. Но когда Иисус снова заговорил, солдаты умерли.

— Живые воды потекут из Иерусалима, — сказал Он, — половина их к морю восточному и половина их к морю западному: летом и зимой так будет. И Я, Господь, буду Царем над всею землею. Сегодня Господь един, и имя Его едино.

Вся земля стала как равнина, от Гаваона до Реммона, на юг от Иерусалима. Иерусалим высоко стоит на своем месте и населился от ворот Вениаминовых до места первых ворот, до угловых ворот, и от башни Анамеила до царских точил. И вы, люди, будете жить в нем, и проклятия не будет более, но будет стоять Иерусалим безопасно.

С этими словами Иисус сел верхом на коня, готовясь к последнему триумфальному въезду в Иерусалим. Когда Он в первый раз пришел на Землю, то въехал в город на скромном осле; немногие Его приветствовали, но большинство отвергло. Теперь же Он ехал на величественном белом скакуне, и с каждым новым словом, исходящим из Его уст, остальные враги Бога — кроме сатаны, Антихриста и лжепророка — погибали на месте.

— Пришел день отмщения, и исполнилось все написанное. Поникнут гордые взгляды человека, и высокое людское унижится; и один Господь будет высок в тот день.

И раздались на небе громкие голоса, говорящие:

— Царство мира соделалось царством Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать Он во веки веков.

Благодарим Тебя, Господи Боже Вседержитель, Который еси и был и грядешь, что ты принял силу Твою великую и воцарился. Рассвирепели язычники, и пришел гнев Твой и время судить мертвых и дать возмездие рабам Твоим, пророкам и святым и боящимся имени Твоего, малым и великим, и погубить губивших землю.

Остатки Израиля последовали за Иисусом, воздевая руки к небу, распевая осанну и восхваляя Его. Они замолчали, когда Он снова заговорил:

— Ибо праведно перед Богом — оскорбляющим вас воздать скорбью, а вам, оскор-

бляемым, отрадою вместе с нами. Я совершил
отмщение не познавшим Бога и не покоряю-
щимся Моему благовествованию, которые
подвергнутся наказанию, вечной гибели,
от лица Господа и от славы могущества Его.
Я пришел прославиться во святых Своих и
явиться дивным во всех верующих.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Стоя на коленях во дворике в пригороде Чикаго, Энох плакал, слыша славные, торжествующие слова Христа. Еще он плакал из-за того, что очень хотел быть в Иерусалиме. Он изучал эти стихи много лет и знал, что происходит. Он с нетерпением ждал, когда сможет попасть туда, снова встретиться со своими друзьями из отряда Скорби, узнать во всех подробностях о дне Господа Всемо-
гущего.

Но больше всего, конечно, он хотел увидеться с Иисусом.

* * *

С каждым мгновением Рэйфорду становилось все труднее воспринимать разво-

рачивающиеся перед глазами сверхъестественные события. «Перегрузка чувств», пожалуй, было слишком мягким описанием того, что с ним происходила. Впрочем, ему не приходилось щипать себя, чтобы убедиться, что это не сон. Все было настолько реальным, настолько грандиозным, что даже то, что он посчитал бы небольшими чудесами, заняло свое место рядом с большими и малыми землетрясениями. Например, то, что он до сих пор не чувствовал ни малейшей усталости, хотя уже давно не отдыхал и тем более не спал.

Но когда он вместе с Маком и Абдуллой припарковал «хаммер» рядом со Старым городом и последовал вместе с процессией через недавно открытые Восточные ворота, его ждал новый феномен. Одно дело — следовать за Господом, Царем царей, во время Его последнего триумфального въезда в град Давидов, и совсем другое — увидеть то, что увидеть там совершенно не ожидаешь...

Иерусалим, особенно Старый город, должен был быть полон останками мертвых. Сотни тысяч погибли здесь, многие из них — страшной смертью. Город должен был полниться запахами, кровью и плотью, скелетами солдат и лошадей армии МС.

Но землетрясение, разделившее надвое Масличную гору и поднявшее Вечный город на триста футов, одновременно еще и расчистило улицы. Иисус провел ликующую толпу внутрь Старого города, и парад поющих, танцующих, скандирующих, обни-

мающихся, поющих славу, поклоняющихся, радующихся людей растянулся на несколько миль. Что странно, все стены были разрушены. Никаких больше следов битвы, зубчатых краев от ударов бомб и таранов, неравных высот. Там, где стояли стены, теперь лежали аккуратные кучки раздробленных камней.

Даже Стена Плача исчезла, и Рэйфорд всем сердцем верил, что Иисус заменил ее Собой. И конечно, как только процессия приблизилась к Западной стене, Иисус начал говорить. Хотя в седле Он лишь слегка возвышался над людьми и сидел к ним спиной, Рэйфорд знал, что все слышат его так же хорошо, как и он сам, застрявший где-то на трети пути.

— Един Бог, един и посредник между Богом и человеками, Я, человек Христос Иисус, предавший Себя для искупления всех.

Куда делись все последствия войны? Рэйфорд мог лишь догадываться. Город словно трясло и наклоняло в разные стороны. И хотя здания и другие достопримечательности остались нетронутыми, обломки стен, похоже, завалили улицы и столкнули все растерзанные останки в расщелины, которые останутся заваленными до конца вечности. Град Божий снова очистился и этим, похоже, изумил людей.

Когда Господь достаточно далеко заехал в город на лошади, чтобы туда зашли все, кто следовал за Ним, Он развернулся, а остальные окружили его широким кругом. Позади

всех, словно о них вспомнили в последний момент, парило небесное воинство.

Остатки Израиля не обращали на них внимания, словно на время забыв о них. Рэйфорд хорошо их видел и понимал, что их видят и все остальные. Где-то в глубине души он помнил, что скоро — очень скоро, как он надеялся, — он встретится со своими любимыми. Но, поскольку в центре толпы стоял Иисус, все взгляды были обращены только на Него. Все остальное, приятное или нет, казалось совершенно незначительным.

Когда все наконец остановились, Иисус спешился и простер руки.

— Иерусалим, Иерусалим, — воскликнул он, — избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст. Ибо сказываю вам: не увидите Меня отныне, доколе не воскликнете: благословен Грядый во имя Господне!

Иисус посмотрел на жителей Петры, и Рэйфорд сразу понял, что всем, как и ему, сейчас кажется, что Он смотрит прямо в глаза им одним. Рэйфорд не смог сдержаться. Он глубоко вдохнул и изо всех сил закричал:

— Благословен Грядый во имя Господне!

И все собравшиеся воскликнули то же самое, и на лице Иисуса появилась блаженная улыбка.

* * *

Минь Той Ву держала за руку своего мужа Ри. От всего происходящего у нее ком встал в горле, а сердце едва не разрывалось от счастья. Она слышала все слова Иисуса на родном языке, и ей приходилось напоминать себе, что Иисус говорит так с каждым. Хотя они с Ри стояли далеко, где-то в сотом ряду толпы, она ясно видела Иисуса, даже не приподнимаясь на цыпочки и не расталкивая стоящих впереди.

Внезапно за спиной Иисуса появились пять небесных созданий, трех из которых она узнала: Христофора, ангела с вечным Евангелием, Калева и Наума. То были три ангела милосердия, которые избавили ее от неминуемой смерти, когда она тайно работала на Мировое Сообщество. Именно они сказали ей, что она не умрет до Второго Пришествия Христова.

Других двух ангелов остальные узнали очень быстро: Иисус передал одному из них поводья Своего коня, сказав просто:

— Гавриил.

Другой ангел поставил каменную скамью, и, садясь, Иисус сказал:

— Спасибо, Михаил.

Затем Сын Божий, Создатель небес и земли, Спаситель человечества, посмотрел прямо в глаза Минь и сказал по-китайски:

— Иди ко Мне, дитя Мое.

Минь уставилась на него, словно парализованная. Когда она наконец снова обрела способность двигаться, она показала на себя и переспросила:

— Я?

Иисус словно смотрел в ее душу, сосредоточившись лишь на ней.

— Да, дорогая. Иди ко Мне, Минь.

Она хотела бежать, расталкивая других, и запрыгнуть к Нему на руки. Но все, что она могла делать, — ставить одну ногу перед другой. Она отпустила руку Ри и медленно пошла, заметив, что все люди, весь миллион человек, как один направились к Иисусу.

* * *

Это было ясно как божий день. Ошибки быть не могло: Иисус посмотрел прямо на Рэйфорда, стоявшего далеко в толпе, и выделил его среди всех. Он назвал его по имени и сказал:

— Иди ко Мне, дитя Мое.

Рэйфорд оторвал взгляд от Иисуса и взглянул влево и вправо. И Абдулла, и Мак выглядели шокированными, они тоже смотрели на Иисуса, переспрашивая друг друга, обращается ли Он к ним.

Но Он обращался не к ним, Рэйфорд знал это. Он говорит со мной. Рэйфорд показал на себя обеими руками и поднял брови. И Иисус кивнул. Рэйфорд направился к своему Спа-

сителю. Как такое возможно? Как Иисус мог общаться с каждым отдельно, стоя перед такой огромной толпой? Сколько времени Он сможет уделить каждому человеку? Это же займет месяцы! Как так вышло, что Рэйфорда выбрали первым?

Двигаясь на негнущихся ногах в сторону Иисуса, Рэйфорд все еще отказывался верить в происходящее. Каковы шансы? Какой меркой вообще можно измерить честь посмотреть в глаза вечному Богу вселенной? Он заторопился, и Иисус произнес:

— Приди ко Мне, Рэйфорд, и Я успокою тебя.

Рэйфорд не сводил глаз с Иисуса, ноги несли его вперед, но он внезапно осознал, что происходит вокруг. Он выходил из толпы размером больше миллиона. Пять ангелов стояли на страже позади Учителя. Друзья и семья Рэйфорда увидят его. Что он сделал, чтобы заслужить такую привилегию? Успокоение? Да, он впервые почувствовал, что ему нужен отдых и покой. Усталость от последних нескольких часов накрыла его, и он почувствовал, что уснет при первой же возможности.

Но когда он подошел к Иисусу на расстояние нескольких шагов и увидел Его радостную улыбку, то поразился — Господь был так же рад видеть его, как он — видеть Господа. И его охватил стыд за его грехи. Недостоин. Так недостоин. Он замедлил шаг, почти остановился, боясь, что упадет от позора и унижения.

— Нет, нет, — сказал Иисус, все еще улыбаясь, наклонился и потянулся к нему открытыми шрамами руками.

Когда Рэйфорд увидел это, он чуть не растаял. Он заставил себя идти вперед, но практически не контролировал свои движения, так что боялся споткнуться и упасть Иисусу на руки.

Он встал на колени у ног Иисуса, всхлипывая, вспоминая все грехи и недостатки своей жизни. Иисус обнял его любящими руками и притянул к Своей груди:

— Рэйфорд, Рэйфорд, как Я ждал этого дня и как тосковал по нему!

Рэйфорд потерял дар речи.

— Я знал твоё имя ещё до сотворения мира. Я уготовил тебе место, а если бы Я так не сделал, то сказал бы об этом тебе.

— Но, Господи, я... я...

Иисус взял Рэйфорда за плечи, осторожно отстранил его и взял его лицо в Свои ладони. Он смотрел ему в глаза с расстояния нескольких дюймов, и Рэйфорд с трудом выдерживал Его пронизывающий взгляд.

— Я был с тобой, когда ты родился. Я был с тобой, когда ты думал, что мать тебя бросила. Я был с тобой, когда ты решил, что Я не существую.

— Мне так жаль... Я...

— Я был с тобой, когда ты едва не женился не на той женщине. Я был с тобой, когда твоя жена избрала Меня, а ты — нет.

— Я...

— Я был с тобой, когда ты едва не нарушил свои клятвы. Когда ты едва не погиб, до

того, как узнал Меня. Я был с тобой, когда тебя оставили. И Я ждал, когда ты наконец обратишься ко Мне.

— О, Господи, спасибо Тебе. Я так...

— Я любил тебя вечной любовью. Я — Тот, Кто любит твою душу. Ты создан для того, чтобы быть со Мной вечно, и теперь ты будешь со Мной вечно.

У Рэйфорда было столько вопросов, столько слов, которые он хотел сказать. Но он не мог сказать ничего. Видя лицо Иисуса, он словно возвращался в детство, и он был готов вечно стоять на коленях, как ребенок, позволяя Спасителю любить и утешать его.

Иисус положил одну руку на плечо Рэйфорду, а другую — на макушку.

— Я молюсь Отцу Своему, от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле, да даст Он тебе, по богатству славы Своей, крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верую вселиться Мне в сердце твое, чтобы ты, укорененный и утвержденный в любви, мог постигнуть со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Мою, дабы тебе исполниться всею полнотою Божиею.

А Тому, Кто действующею в нас силою может сделать несравненно больше всего, чего мы просим или о чем помышляем, Тому слава в церкви во все роды, от века до века. Аминь.

Рэйфорд вернулся на свое место, словно по воздуху, и где-то в глубине души осо-

знал, что Иисус одарил такой же любовью и вниманием всех, кто сейчас находится здесь. Он заметил, как Мак и Абдулла тоже возвращаются в толпу, утирая слезы — они тоже были вместе с Учителем. Они снова встали рядом, обнялись и, не стыдясь, вознесли молитвы.

Оглядевшись, Рэйфорд понял по лицам, что лично с Иисусом встретились абсолютно все.

* * *

Спаситель явился Эноху во сне, но встреча была такой реальной, что молодой человек не усомнился в ней ни на секунду. Когда все закончилось, он проснулся, стоя на коленях на полу в комнате, из которой словно только что вышел Иисус. Он вспомнил значительные события в своей жизни, о долгом пути сначала от веры, а потом обратно к ней. Энох снова увидел, как Господь направлял его жизнь Своей рукой, а уж узнать, что Иисус знал его по имени до сотворения мира...

Его телефон зазвонил, и, когда Энох взял трубку, появились сигналы о все новых и новых звонках. Час спустя он уже успел поговорить со всеми своими прихожанами.

— Я все равно хочу отправиться туда, — говорили многие, — но если Иисус будет приходить сюда, то, может быть, это и не обязательно.

* * *

Иисус встал и широко простер руки, и Рэйфорд снова поразился — ему еще никогда так сильно не казалось, что только он один видит и слышит Его, несмотря на то что он стоял в миллионной толпе.

— Умоляю вас, — сказал Он, — поступать достойно званию, в которое вы призваны, со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением, снисходя друг ко другу любовью, стараясь сохранить единство духа в союзе мира.

Не надейтесь на сына человеческого, в котором нет спасения. Выходит дух его, и он возвращается в землю свою: в тот день исчезают все помышления его. Блаженны вы, кому помощник Бог Иаковлев, у кого надежда на Господа Бога его, сотворившего небо и землю, море и все, что в них, вечно хранящего верность, творящего суд обиженным, дающего хлеб алчущим. Господь разрешает узников.

Господь отверзает очи слепым, Господь восстанавливает согбленных, Господь любит праведных. Господь хранит пришельцев, поддерживает сироту и вдову, а путь нечестивых извращает.

Господь будет царствовать вовеки, Бог твой, Сион, в род и род. Аллилуйя.

И Рэйфорд восхвалил Господа вместе со всеми.

Впервые с момента явления Иисуса Рэйфорд увидел, как Он говорит, но не слышал

Его слов. Он советовался с ангелами подле Себя, и это, естественно, привлекло внимание всех собравшихся не меньше, чем Его слова.

Тот, кого Он назвал Гавриилом, вышел вперед.

— Остатки Израиля! — начал он голосом чистым, как хрусталь, и слышным для всех. — И святые времен Скорби! Истинно познаю, что Бог нелицеприятен.

Но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему.

Он послал сынам Израилевым слово, благовествуя мир чрез Иисуса Христа; Сей есть Господь всех. Вы знаете происходившее по всей Иудее, начиная от Галилеи, после крещения, проповеданного Иоанном: как Бог Духом Святым и силою помазал Иисуса из Назарета, и Он ходил, благодворя и исцеляя всех, обладаемых диаволом, потому что Бог был с Ним.

И мы свидетели всего, что сделал Он в стране Иудейской и в Иерусалиме и что наконец Его убили, повесив на древе.

Сего Бог воскресил в третий день, и дал Ему являться не всему народу, но свидетелям, предызбранным от Бога, которые с Ним ели и пили, по воскресении Его из мертвых.

И Он повелел им проповедывать людям и свидетельствовать, что Он есть определенный от Бога Судия живых и мертвых.

О Нем все пророки свидетельствуют, что всякий верующий в Него получит прощение грехов именем Его. Аминь.

Собравшиеся хором повторили: «Аминь». Затем к ним снова обратился Иисус:

— Молитесь же так: Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое.

Спасибо Тебе, что пришло царствие Твое. Стала воля Твоя и на земле, как на небе.

Хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо Твое есть Царство и сила и слава вовеки. Аминь.

Помолившись вместе с Ним, они открыли глаза, и Рэйфорд увидел, что за спиной Иисуса стоят уже четыре ангела. Михаил исчез.

И Иисус сказал:

— Я не один, потому что отец со Мною. Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир.

Иисус возвел очи Свои на небо и сказал:

— Отче! Пришел час, прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя, так как Ты дал Ему власть над всякою плотью, да всему, что Ты дал Ему, даст Он жизнь вечную.

Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и Меня, посланного Тобою.

Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить.

И ныне прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира.

Я не о всем мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне, потому что они Твои. И все Мое

Твое, и Твое Мое; и Я прославился в них. Тех, которых Ты дал Мне, Я сохранил, и никто из них не погиб, кроме сына погибели, да сбудется Писание.

Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла. Освяти их истинною Твоею; слово Твое есть истина.

Отче праведный! И мир Тебя не познал; а Я познал Тебя, и сии познали, что Ты послал Меня. И Я открыл им имя Твое и открою, да любовь, которую Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них.

Гавриил снова вышел вперед:

— Верен Господь, Который утвердит вас и сохранит от лукавого.

* * *

Когда прозвучали слова о лукавом, Мак увидел небольшую суматоху в толпе позади Иисуса; люди, что-то бормоча, расходились, пропуская архангела Михаила. С ним были Николае Карпати в измятом костюме и без меча, усталый и измученный Леон Фортунато в простой ризе и без головного убора, и три зловещих роботизированных двойника Карпати, которых Мак и другие видели по скрытой камере, когда Карпати и Фортунато представляли их десяти царям мира. Это были Астарот, Ваал и Гусеница, три похожих на лягушек демонических существа, которых отправили обманывать народы, убеждая

их собраться в Мегиддо, чтобы сразиться с Сыном Божиим.

Уродливые, белые, как мел, существа приняли человеческую форму и оделись в одинаковые черные костюмы. Они выглядели побежденными, согбенными, словно под грузом собственного зла. Они держались вместе, но отдельно от Карпати и Фортунато; Николае и Леон тоже всячески старались показать, что не имеют друг к другу никакого отношения.

Михаил подвел всех пятерых к Иисусу, и Мака поразило Его выражение лица. Он, конечно, видел праведный гнев, но вместе с тем и разочарование, даже печаль. Не было никакого злорадства.

Жалкая троица взялась за руки и встала на колени перед Иисусом, визгливо всхлипывая. Карпати, всем своим видом демонстрируя неповиновение и скуку, отвернулся от Иисуса и, подбоченившись, встал лицом к жителям Петры. Леон заламывал руки, иногда дотрагиваясь до своего ожерелья с числом 216. Он стоял к Иисусу вполоборота, с виноватым и потрясенным видом, бросая взгляды на Карпати, словно ожидал от того указаний.

Гавриил встал между Иисусом и тремя демонами, нагнулся, чтобы видеть их лица, и сказал громким голосом:

— Исполнилось древнее пророчество из Писания, и вы преклонили колена пред Иисусом Христом, Сыном Бога Живаго, Который, будучи образом Божиим, не почитал хищни-

ем быть равным Богу, но уничтожил Себя Самого, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной.

— Да! — завизжали и зашипели существа. — Да! Мы знаем! Мы знаем!

Они поклонились еще ниже, простирая ниц свои изуродованные тела. Гавриил продолжил:

— Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, таких, как вы, и всякий язык, даже ваш, исповедал, что Господь Иисус Христос во славу Бога Отца.

— Иисус Христос — Господь! — прохрипели они, и Гавриил снова встал позади Иисуса. — Иисус Христос — Господь! Это так! Истинно так! Мы признаём это! Мы признаём Его!

Иисус наклонился вперед, упершись локтями в колени. Три демона уткнулись лицами в землю, не смотря на Него.

— Живу Я, говорит Господь Бог: не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и был жив.

— Мы раскаиваемся! Мы обратимся! Мы обратимся! Мы поклоняемся Тебе, О Иисус, Сын Божий. Ты — Господь!

— Но для вас уже слишком поздно, — сказал Иисус, и Мака снова поразила печаль в его голосе. — Когда-то вы были ангельскими созданиями на небесах с Богом. Но вас низвергли из-за решений, продиктованных

вам гордыней. Вместо того чтобы воспротивиться лукавому, вы решили служить ему.

— Мы ошибались! Ошибались! Мы признаем Тебя Господом!

— Как и Отец Мой, с Кем Я един, Я не хочу смерти грешника, но это суд, и таков ваш приговор.

Три демона завизжали; с их тел слетела одежда, и они взорвались, оставив после себя лишь лужу крови, в которой плавали кожа и чешуя; вскоре их останки охватило пламя, а пепел унесло ветром.

Леон рухнул на землю с такой силой, что его ладони громко шлепнули по камням, а лоб от удара затрепал. Он сорвал с себя ожерелье и отбросил его прочь. Иисус сидел, внимательно смотря на него; Леон встал, снял ризу, отшвырнул ее, затем отбросил пинками и ботинки. Затем он снова лег на землю лицом вниз, одетый лишь в простые брюки, рубашку и носки, вжавшись толстым животом в камни.

— О Господь мой и Бог мой! — взвыл он, всхлипывая. — Я был так слеп, так не прав, так грешен!

— Знаешь ли ты, кто Я? — спросил Иисус. — Кто Я на самом деле?

— Да! Да! Я всегда знал, господи! Ты — Христос, Сын Бога Живаго!

Иисус встал.

— Ты богохульствуешь, говоря словами служителя моего Симона, которого Я благословил, ибо не плоть и кровь открыли ему это, но Отец Мой, Сущий на небесах?

— Нет, Господи! Твой Отец открыл это и мне!

— Я говорю тебе правду, и горе тебе, что ты не открыл этого для себя, пока имел еще для этого время. Вместо этого ты отверг промысел Мой и Моего Отца для мира сего. Ты поставил волю свою против Моей и стал лжепророком, совершив величайший грех, известный под небесами: отверг Меня как единственный Путь к Богу-Отцу и потратил семь лет, обманывая мир.

— Иисус — Господь! Иисус — Господь! Не убивай меня! Прошу Тебя! Пожалуйста!

— Смерть слишком хороша для тебя. Сколько душ навсегда отвращены от Меня из-за тебя и слов, исходивших из уст твоих?

— Простите! Простите меня! Я отрекаюсь от всех деяний сатаны и Антихриста! Я клянусь в вечной верности Тебе!

— Твой приговор — вечность в озере огненном.

— О Боже, нет!

— Молчать! — воскликнул Гавриил.

Леон повернулся и отполз в сторону на несколько футов, где свернулся клубком, рыдая, как младенец.

Иисус снова сел. Николае Карпати, по-прежнему стоявший лицом к толпе, пожал плечами и засунул руки в карманы. Он поднял брови, ухмыляясь; Маку даже стало интересно, что будет дальше. Даже Карпати должен был поклониться и признать, что Иисус — Господь, но в нем не было ни страха, ни тем более смирения.

Михаил подошел к нему с одной стороны, Гавриил — с другой. Михаил схватил его за локоть и развернул, а Гавриил крикнул:

— Встань на колени перед Господом твоим!

Карпати вырвал локоть из руки Михаила и снова подбоченился.

— Люцифер, покинь этого человека! — сказал Иисус.

После этих слов Карпати словно бы уменьшился в размерах. Он снова стал таким, каким Мак увидел его под Храмовой горой, в Конюшнях Соломона. Одежда была ему велика и болталась, как на манекене. Руки и пальцы стали костлявыми. Шея болталась в большом воротнике.

Волосы Николае были редкими и почти бесцветными, а на коже проступили темные вены. Он был бледным, землистым, кожа, казалось, готова была вот-вот отвалиться. Мак снова подумал, что именно так, должно быть, выглядело бы тело Карпати, если бы три с половиной года, прошедшие после его убийства, лежало в могиле.

Николае дрожал, несмотря на жару; медленно, преодолевая боль, он потянулся и набросил плащ на оба плеча, прикрывшись им, словно коконом.

— На колени! — закричал Гавриил, затем вместе с Михаилом вернулся к Иисусу.

Николае слабо кивнул и осторожно, как старик, опустился на одно колено. Мостовая, похоже, оказалась слишком жесткой для него, и он быстро опустил и второе ко-

лено, а затем поспешно подставил руки, чтобы не упасть лицом вниз. Он стоял на четвереньках, слабый, жалкий и болезненный, кожаный плащ безвольно свисал с костлявых плеч.

Мак сопоставил праведность Христа со своей человечностью. Будь он на месте Христа, он не смог бы удержаться и не порадоваться триумфу. Мак спросил бы: «Что, уже не такой сильный, да? Где твой меч? Где армия? Где кабинет министров и региональные потентаты? Что теперь скажете, ваше бессилие?»

Но дело было не в победе, а в правосудии. Иисус сказал:

— Ты по собственной воле стал инструментом в руках самого дьявола.

Николае не протестовал, не молил о пощаде. Он лишь еще ниже опустил голову и кивнул.

— Ты восстал против созданий Божиих и царствия Его. Ты причинил больше страданий, чем кто-либо другой за всю историю. Бог даровал тебе ум, красоту, мудрость и индивидуальность, и у тебя была возможность использовать их во благо пред лицом самых значительных событий в анналах создания.

Но ты воспользовался всеми дарами лишь ради собственной выгоды. Ты привел миллионы к поклонению тебе и твоему отцу, сатане. Ты ловко уничтожал Моих последователей и сделал больше, чтобы обречь души мужчин и женщин на проклятие, чем кто-либо еще в твоё время.

Наконец, твои планы и твое царство рухнули. Скажи теперь, кто я такой?

Пауза казалась бесконечной, тишина — мертвой. Наконец, смиренным, слабым голосом Николае проговорил:

— Ты *есть* Христос, Сын Бога Живаго, который умер за грехи мира и восстал на третий день, как предсказывало Писание.

Иисус протянул к нему руку, и Маку показалось, что Он хочет, чтобы Николае взглянул на Него. Но тот не поднял голову.

— А что ты скажешь о себе и о том, что сделал со своей жизнью?

Карпати опустил голову еще ниже, чем казалось возможным Маку.

— Я признаюсь, — прошептал он, — что моя жизнь прожита зря. Она бесполезна. Ошибочна. Я восстал против Бога вселенной, Который, как я теперь знаю, любит меня.

Иисус покачал головой, и Мак увидел великую печаль на его лице.

— Ты несешь ответственность за судьбы миллиардов. Ты и твой лжепророк, с которым вы проливали кровь невинных — Моих последователей, пророков и Моих служителей, которые верили в Меня, — будете живыми брошены в озеро огненное.

Архангелы Михаил и Гавриил выступили вперед. Михаил поднял с земли лжепророка и заставил встать Антихриста. Он стоял перед Иисусом, словно ожидая указаний; измученный, согбенный Николае Карпати казался глубоким стариком, а Леон Фортунато выглядел ужасно — растрепанные волосы,

красное, залитое слезами лицо, крепко сжатые руки.

Гавриил объявил собравшимся:

— И увидел я зверя и царей земных и воинства их, собранные, чтобы сразиться с Сидящим на коне и с воинством Его.

И схвачен был зверь и с ним лжепророк, производивший чудеса пред ним, которыми он обольстил принявших начертание зверя и поклоняющихся его изображению: оба живые брошены в озеро огненное, горящее серою.

Гавриил отошел; на месте, где он стоял, открылось трехфутовое отверстие, от которого исходил такой зловонный запах серы, что Мак и все остальные в городе зажали носы. Затем свистящий язык синего пламени вырвался из отверстия и поднялся на двадцать футов: единственное сравнение, которое пришло в голову Маку, — чудовищная ацетиленовая горелка. К сере прибавился еще и запах эфира, и передние ряды толпы подались назад.

Даже находясь далеко от основного действия, Мак чувствовал сильнейший жар, исходящий от огненного столба. На Иисуса и пятерых ангелов ни запах, ни жара, похоже, не действовали, но и Карпати, и Фортунато попытались отступить. Михаил крепко держал обоих, по-прежнему глядя на Иисуса.

Господь печально кивнул, и Михаил, не колеблясь, широкими шагами подвел обоих к краю дыры. Фортунато завизжал, как ребенок, и попытался вырваться, но Михаил мо-

гучей рукой столкнул его в отверстие. Прочитания усилились, затем смолкли, когда он упал. Карпати не сопротивлялся. Он лишь прикрыл лицо ладонями, когда его бросили в дыру; его крики разнеслись по всему Иерусалиму, пока он не пал достаточно низко. Отверстие закрылось так же быстро, как и открылось. Зверь и лжепророк более не существовали.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Рэйфорд был поражен, и он не мог даже представить, что чувствуют остальные люди в толпе. Он знал, что все это должно произойти, он знал, что будет дальше, но не представлял себе, что станет этому свидетелем. Он подумал, что Джордж и Присцилла Себастьян, скорее всего, смогли защитить детей от ужасного зрелища, но при этом он и рассчитывал на сверхъестественную силу Самого Иисуса, которая уберезет Кенни.

Ему очень хотелось увидаться с Ирэн, Рэйми, Хлоей и Бизоном и, конечно же, Амандой. Рэйфорд почему-то понимал, что никакой неловкости, с которой произошла бы встреча двух его жен в обычном мире, в новом мире не будет. Все внимание их будет принадлежать Христу и тому, что Он сделал в их жизни.

Но это произойдет позже. Гавриил, архангел-глашатай, снова был готов говорить. И как

только он начал, Рэйфорд почувствовал, что Господь запланировал все именно так — чтобы успокоить разум Своих людей после того, что они только что увидели.

— Иисус есть Свет истинный, — начал Гавриил, — Который просвещает каждого человека, приходящего в мир.

В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал.

Пришел к своим, и свои Его не приняли.

А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились.

И Слово стало плотию, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу как Единородного от Отца. Аминь.

— Аминь! — закричали люди; многие из них утешились.

Никакой еды, никакого отдыха, а сейчас и сесть было негде, кроме как прямо на мостовую — правда, кому захочется упустить хоть что-то из происходящего? Рэйфорду, конечно же, не хотелось. Но он опять-таки не чувствовал ни голода, ни даже усталости, настигшей его по пути к Иисусу. А стояние не причиняло никаких неудобств.

Иисус снова о чем-то посоветовался с небесными созданиями, и Михаил пропал. Неужели большое событие произойдет так быстро, так близко к первому суду? Рэйфорд не мог даже предположить, но пропустить такое ему точно не хотелось.

Гавриил снова заговорил:

— Но сейчас во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далеко, стали близки Кровию Христовою.

Ибо Он есть мир наш и, придя, благовествовал мир вам, дальним и близким, потому что через Него и те и другие имеем доступ к Отцу, в одном духе.

Итак, вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу, быв утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святы́й храм в Господе, на котором и вы устрояетесь в жилище Божие Духом.

Итак, вы, воскресшие со Христом, ищите горнего, где Христос сидел одесную Бога.

О горнем помышляли, а не о земном. Ибо вы умерли, и жизнь ваша была сокрыта со Христом в Боге. Когда же явился Христос, жизнь ваша, тогда и вы явились с Ним во славе.

Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, аки лев рыкающий, ища, кого поглотить. Вы противостояли ему твердою верою, зная, что такие же страдания случились и с братьями вашими в мире. Бог же всякой благодати, призвавший нас в вечную славу Свою во Христе Иисусе, Сам, по кратковременном страдании вашем, совершил вас, утвердил, укрепил, соделал непоколебимыми. Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

— Аминь! — произнесла толпа.

Когда люди начали петь и молиться, Гавриил закончил:

— И увидел я Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей.

Толпа радостно закричала.

— Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет.

Люди подняли руки и закричали очень громко.

— И низверг его в бездну, и заключил его, и положил над ним печать, дабы не прельщал уже народы, доколе не окончится тысяча лет.

Рэйфорд почувствовал в людях тревогу, потому что даже те, кто не слишком усердно изучал пророчества, начали понимать, что произойдет дальше. А когда архангел-воин Михаил внезапно появился вместе с огромным львом, раза в три больше, чем любой настоящий царь зверей, стоявшие в толпе ахнули, вскрикнули и стали обниматься от страха.

Но Гавриил успокоил их:

— Дети! Вы от Бога и победили их; ибо Тот, Кто в вас, больше того, кто в мире.

Рык огромного хищника резал слух Рэйфорду и отражался от близстоящих зданий. Лев пытался достать Михаила лапой и громко рывал, подскакивая и поворачиваясь на задних лапах, покрытых огромными мышцами. Но Михаил держал его крепко. Когда лев попытался снова вырваться и наброситься на

того, кто поймал его, Михаил усилил хватку и едва не свернул шею, что была толщиной со ствол дерева.

Лев неожиданно превратился в гигантскую шипящую змею, которая свилась кольцами вокруг рук и ног и сдавила их, высунув язык между длинными зубами. Михаил быстро свалил ее на землю и зажал рот. После этого существо снова изменило обличье.

Оно выросло, вспухло и покрылось чешуей; у него появились четыре толстые когтистые лапы, хвост, широкая голова на длинной шее, острые уши, рога и огнедышащая пасть, полная клыков. То было самое сложное испытание для Михаила, который достал словно бы из воздуха тяжелую цепь и с трудом, но связал чудовище.

Дракон перевернулся на спину, изрыгая пламя, шипя и плюясь, пытаясь вырваться из пут. Он снова и снова пытался достать ангела хвостом и тряс огромной головой. Михаилу в конце концов удалось набросить петлю на его голову и с силой притянуть ее к туловищу, сковав всякие движения.

Чудовище лежало, фыркая и извиваясь, и каждый знал, что оно может сделать, если освободится. Наконец, оно, похоже, сдалось и расслабилось, но на самом деле это лишь предшествовало его последнему воплощению. Вместо дракона появился еще один ангел, который был ярче, чем архангелы и три ангела милосердия, в том числе Христос-фор, ангел с вечным Евангелием. Но его свет бледнел по сравнению с сиянием Христа, чья слава освещала весь мир.

Существо стояло покорно; цепь соскользнула на землю и лежала большим кольцом. Оно зловеще посмотрело на Михаила, но тот не отступил. Гавриил произнес громким голосом:

— Люцифер, дракон, змий, диавол, сатана, сейчас ты встретишь Того, Кому противостоял с времен незапамятных.

— О нет! — прошипело существо. — Наша последняя встреча, Михаил, произошла над телом Моисея, и ты даже не посмел выдвинуть против меня обвинения, но лишь сказал: «Бог покарает тебя!» Я не отвечаю перед тобой!

— Да, — тихо сказал Иисус; впрочем, Рэйфорд очень четко расслышал Его слово. С властью всех времен Он продолжил: — Но передо Мной ты отвечаешь. Встань на колени у ног Моих.

— Я не сделаю этого!

— Встань на колени.

И он сделал это, сжавшись от гнева.

— Я стал сражаться с тобой вскоре после того, как тебя сотворили, — сказал Иисус.

— Сотворили? Я такое же творение, как и Ты! И кто Ты такой, чтобы иметь хоть что-то против меня?!

— Ты будешь молчать.

Ангел света, как показалось Рэйфорду, попытался встать, но не смог. Потом он попытался заговорить, но лишь покачал головой.

Иисус продолжил:

— Несмотря на всю ложь, что ты появился сам, ты — сотворенное существо.

Ангел отчаянно затряс головой.

— Лишь Бог обладает силой творить, и ты был Нашим творением. Ты находился в Эдеме, в саду Божием, до того, как он стал раем для Адама и Евы. Ты был рабом возвышенным, когда Эдем был прекрасным каменным садом.

Ты был печать совершенства, полнота мудрости и венец красоты. Твои одежды были украшены всякими драгоценными камнями; рубин, топаз и алмаз, хризолит, оникс, яспис, сапфир, карбункул и изумруд и золото — все, искусно усаженное у тебя в гнездышках и нанизанное на тебя, приготовлено было в день сотворения твоего.

Ты был помазанным херувимом, чтобы осенять, и Бог поставил тебя на то; ты был на святой горе Божией; ходил среди огнистых камней. Ты совершенен был в путях твоих со дня сотворения твоего, доколе не нашлось в тебе беззакония.

От обширности торговли твоей внутреннее твое исполнилось неправды, и ты согрешил; и Мы низвергли тебя, как нечистого, с горы Божией, изгнали тебя, херувим осеняющий, из среды огнистых камней. От красоты твоей возгордилось сердце твое, от тщеславия твоего ты погубил мудрость твою; за то Мы повергли тебя на землю, перед царями отдали тебя на позор.

Множеством беззаконий своих в несправедливой торговле твоей ты осквернил святилища твои; и Бог извлек из среды тебя огонь, который и пожрал тебя: и Он превратил тебя в пепел на земле перед глазами всех, видящих тебя.

Все, знавшие тебя среди народов, изумились о тебе; ты сделался ужасом, и не будет тебя вовеки.

Коленопреклоненный ангел меркнувшего света извивался от боли, страстно желая возразить.

Иисус сказал:

— Ты противостоял Моему Отцу и Мне еще до сотворения человека. Третью ангелов в раю и большая часть жителей земли последовали за тобой в твоём восстании и гордыне. За это их и тебя ждет разлука с Всемогущим Богом в вечном огне, уготованном тебе и твоим ангелам.

Ты обманом заставил Еву согрешить. В следующие тысячелетия ты пытался загрязнить кровь Адамову, наполнив сердце Каина желанием убить Авеля и уничтожив первых двух сынов Адама. Ты поощрял сожительство падших ангелов с человеческими женщинами, чтобы породить нефилимов, падших существ. Из-за тебя через тысячу шестьсот лет лишь восемь человек оказались праведниками, достойными спасения от Потопа.

Именно ты попытался создать всеобщую идолопоклонническую религию в Вавилоне, тогда крупнейшем городе в мире, чтобы не дать человечеству поверить в одного истинного Бога.

Именно ты попытался уничтожить еврейский народ, наполнив разум фараона желанием убить всех младенцев мужского пола во время, когда родился Моисей.

Я бросаю к твоим ногам все страдания человечества. Земля была создана раем, а ты

вверг ее во грех, и появились там бедность и болезни, произошли более пятнадцать тысяч войн, миллионы людей постигла бессмысленная смерть. Ты и твой грех гордыни породили восстание человечества против Бога, ненависть, убийства и проклятие миллиардов душ с самых времен Адама.

Ты попытался напасть на Меня во время Моего земного рождения, наполнив разум Ирода желанием убить всех младенцев мужского пола в Вифлееме. Ты искушал Меня в пустыне и попытался уничтожить Мою церковь преследованиями и ложными учениями. Ты вызвал бурю в Галилейском море, когда я спал. Именно ты вошел в Иуду Искарота, заполнил сердце Анании ложью. Именно ты, бог этого злого мира, ослепил разум неверующих.

Ты действовал на сердца тех, кто отказался подчиняться Господу. Именно ты мешал Моим служителям служить, ты сеял раздоры в церквях, ты нападал на слабых, страдающих, одиноких.

Сатана упал на бок, хватая ртом воздух и фыркая, отчаянно пытаясь подняться на ноги, воспротивиться, заговорить.

— Воле Божией противоречит не только то, что люди грешат, но и то, что они отвергают Меня. Воля Моего Отца небесного состоит в том, что никто не должен погибнуть из малых сих. Он не нарушает Своих обещаний, но Ему свойственно долготерпение; Он не хочет, чтобы они все погибли, но чтобы они раскаялись.

В последние семь лет, — сказал Иисус, — ты обманул миллионы людей при помощи ложных учителей, ложных мессий, лжепророка и Антихриста. Ты дал ему силу, трон и великую власть. И весь мир в восхищении последовал за ним.

Они поклонились тебе, который дал власть зверю, и поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему и кто может сразиться с ним? И ты дал ему уста, говорящие гордо и богохульно, и дал ему власть действовать сорок два месяца.

И отверз он уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его, и жилище Его, и живущих на небе. И дал ты ему вести войну со святыми и победить их; и дал ему власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем.

И поклонились ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира. Он творил великие знамения, так что и огонь возводил с неба на землю перед людьми.

И чудесами, которые дал ты ему творить, ты обольстил живущих на земле.

Ты ненавидишь Меня, ненавидишь Моих людей. Ты вступил в брань с теми, кто сохранял заповеди Божии. Ко всякому, слушающему слово о Царствии и не разумеющему, ты приходил и похищал посеянное в сердце его.

Из-за тебя Моему служителю пришлось напомнить Моим людям, что брань их не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной.

Именно из-за тебя приняли они всеоружие Божие, дабы могли противостоять в день злый и, все преодолев, устоять.

Я многие века назад поклялся, что создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее.

Твое время пришло. Послал Я Ангелов Своих, и собрали они из Царства Моего все соблазны и делающих беззаконие, и ввергну Я их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов.

Тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их.

Михаил схватил сатану и снова поднял его на колени; тот продолжал дергаться, словно вот-вот лопнет.

— Ты сам навлек это на себя, — сказал Иисус. — Ибо говорил ты в сердце своем: «Взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему».

Но будешь ты низвержен в ад, в глубины преисподней. Видящие тебя будут всматриваться в тебя и размышлять о тебе: «Тот ли это человек, который колебал землю, потрясал царства, вселенную сделал пустынею и разрушал города ее, пленников своих не отпускал домой?»

* * *

Как и все остальные, Абдулла с большим интересом наблюдал за судом и приговором

самому сатане. Изучая Писание и пророчества, он никогда не думал, что ему придется увидеть все это воочию. Ему хотелось задать вопросы — например, почему Антихриста и лжепророка навечно бросили в огненное озеро, а самого сатану свяжут на тысячу лет, чтобы снова выпустить в самом конце Тысячелетнего царства.

Но Абдулла уже понял, что на большинство его вопросов он получает ответ, даже не задавая их никому.

Он не мог восхищаться красотой Иерусалима, учитывая, что произошло в городе в последние несколько дней. Он выглядел начищенным до блеска, даже листья казались яркими и полностью распутившимися. Как сильно повлияло на мир явление Иисуса!

Большую часть остатков Израиля составляли люди из Большого Иерусалима, жившие далеко за стенами Старого города. Врагов изгнали из города и перебили, так что все жилища в Святом городе опустели. Люди снова вернутся в прежние дома. Абдулла не знал, что это значит для него и других неевреев из отряда Скорби. Конечно, всегда можно вернуться в Петру — там места достаточно.

Но он сам хотел быть там же, где и Иисус, а в пророчестве говорилось, что Он будет править с трона Давидова. Это значило, что когда все закончится, люди по-прежнему смогут общаться с Ним, но, конечно, весь миллион человек сразу в храме не поместится. Может быть, Он сможет и дальше устраивать сверхъестественные аудиенции со всеми одновременно. Иначе же храм станет

Его резиденцией, откуда Он будет править народами «жезлом железным».

Будет ли Абдулла жить с женой? Он не мог дожидаться новой встречи с ней, но он не знал, что будет дальше. Она будет жить в воскрешенном теле, а он войдет в тысячелетнее царство в своей смертной оболочке. Нужно будет еще столько узнать, столько учиться...

* * *

Хотя Чань и Наоми смотрели на все происходящее, держась за руки, они уже несколько часов практически не разговаривали. Этот день, даже не только день, а все время, прошедшее со Второго Пришествия, пролетел, как мгновение. Когда Иисус обнял Чаня, а затем взял его лицо Своими ладонями и заговорил с ним по-китайски, Чань понял, что все, через что ему пришлось пройти, стоило того. Он отдал бы что угодно за такую встречу со своим Спасителем.

Иисус сказал, что был с ним, когда Чань родился, когда вырос в безбожном доме с ошибочной религией. Он был с ним, когда Чань благодаря своему таланту поступил в далекую школу, и именно Ему Чань молился о силе, утешении и дружбе, хотя тогда еще даже не слышал об Иисусе.

— Я был с тобой, Чань, — сказал Иисус, — когда ты в глубине души уверился, что никакого бога не существует, уж точно — Того,

что ты связывал с капиталистами Запада. Я был с тобой, когда ты восстал против родителей и попытался преподать им урок за то, что они отослали тебя. Я был с тобой, когда ты уничтожал тело и разум веществами, не предназначенными в пищу.

Я был с тобой, когда твой разум был обманут философией, ложью и тщеславием. Я был с тобой, когда тебя обнаружило правительство этого мира и заставило служить силам зла.

Я возрадовался вместе с ангелами, когда ты узнал обо Мне, обратился ко Мне и стал работать во славу Мою в логове Антихриста.

И я был с тобой, когда на тебя силой поставили печать зверя и ты боялся, что теперь не спасешься. Я любил тебя целую вечность непреходящей любовью, и я ждал этого дня.

Чань все еще сиял, хотя и понял наконец, что все остальные тоже говорили с Иисусом. Да, он не один пережил такое, но событие от этого нисколько не потеряло. То, что сказал ему Спаситель, предназначалось только для его ушей, и даже страшные, уродливые вещи, произошедшие в последние несколько часов, не смогли подавить его радость.

* * *

Рэйфорд понял, что пришло время. Иисус огласил все обвинения, и осталось лишь

привести приговор в исполнение. Сатана раскачивался на коленях, прерывисто дыша сквозь стиснутые зубы.

Гавриил наклонился над ангелом света и воскликнул:

— Признай Иисуса Господом!

Сатана лишился дара речи; сколько бы он ни пытался говорить, из уст его не вышло ни единого слова. Но он явно не собирался подчиняться приказу. Он яростно затряс головой и сжал кулаки.

Иисус посмотрел налево, и, по прикидкам Рэйфорда, примерно в тридцати ярдах от Него, далеко от ангелов и от толпы, в земле открылось огромное отверстие. Черный дым поднимался из глубины, закрыв почти все небо. Теней опять-таки не появилось, потому что свет дневной исходил не от солнца, а от Самого Господа.

Он кивнул Михаилу; тот подобрал свою длинную, тяжелую цепь и обмотал ее вокруг жилистой руки. Когда он подошел к приговоренному, сатана вскочил на ноги и бросился на него. Он снова превратился сначала в дракона, потом в змия и, наконец, во льва. Схватка происходила на открытом пространстве между остатками Израиля и Иисусом и другими ангелами. Каждый раз, когда Михаил и сатана приближались к толпе, люди невольно отступали.

Рэйфорд не сомневался в исходе поединка. Иисус смотрел на схватку с глубокой печалью, но без беспокойства. Гавриил, всегда служивший глашатаем, а не воином, на са-

мом деле был не слабее Михаила и мог в любой момент прийти на помощь. Три ангела милосердия, в том числе проповедник вечного Евангелия, тоже стояли поблизости.

В своем львином обличье сатана не рычал. Иисус заставил его замолчать, и проклятие распространилось на все его личины. Михаил наконец сумел связать его цепью и уложить на землю.

Когда он потащил пленного к дымящейся бездне, сатана снова изменил облик, превратившись в ангела света. Он выскользнул из цепи и в последний раз попытался сбежать. Михаил поднял цепь и стал перебирать ее руками, пока длинный конец не достиг двадцати футов. Затем он размахнулся и бросил ее в дьявола; цепь сама обмоталась вокруг него.

Михаил быстро догнал его, повалил на землю, окончательно опутал цепью, затем вскочил на ноги, подхватив связанного дьявола. Подойдя к тлеющей, изрыгающей дым расщелине, Михаил взлетел, держа сатану под мышкой, на десять футов в воздух, а затем головой вперед нырнул в бездну.

На это Иисус смотреть не стал, хотя остальные ангелы повернули головы. Толпа взревела и заплодировала, но быстро замолчала, когда Иисус встал и сделал жест рукой.

— Отцу Моему, — сказал Он, — Царю веков нетленному, невидимому, единому премудрому Богу честь и слава во веки веков. Возлюбленные, грех царствовал к смерти, но благодать воцарилась через праведность к жизни вечной. Даже духи нечистые при-

знали Меня Святым Божиим. Сего дня стою я перед вами как Царь Израиля, Грядущий во имя Господне.

Он посмотрел наверх, и из-за облаков появился хор, который, как предположил Рэйфорд, состоял из тех, что собрались вокруг трона Божия. Они спели песнь Моисея, раба Божия, и песню Агнца, говоря:

— Велики и чудны дела Твои, Господи Боже Вседержитель! Праведны и истинны пути Твои, Царь святых! И будет Он царствовать над домом Иакова вовеки, и Царству Его не будет конца.

Из бездонной ямы по-прежнему валил дым. Рэйфорду стало интересно, не беспокоится ли кто-нибудь еще, кроме него, за Михаила. Но он появился из бездны с ключом в руках. Сатаны и цепи видно больше не было.

Михаил присоединился к стоящим позади Иисуса; Тот повернулся и снова сел верхом на коня. Он медленно направил белого жеребца вдаль от площади, через толпу, в сторону Храмовой горы, где должен был занять Свое законное место на троне царя Давида.

И Рэйфорд наконец почувствовал приступ голода и новую волну усталости. Без всяких указаний люди стали медленно расходиться, чтобы вернуться по домам. Рэйфорд начал искать взглядом друзей, чтобы узнать, у кого можно будет остановиться.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Рэйфорд смог найти лишь одно слово, каким можно было описать его чувства, — «эйфория». Он знал, что люди не всегда смогут видеть Иисуса — например, как сейчас. Это логично. Но он боялся, что станет так тосковать по Нему, что почувствует определенную депрессию, когда Иисус будет занят другими делами. Рэйфорд с радостью обнаружил, что это не так.

Его сердце, конечно, по-прежнему принадлежало Иисусу. Рэйфорд постоянно думал о Нем. И конечно же, он хотел снова увидеть Его. Но, поскольку Рэйфорд был настолько поглощен мыслями о Нем, желанием любить и служить Ему вечно, он обнаружил, что свободен от своих обычных искушений. Ему стало интересно — навсегда это или просто на время? Освободился ли он от похоти, гордыни, жадности только потому, что

словно бы был в церкви, под пристальным наблюдением пастора? Или же это произошло из-за того, что связали сатану и его нечистых духов? Раньше его искушали мир, плоть и дьявол, сейчас же искушений осталось лишь два. Но мир обновился, и теперь им правил Иисус.

Исчезнет ли когда-нибудь чувство новизны, связанное с физическим присутствием Иисуса? *Сначала тысяча лет, потом — целая вечность...*

Иисус так говорил с ним, установил такую прочную связь, что Рэйфорду казалось, что Он по-прежнему где-то рядом, пусть и невидим. Когда он молился, Иисус тотчас отвечал ему. У Рэйфорда было на уме множество вопросов, которые он хотел задать Хаиму.

Первый, конечно же, — не знает ли Хаим, где Рэйфорд может найти ночлег? Встретившись с соратниками по отряду Скорби, он с удивлением обнаружил, что этот вопрос уже тщательно продумали, обсудили и даже решили.

Рэйфорд, Мак и Абдулла остались на большой площади, ища в толпе знакомые лица.

— Нам лучше разделиться, — предложил Абдулла. — Если кто-нибудь из нас кого-нибудь найдет, то свяжется с остальными, и мы договоримся о встрече.

Абдулла отправился на запад, Мак — на восток. Рэйфорд остался в центре, разглядывая людей в толпе. Какой вид открылся перед ним! Куда бы он ни смотрел, люди

казались друзьями, хотя он почти никого не знал. Увидев несколько смутно знакомых по Петре людей, он спросил, не видели ли они его друзей, но ответ получил отрицательный. Тем не менее все хотели говорить. В основном — об Иисусе. Но еще и о землетрясении, о том, как раскололась надвое Масличная гора. О смерти врагов. О наказании Карпати, Фортунато и сатаны.

Другие упоминали погоду — было жарко, ясно, свежо, словно все дышали новым воздухом. Одна женщина показала на деревья и кусты, которые внезапно покрылись свежей листвой.

— День назад они выглядели совсем иначе, — сказала она.

Рэйфорда неожиданно осенило. Он спросил женщину, откуда она.

— Из России, — ответила та.

— А на каком языке вы говорите?

— На русском, конечно. Я очень плохо знаю английский. А вы?

— На английском. Я не знаю больше ни одного языка.

Рэйфорд шел, искал, спрашивал. Там и тут небольшие группы людей молились, пели, воздевали руки к небу и улыбались. Наконец, ему позвонил Мак.

— Странно, что эти штуковины до сих пор работают, а? — спросил Мак. — Можно было подумать, что уж теперь-то мы сможем говорить друг с другом без всяких машинок.

Рэйфорд засмеялся:

— Почему?

— А почему нет? Ладно, ты знаешь церковь Христа Испытателя, немного к юго-востоку от Башни Давида?

— Конечно.

— Мы все там.

— И Смитти тоже?

— Все.

Все знаменитые здания переименовали, когда Карпати пришел к власти, но верующие помнили, что есть что. Рядом с церковью Христа Рэйфорд нашел всех своих друзей из Петры. Всех, кроме Отто.

Кроме Абдуллы и Мака, там стояли Хаим с Чанем, Наоми и ее отцом Елеазаром. Там же были и Ханна с Лией. Когда Рэйфорд увидел Рейзора, весело болтавшего с супругами Ву, то понял, что Себастьян, Присцилла и Бет Энн тоже поблизости, и, соответственно, Кенни тоже не может быть далеко. И тут он появился.

Мальчик запрыгнул на руки Рэйфорду.

— Дедушка! Я видел Иисуса! И Он говорил со мной!

— Это же здорово!

— Да! А еще я увижусь с мамой и папой.

Рэйфорд посмотрел на Присс. Та одними губами произнесла: «Скоро».

— Да, очень скоро, — заверил его Рэйфорд.

Держа Кенни на руках, Рэйфорд слушал, что уже успели решить.

— Отто умудрился найти заброшенную гостиницу для своих людей, — сказал Хаим.

— Уже?

— О, Рэйфорд, люди с удовольствием помогают друг другу. Представляете — здесь разместится больше миллиона человек. В одном Большом Иерусалиме жили почти три четверти миллиона. В городе тысячи заброшенных домов, но большинство людей возвращаются в свои прежние дома и приглашают к себе тех, кто приехал из других мест. Елеазар и Наоми согласились взять к себе одиноких женщин и семейные пары, а у меня полно места для холостяков.

— Кенни, — сказал Рэйфорд, — ты хочешь жить с бабушкой у дяди Хаима или с Бет Энн и тетей Присциллой?

— А где будет мама?

— Наверное, с нами, — ответила Присс, и Кенни слез с рук Рэйфорда.

— Ладно, бабушка?

— Ладно, Кенни. Мы будем часто видеться.

— Я найду машину, — сказал Абдулла и убежал.

Рэйфорд, прижав колени к груди, кое-как втиснулся в машину лицом к заднему окну. В «хаммер», который вел Абдулла, непостижимым образом сумели забраться еще и Хаим, Чань, Лайонел, Мак и Рейзор.

По пути к дому Хаима Чань разговаривал по телефону с Наоми. Рейзор подтрунивал над ним, говоря, что они провели вместе несколько дней, но Рэйфорд заметил, что говорят они не друг о друге. Как и все пассажиры машины, они говорили об Иисусе.

— У меня столько вопросов, Хаим, — сказал Рэйфорд с заднего сиденья.

— Может быть, не так много, как у меня, — ответил Хаим, — но, если кому-нибудь это интересно, мы откроем Писание и попробуем во всем разобраться.

— Вы все видите то же, что и я? — спросил Рэйфорд, разглядывая пейзаж, людей и животных, пока Абдулла вел машину сквозь счастливые толпы. Все животные были послушны. Овцы, собаки, волки, всякие звери кишели повсюду. Магазины уже открылись, и мясники работали прямо под открытым небом. Грузовики подвозили свежие фрукты и овощи из ближайших роц. — Кто успел собрать все это и откуда мясники берут мясо?

— Этот мясник — мой друг, — сказал Хаим. — Давайте я узнаю.

Абдулла остановился, и все вышли из машины. Рейзор сразу направился к ближайшему лотку, Рэйфорд последовал за Хаимом.

— Езер! — воскликнул Хаим, обнимая высокого, худого человека с большим ножом, одетого в забрызганный кровью фартук. — Я и не знал, что ты верующий!

— Я не был верующим, — ответил Езер. — Я сопротивлялся, сопротивлялся... я был слепым, таким слепым. Но во время битвы за Иерусалим я слышал, как раббин в Старом городе говорит о Мессии. И меня пощадили.

— Уже вернулся к мясницкому ремеслу! Как это случилось?

— Мне пришлось уйти в подполье, потому что я отказался принять метку. Я поте-

рял эту лавку и мой дом. После того, что мы только что увидели в Старом городе, я захотел узнать, что там осталось. Мой дом стоит нетронутым, а лавка была пуста. Ты не поверишь, Хаим, но вокруг нее толпился тучный скот, который как будто добровольно шел на заклание! Коровы, овцы! Представь! Я тут же взялся за инструменты и приступил к работе. Что тебе нужно?

— Много говядины и баранины. У меня гостят шестеро голодных взрослых мужчин.

— Возьми все, что нужно. За мой счет.

— О нет, я не могу!

— У тебя все равно денег нет, верно? А ники я все равно не принял бы.

— Нет, но открой мне счет, а когда мы разберемся, какая у нас теперь экономика, я расплачусь.

— Ты был против Карпати, Хаим. Это единственная плата, которая мне нужна.

— Нет, я настаиваю. Как ты будешь жить?

— Я же сказал тебе! Животные мне ничего не стоили, да и вообще, посмотри!

Он показал куда-то за лавку; Хаим и Рэйфорд подошли поближе, чтобы разглядеть. Овцы и коровы все приходили откуда-то издалека. Люди уже строили для них загоны.

— Мои новые работники, — сказал Езер. — Я плачу им мясом. У меня его больше, чем может мне понадобиться, и, похоже, это дар Божий. Пожалуйста, окажи мне честь и возьми все, что тебе нужно. Это самое свежее, жирное, вкусное мясо, что я когда-либо делал.

Хаим наконец уступил; Езер настоял, чтобы каждый из гостей взял себе по несколько фунтов мяса.

— Держите его при себе, пока не доберетесь до дома. Пожалуйста, прошу вас. Вы оказываете мне услугу. У меня слишком много мяса, а хранить его негде.

Вернувшись к машине, Рэйфорд услышал, как Езер кричит, зазывая людей с улицы:

— Бесплатное мясо из рук Господних! Пожалуйста, приходите и берите сколько угодно!

Рейзор вернулся от лотка с продуктами, нагруженный мешками фруктов и овощей.

— Торговка отказалась брать деньги! — сказал он. — Говорит, что фрукты падают с деревьев, причем не только в садах, но и прямо здесь, в городе.

— Подожди, — сказал Чань по телефону, затем прикрыл трубку рукой. Абдулла снова завел машину и поехал к дому Хаима. — Наоми говорит, что чудо происходит повсюду. Они тоже остановились, чтобы взять свежего мяса и фруктов. Она сказала, что они собрали апельсины и грейпфруты, упавшие с деревьев, и прямо у них на глазах на ветках выросли новые плоды.

Этим вечером — то, что сейчас вечер, Рэйфорд узнал только по часам, потому что на улице не темнело, — мужчины расположились в большом доме Хаима, легко распределив между собой комнаты. Оказалось, что Рейзор и Абдулла считают себя поварами, и они убедительно это доказали, зажарив мясо

на гриле и приготовив огромные блюда с нарезанными фруктами и вареными овощами.

Рэйфорда всегда впечатляла совместная работа отряда Скорби и верующих из Общества взаимопомощи, но такого он еще не видел никогда. Он даже задумывался, не станет ли целое тысячелетие без раздоров и конфликтов скучным. Несмотря на хорошее в целом поведение людей, оказавшихся под его началом в последние семь лет, ему пришлось немало потрудиться, чтобы рассудить споры. Теперь же он просто наблюдал, как люди работают вместе. Да, конечно, это был первый день в новом доме. Они только что увидели чудесное исполнение пророчеств, среди них был Сам Иисус. Теперь же им даровали самое комфортное за долгое время жилье и бесплатную еду, причем целый пир.

Мак нашел стулья и столы и вместе с Чанем и Лайонелом занялся расстановкой, а Хаим попросил Рэйфорда помочь ему осмотреть дом, который он не видел три с половиной года. Старик лишь качал головой, вспоминая его. Но люди из МС, похоже, не нанесли дому никакого урона. Они не нашли ничего, что свидетельствовало бы о трех землетрясениях — даже о последнем, всемирном, сопровождавшемся подъемом города на триста футов во время разрушения Масличной горы.

Хаим сказал Рэйфорду:

— Я устал от собственного неверия. Я должен просто раз и навсегда признать, что Бог сотворил все это. Он может сделать что

угодно, и Он сделал все. Я слышал, что МС захватило этот дом около трех лет назад и использовало его в качестве командного центра. Капитан Стил, вы можете представить, на что должен был быть похож этот дом после того, как в нем побывали десятки людей? Я думал, что здесь будет устойчивый запах табака, кучи мусора, полнейший беспорядок. Но посмотрите.

Рэйфорд смотрел. Очень внимательно. По дому словно прошла целая команда уборщиков. Полы, стены, потолки были совершенно чистыми. Мебель стояла на месте. Рэйфорд не удивился бы, даже если бы мебель оказалась еще и зачехленной. Но никаких чехлов не требовалось. Нигде не было ни пылинки.

— Холодильник, морозильник и буфет, конечно, пусты, — сказал Хаим. — Но посмотрите, что Господь послал нам по пути.

— Наверное, Он считает, что вы должны сами их заполнить.

— Не знаю. Наверное, привыкну со временем.

Когда настало время ужинать, Хаим встал во главе стола.

— Помолимся, — сказал он.

И Рэйфорд испытал страннейшее чувство. Молясь вместе с Хаимом, благодаря Бога за то, что Он оказал им великую честь увидеть то, что произошло сегодня, за пищу, дарованную Им, и за дом, сохраненный Им, он тут же услышал ответ Иисуса.

— Не стоит благодарности, Рэйфорд, — сказал Он. — В этом удовольствие Мое — осыпать вас осязаемыми проявлениями Моей любви.

Прежде чем Рэйфорд успел помолиться за Кенни, Господь сказал:

— Я знаю, что ты беспокоишься. Он встретится со своими родителями, и ты тоже их встретишь. Очень скоро.

Иисус словно сидел рядом с Рэйфордом, обняв его за плечо, и разговаривал с ним. Это снова растрогало Рэйфорда, и он не смог сдержать слез. Он сложил руки на столе и оперся о них лицом, прославляя Бога.

Иисус сказал:

— Я буду царствовать над домом Иакова вовеки, и Царству Моему не будет конца. Как Отец знает Меня, так и Я знаю Отца; и жизнь Мою я положил за овец. Я есмь Агнец, Который поведет вас на живые источники вод; и отрет Бог всякую слезу с очей ваших.

Рэйфорд сидел и внимательно слушал. Он понимал, что Иисус говорит о слезах печали, но он плакал не из-за этого. Он не мог представить, что когда-нибудь снова огорчится.

Он услышал, как остальные тихо шепчут молитвы, и понял, что они переживают то же, что и он. Рэйфорд чувствовал запах прекрасной еды, стоявшей на больших подносах совсем рядом, но голод мог подождать. Он не хотел, чтобы этот момент заканчивался.

Через несколько минут Хаим продолжил молитву:

— А теперь, Господи, наш Искупитель и Друг, мы благодарим Тебя за щедроты Твои. Признаюсь, Отец, что как бы ни благодарен я был за манну, как бы вкусна она ни была...

Он не закончил. Рэйфорд сел прямо и прикрыл рот, но не сумел подавить смешок. И он всей душой поверил, что услышал, как Иисус тоже усмехнулся. Да, манна небесная — это одно. Но такой ужин — совсем другое.

Хаим сел, и все открыли глаза и посмотрели друг на друга.

— Иисус снова говорил со мной на китайском, — сказал Чань.

— На испанском, — отозвался Рейзор.

— На иврите, — сказал Хаим.

— На английском, — вставил Рэйфорд.

— Прямо как на юге Чикаго, — сказал Лайонел, и все засмеялись.

— Ну и немножко акцента Западного Техаса тоже было, по-моему, — добавил Мак. — Это же язык, на котором говорят в раю, знаете ли.

Рэйфорд прочистил горло. Никто еще так и не притронулся к еде.

— Э-э-э... а только мне показалось, что Иисус засмеялся шутке Хаима про манну, или это слышали все?

Все, улыбаясь, закивали. Хаим сказал:

— Несомненно, у Господа есть чувство юмора. Джентльмены, вы можете поверить, что от еды до сих пор идет пар, хотя мы сидим здесь уже несколько минут?

— Фрукты тоже выглядят чистыми и свежими, — сказал Рейзор. — И мух никаких нет.

И они начали есть. Рэйфорд подумал, что всем остальным, как и ему, этот ужин показался самым вкусным в жизни.

— Настоящее чудо, — позже сказал он, — случится, если мы будем так есть все время и при этом не прибавим в весе.

Во время уборки со стола Рэйфорд и Хаим говорили по телефону с Елеазаром. Рэйфорд очень обрадовался, услышав, что они тоже прекрасно провели время с Господом и съели отличный ужин. Хаим напомнил Елеазару, какое место из Писания они планировали изучить сегодня, и они сравнили свои примечания к сложным стихам.

— Если у нас останутся вопросы, — бухнул Елеазар, — мы просто спросим Иисуса, когда в следующий раз увидим Его.

Позже мужчины собрались в большой комнате Хаима; тот открыл Библию и разложил перед собой записи и примечания.

— Книги, написанные людьми, кажутся сейчас совершенно ненужными, — сказал он. — Когда мы молимся, я чувствую, словно Мессия здесь, со мной, и Он отвечает на вопросы еще до того, как я их задаю. Давайте начнем с воздаяния почестей и молитвы.

В едином порыве все встали с кресел и опустились на колени; каждый молился на родном языке.

* * *

Мак хотел сказать Господу, что есть люди — особенно из тех, что он встретил за последние семь лет, — с которыми ему не терпелось увидеться. Каждый из них значил для него что-то особенное, значительно повлиял на его жизнь. Но прежде чем он успел сказать это, Иисус обратился к нему по имени:

— Я знаю, Клеберн. И ты скоро с ними увидишься. Я ожидаю этой встречи с таким же нетерпением, как и ты, и буду радоваться с тобой, когда ты увидишь их.

* * *

Услышав ответы на свои еще даже не высказанные молитвы, Рэйфорд распростерся на полу и увидел, что остальные поступили так же. Он решил, что Иисус пытается сказать ему то же, что несколько лет назад говорил ему Брюс Барнс, а потом объясняли Цион и Хаим: во время молитвы мы не только говорим, но и слушаем. Рэйфорд никогда не мог добиться такого баланса. Он всегда умолял, просил, требовал. Да, он благодарил Бога и часто восхвалял Его в молитве, но сейчас он наконец начал понимать, что от него требуется. Просто молчать и слушать. И хотя Бог ничего не говорил, Рэйфорд должен был просто отдыхать в Его присутствии.

Рэйфорд лежал на животе, купаясь в тепле Божьей любви. Иисус сказал:

— Бог тебе прибежище и сила, скорый помощник в бедах, посему не убойся, хотя бы поколеблется земля и горы двинутся в сердце морей. Пусть шумят, вздымаются воды их, трясутся горы от волнения их.

Речные потоки веселят град Божий, святое жилище Всевышнего. Бог посреди него; Он не поколеблется: Бог поможет ему с раннего утра.

Восшумели народы; двинулись царства: Всевышний дал глас Свой, и растаяла земля. Господь сил с тобой, Бог Иакова заступник твой.

Приди и увидь дела Господа, — какие произвел Он опустошения на земле: прекращая брани до края земли, сокрушил лук и переломил копье, колесницы сжег огнем.

Остановись и познай, что Я — Бог: буду превознесен в народах, превознесен на земле!

Господь сил с тобой, заступник твой Бог Иакова.

Хаим внезапно поднялся на колени и воскликнул:

— Восплещите руками все народы, воскликните Богу гласом радости; ибо Господь Всевышний страшен — великий Царь над всею землею; покорил нам народы и племена под ноги наши... Бог воцарился над народами, Бог воссел на святом престоле Своем.

Рэйфорд лежал, общаясь с Богом и почти не обращая внимания на остальных. Нако-

нец, когда ему понадобился отдых от любящей руки Иисуса, он снова сел в кресло. Как ни странно, все испытали похожие чувства, причем одновременно.

— До того, как вы начнете, Хаим, у меня есть вопрос... хотя, наверное, скорее не вопрос, а признание. Близкое присутствие Бога через Иисуса — это что-то такое свежее, такое особое, что иногда мне кажется, что Его всегда недостаточно. Но в другие моменты, например сейчас, я почувствовал, словно полон почти до отказа и больше не выдержу.

Остальные кивнули, и Рэйфорда это ободрило. Хаим сказал:

— Это напоминает мне то, что я когда-то читал о великом евангелисте девятнадцатого века Дуайте Л. Моуди. Он писал об общении с Господом, когда Его присутствие было столь полным и подавляющим, что Моуди пришлось попросить Бога «остановить руку Свою».

— Именно, — ответил Рэйфорд.

— Я тоже такое почувствовал, — сказал Хаим. — Может быть, в присутствии Иисуса мы сможем развить духовную мышцу, необходимую, чтобы выдержать такие благословения.

Хаим посмотрел по очереди на каждого, словно спрашивая, не осталось ли у них еще вопросов. Затем он объяснил, что вместе со старейшинами в последний месяц тщательно изучал Писание на предмет того, что ожидать после Второго Пришествия.

— Словно зубрили материал к контрольной работе? — спросил Рейзор.

— Я не знаком с этим термином, — ответил Хаим, — но он кажется самоочевидным, так что я, пожалуй, соглашусь. Нам, конечно, никто не будет устраивать экзаменов. На самом деле среди старейшин долго были споры по поводу того, нужно ли это все. Некоторые считали, что Иисус будет нашим учителем и объяснит нам все.

Но вдруг Он ждет от нас, что мы все же знаем этот материал? Сегодня мы увидели Его победное восхождение на Елеонскую гору, также известную как Масличная гора. Мы увидели, как она разделилась надвое. Он победил наступавшие армии, убив их Словом Божьим. Мы были с Ним, когда Он с триумфом вошел в Иерусалим, увидели, как Он поймал и осудил духов нечистых, лжепророка, Антихриста и даже самого сатану. Но Он ни разу не остановился, чтобы сказать нам: «Возлюбленные, вы найдете это на странице такой-то вашей Библии, и это *произойдет* позже».

Все произошло так, как сказано в пророчестве, но никакого объяснения не последовало. Практически так же Иисус учил и проповедовал, когда жил на Земле в первый раз. Лишь изредка за Его притчами следовали объяснения. А когда Он все же что-то объяснял, то так, чтобы «имеющие уши да услышали».

Предполагаю, что сегодня в толпе многие вообще не представляли себе, что происходит. Возможно, они и поняли, кто есть кто

и что есть что, и в конце концов догадались, что Иисус снова победил, повергнув новых врагов. Но им наверняка интересно, куда Он ушел и что делает. Джентльмены, ответы на все вопросы есть в Книге Книг, и, если вам интересно, мы можем поискать их среди ее богатства.

Все с радостью согласились, и Хаим начал рассказ:

— Я боюсь, что многие — признаюсь, я и многие старейшины были в их числе — верят, что Второе Пришествие возвестило о начале Тысячелетнего царства, когда Христос будет править Землей. Есть ли такие среди вас?

Несколько человек кивнули, в том числе Рэйфорд. Он взглянул на Абдуллу и увидел, что тот улыбается. Не снисходительно, но как человек, хорошо изучивший материалы и знавший, что произойдет дальше. Особенно впечатлило Рэйфорда то, что Абдулла не сказал чего-то вроде: «Не я! Я знаю!»

Рэйфорд поднял руку.

— Хаим, мне кажется, Смитти знает, о чем вы. Он стал большим знатоком Библии.

— Это так, мистер Смит? — спросил Хаим.

— Я не очень хорошо знаю эту тему, — сказал Абдулла, — но мои исследования, в основном проведенные совместно с доктором Бен-Иегудой, говорят о том, что между Вторым Пришествием и Тысячелетием на самом деле есть временной промежуток, как и между Восхищением и Скорбью.

— А что, был промежуток? — удивился Рейзор.

— О да, — сказал Абдулла. — Вспомните: семь лет начались не после исчезновения верующих, а после того, как был заключен договор между Антихристом и Израилем. Это произошло на пару недель позже, но могло произойти и через пару лет, и все равно Скорбь началась бы именно с договора, а не с Восхищения.

— Отлично! — воскликнул Хаим. — Именно к этому я и подводил разговор, именно это мы обсудим сегодня. Между Вторым Пришествием и началом Тысячелетнего царства на самом деле будет промежуток в семьдесят пять дней. Если Богу понадобится шесть дней, чтобы создать небо и землю и человека, то представьте, сколько работы предстоит Иисусу, если ему требуется на нее семьдесят пять дней.

— А в каком месте Библии об этом говорится? — спросил Рэйфорд. — Нет, я, конечно, не могу назвать себя знатоком, но я пытался много читать.

— Хороший вопрос. Часть ответа содержится в Книге Даниила 12: 11—12. Послушайте первый стих: «Со времени прекращения ежедневной жертвы и поставления мерзости запустения пройдет тысяча двести девяносто дней». Рэйфорд, вы помните, когда Антихрист осквернил храм?

— Еще бы мне не помнить.

— Это была мерзость запустения. Она случилась за тысячу двести шестьдесят дней до Второго Пришествия. Так что мы уже получили тридцать дней. А в следующем стихе

говорится: «Блажен, кто ожидает и достигнет тысячи трехсот тридцати пяти дней». Вот еще сорок пять дней, и в общей сложности мы получаем семьдесят пять.

— Что значат первые тридцать дней? — спросил Рэйфорд.

— В стихе говорится о жертве и мерзости, так что, думаю, можно предположить, что первый интервал связан с храмом. Не могу представить, чтобы Иисус захотел воссесть на троне Давидовом в храме, оскверненном Антихристом, — по крайней мере, до того, как очистит его. Мы знаем из Книги Иезекииля 40—48, что Господь утвердит храм во время Тысячелетия, так что можно сделать вывод, что первые тридцать дней будут посвящены подготовке храма.

По оставшимся сорока пяти дням ничего точно сказать нельзя, но заметьте, что в стихе 12 говорится, что блаженны будут те, кто ожидает и достигнет этого времени. Если это личное, индивидуальное благословение, то оно значит, что человек может войти в Тысячелетнее царство. В Евангелии от Матфея 25: 34 говорится: «Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира».

Я считаю, что семьдесят пять дней — это время, нужное на подготовку царства. На Земле произошло столько разрушений во время Скорби, что нас не должно удивлять, что Господу понадобится срок, чтобы обно-

вить Свое творение для Тысячелетия. Благоустройство Иерусалима произошло мгновенно, когда он поднялся после разрушения Масличной горы, но представьте, какую работу предстоит проделать во всем мире. Горы были сровнены с землей, засыпав большинство морей. Острова исчезли. Бог, несомненно, хочет снова превратить Землю в Эдем на радость тем, кто будет делить ее с Иисусом в ближайшую тысячу лет.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Лия Роуз прошла долгий путь с тех пор, как работала старшей медсестрой в Мемориальном госпитале Артура Янга, Палатин, штат Иллинойс. Откуда ей было знать, что с ней станет, когда она впервые встретилась с Рэйфордом Стиллом и едва собравшимся отрядом Скорби почти семь лет назад? Они с Рэйфордом увидели друг на друге печать верующего, заметную только для других собратьев по вере. Иначе она, возможно, даже бы с ним и не поздоровалась.

С тех пор она объехала весь мир вместе с отрядом, в основном в качестве медика, но не только. Она завела новых друзей, которые становились любимыми, а потом умирали. Бывали времена, когда она и ломаного гроша бы не поставила, что доживет до Второго Пришествия. По крайней мере, такое было до того, как она получила назначение

в Петру, где за три с половиной года не умер никто.

Сама она называла себя привилегированной. Она не сделала за свою жизнь ничего такого, чем могла бы заслужить эти привилегии. Нет, жизнь была нелегкой. Никто из тех, кто пережил Скорбь, не мог назвать жизнь легкой. То, что ей вообще пришлось это пережить, — ее вина, ибо она слышала послание, но так долго игнорировала его. Она не считала, что отвергла Бога. Лия думала, что она — интеллектuala, мыслитель.

Евангелисты и друзья с евангелистским складом ума повторяли и повторяли ей, что не решить ничего — все равно что сказать «нет». Она спорила. Она утверждала, что не говорит «нет», она просто еще думает. И один из ее друзей, желавший ей только хорошего, сказал: «Ты можешь промедлить до того, что попадешь в ад. Или до того, что тебя оставят здесь».

Это было смешно. Лия, конечно, серьезно задумывалась о правах Христа на ее жизнь, о том, что Он умер за ее грехи — которых, как она признавала, у нее за душой немало, — но то, что Он может когда-нибудь появиться в облаках, буквально во мгновение ока... да ладно вам.

А потом ее действительно оставили. Лия сразу же с этим разобралась. Затем, когда она, сбившись с духовного пути, искала чего-то большего, искала правды, ответов, Бог привел в ее жизнь Рэйфорда и отряд Скорби.

Конечно, они все были в одной лодке — те, кто опоздал в Царство Божие. Но среди них были и люди, великолепно знавшие Библию, как Цион Бен-Иегуда, от которого она узнала больше, чем за все время, проведенное в школе медсестер.

А теперь она живет в Иерусалиме, в доме старейшины. С близкими друзьями, которые вместе с ней пережили исполнение пророчества в присутствии Самого Иисуса. Лия видела все своими глазами, говорила с Ним, встретилась с Ним лично. Когда Он обнял ее, назвал по имени и сказал ей, как сильно любит ее, она потеряла дар речи. Но Он слышал ее сердце. Он был с ней, знал ее с самого сотворения мира. Он был с ней всю ее жизнь, в самое радостное и в самое печальное время, в дни, когда все менялось; любил ее, ждал ее, хотел скорее встретиться с ней.

Лия была настолько полна Иисусом, что даже не знала, сможет ли это выдержать. А когда другие съеживались, прятали лица и корчили гримасы, когда сатану и его прислужников постигла ужасная судьба, она не отвернулась. Это был справедливый суд, и она хотела его видеть.

Лия стала жертвой сатаны и, конечно, пострадала за время правления Николае Карпати. Объявить ее в международный розыск только за то, что она любила единственного истинного Бога и Его Сына — это неслыханное, непростительное преступление. Антихрист, в котором жил сатана, вознес себя выше Бога, и чувство справедливости, раз-

вившееся у Лии еще до того, как она стала верующей, говорило ей, что он заплатит. А когда пришло время расплаты, ужасной и кровавой, она посчитала ее вполне уместной.

Лия видела разрушительное действие греха, видела, что он может сделать с человеческим телом. Когда она пыталась вылечить раненых товарищей, она не могла не винить в этом Антихриста и его лжепророка. Она не отводила глаз, видя резню, не отвела их и тогда, когда демоны сатаны умерли от слов Иисуса. И когда Николае и Леона обрекли на вечные пытки. И особенно тогда, когда самого сатану заключили на тысячу лет.

Лия так и не поняла, почему с сатаной поступили именно так. Она может спросить об этом Елеазара, когда он устроит чтения Библии. По слухам, все старейшины рассказывали об одном и том же, где и с кем бы они ни очутились. То, что она оказалась в прекрасном доме Тибериуса, она считала еще одной привилегией.

Дом по-прежнему хранил на себе печать покойной матери Наоми — даже после всех этих лет. Его захватили прислужники Мирового Сообщества, как и все остальные более-менее нормальные жилища. Это могло привести к самым печальным результатам, но когда десять человек, прибывших с Елеазаром, выгрузили на кухне свежее мясо и фрукты, больше всех удивился состоянию дома сам хозяин. Дом выглядел так, словно кто-то специально поддерживал его в идеальном состоянии.

Они разместились — места как раз хватило всем — и стали вместе присматривать за детьми, накрывать столы и готовить еду. Они помолились, поужинали, убрались, затем снова помолились. Иисус говорил с ними одновременно на трех разных языках. Затем Лия помогла Присс Себастьян уложить детей спать, и пришло время изучать Библию.

Лекция о семидесяти пяти днях оказалась занимательной — раньше она об этом не слышала. Больше всего Лии нравился в Елеазаре его острый, пронизательный ум и то, что он не притворялся, что знает то, чего на самом деле не знает.

— Некоторые вещи, — сказал он своим веселым басом, — похоже, узнать невозможно, по крайней мере, сейчас. Находить в Писании другие истины очень увлекательно.

Лия спросила, почему Антихриста и лжепророка приговорили к вечным мукам, а сатану выпустят в конце тысячелетия.

— Заключение сатаны, — сказал Елеазар, — не позволяет ему делать то, что он умеет лучше всего. В Откровении 20: 3 говорится, что цель Бога — в том, «дабы не прельщал он народы, доколе не окончится тысяча лет».

— Да, — ответила Лия, — но дальше говорится: «После сего же ему должно быть освобожденным на малое время». Почему?

— Я когда-то спрашивал то же самое у доктора Бен-Иегуды, а недавно задал этот вопрос доктору Розенцвейгу, — сказал Елеазар. — Никто из них не был уверен, я тоже

не уверен, но они сделали несколько замечательных предположений, о которых не догадывались ни я, ни, скорее всего, вы.

— Неудивительно, — сказала Лия.

— Вот как я это понимаю, основываясь на том, чему меня научили. Посмотрите на это так: если Бог не даст сатане шанса еще раз прельстить народы, то всем людям, которые родятся и будут жить в Тысячелетнем царстве, не обязательно будет выбирать, за кем следовать — за Богом или за сатаной. Если его выпустить еще раз, то все люди окажутся в равном положении перед Богом.

— Интересно.

— Но неясное место состоит в том, что те, кто откажется от Христа во время Тысячелетия, будут сравнительно молодыми людьми. Когда мы углубимся в Писание, вы увидите, что любой рожденный во время Тысячелетия, кто не поверит во Христа, по достижении ста лет будет проклят и умрет.

— По-моему, вы сказали, что это будут молодые люди.

— Сравнительно. Видите ли, те, кто верит во Христа, доживут до конца Тысячелетия.

— То есть тот, кто родится сегодня и станет верующим, доживет до тысячи лет.

— Именно.

— А неверующие, которые родятся в этот период, умрут в сто лет?

— Теперь вы все поняли.

— Я не знаю, что точно имеется в виду, — сказала Лия, — но это действительно интересно. Если я правильно все поняла, в кон-

це Тысячелетия сатана попытается собрать всех людей, которые родились после девятого года и не стали верующими, и заставить их в последний раз выступить против Иисуса.

— Именно.

— Ух ты. А где в Писании об этом говорится?

— Есть такое место. Давайте прочитаем Книгу Исаии, 65: 17—25: «Ибо вот, Я творю новое небо и новую землю, и прежние уже не будут воспоминаемы и не придут на сердце.

А вы будете веселиться и радоваться во веки о том, что Я творю: ибо вот, Я творю Иерусалим веселием и народ его радостью.

И буду радоваться об Иерусалиме и веселиться о народе Моем; и не услышится в нем более голос плача и голос вопля.

Там не будет более малолетнего и старца, который не достигал бы полноты дней своих; ибо столетний будет умирать юношею, но столетний грешник будет проклинаем».

Позвольте мне вставить небольшое объяснение, — сказал Елеазар. — Здесь говорится, что человек, который умрет в сто лет, будет считаться юношей, потому что все остальные доживут до конца Тысячелетия. А «юноша» умрет в сто лет потому, что он грешник. Теперь давайте читать дальше:

«И будут строить дома и жить в них, и насаждать виноградники и есть плоды их.

Не будут строить, чтобы другой жил, не будут насаждать, чтобы другой ел; ибо дни народа Моего будут, как дни дерева, и из-

бранные Мои долго будут пользоваться изданием рук своих».

Опять-таки, — прервал себя Елеазар, — вот что, по моему мнению, говорится здесь. Мы не будем служить землевладельцам и деспотам. Тем, что мы построим, мы будем пользоваться сами. А то, что мы посадим и соберем, будет для нас, а не для начальника или оккупационного правительства. Читаем дальше:

«Не будут трудиться напрасно и рождать детей на горе; ибо будут семенем, благословенным от Господа, и потомки их с ними.

И будет, прежде нежели они воззовут, Я отвечу; они еще будут говорить, и Я уже услышу».

— Я уже пережила такое! — воскликнула Лия. — А вы?

— И мы! — ответили еще несколько человек. — Иисус часто отвечает на молитву еще до того, как мы успеваем помолиться.

— Продолжаем, — сказал Елеазар. — «Волк и ягненок будут пастись вместе»... мы уже видели такое сегодня на улице... «и лев, как вол, будет есть солому, а для змея прах будет пищею: они не будут причинять зла и вреда на всей святой горе Моей, говорит Господь».

* * *

У Рэйфорда кружилась голова. Это было для него совершенно новым, как наверняка и

для тех, кто жил у Елеазара Тибериуса. Он с нетерпением ждал возможности обсудить это с ними.

Чань поднял руку.

— Хаим, — сказал он, — а где все люди, которые умерли до Восхищения? Люди из Ветхого Завета, верующие, родившиеся до явления Иисуса, те, кто умер во время Скорби? Они все — в небесном воинстве, появившемся с Иисусом в облаках?

Хаим откинулся в кресле и улыбнулся.

— Вы подняли интересный вопрос, — сказал он. — Мы обсудим его сегодня или же вы все готовы задернуть шторы, притвориться, что здесь темно, и заснуть?

Рэйфорд устал, но спать ему хотелось не больше, чем всем остальным присутствующим. Так все и сказали.

— Хорошо, — сказал Хаим. — Все начинается с библейского дня воскресения. Я всегда думал, что он всего один и совпадает с Восхищением.

— Я тоже.

— На самом деле это не так, потому что одновременно с Восхищением, как написано в Библии, воскресают те, кто «умер во Христе» — среди них нет святых Ветхого Завета. Когда они умерли, Христос еще не пришел на Землю, и, хотя они были оправданы верой, с технической точки зрения их нельзя назвать «умершими во Христе». Воскресения в Писании подпадают под две категории: первое воскресение, или воскресение жизни; и второе воскресение, или воскресение осужде-

ния. В Евангелии от Иоанна 5: 28—29 Иисус говорит: «Не дивитесь сему; ибо наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия; и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло — в воскресение осуждения».

К первому воскресению относятся праведники всех эпох, но время их воскресения меняется в зависимости от того, кто они — святые Ветхого Завета, христиане, жившие до или во время Восхищения, или же христиане, принявшие мученическую смерть во время Скорби. Все они придут в воскресение жизни. В воскресение осуждения придут грешники, и оно произойдет в конце Тысячелетия, во время так называемого Суда Великого Белого Престола. Грешники будут повержены в озеро огненное.

— Так, давайте попробуем разобраться, — сказал Рэйфорд. — Христиане, которые погибли до Восхищения, воскресли в момент Восхищения.

— Верно.

— Когда воскреснут святые Ветхого Завета?

— Скоро. Между Вторым Пришествием и Тысячелетием.

— А мученики времен Скорби?

— В то же самое время. Святые Ветхого Завета и мученики времен Скорби будут жить и править с Христом в Тысячелетнем царстве.

— А что будет с людьми, которые уверуют во время Тысячелетия?

— Они воскреснут в конце Тысячелетия.

— Несмотря на то что и так живы.

— Верно.

— А грешников воскресят только после Тысячелетия, на Суд Великого Белого Престола.

Хаим улыбнулся:

— Теперь вы знаете столько же, сколько я.

— То есть, — сказал Рэйфорд, — моя жена и сын, пропавшие во время Восхищения, были в небесном воинстве вместе с Иисусом.

— Да.

— А моя дочь и зять, которые приняли мученическую смерть во времена Скорби, воскреснут в ближайшее время.

— Именно.

— Так что мы скоро увидимся с друзьями и любимыми.

* * *

Энох Думас и его прихожане из маленькой церкви «Плэйс министри», когда-то размещавшейся в центре Чикаго, стали находить маленькие группки верующих. Прислужники Антихриста и его правительства, даже те, что жили в Америке, погибли, услышав слова, исходившие из уст Господних, но, похоже, Бог хотел, чтобы Тысячелетие началось с чистого листа. Все неверующие скоро погибнут.

Вся группа снова собралась, и практически всем одновременно пришла в голову

одна и та же идея. Они вернутся в Чикаго и вспомнят старое место встречи, посмотрят, во что превратилась старая конспиративная квартира отряда Скорби, в которой они были частыми гостями до того, как ее обнаружили. Больше всего они хотели узнать, где в городе можно будет жить. Есть ли там по-прежнему гостиницы и ночлежки? А как насчет дорогого района неподалеку от того места, где они работали, пока не стали верующими? Если все остальные умерли, то почему бы им не пожить в богатых гостиницах в центре города?

Чикаго несколько лет считался зараженным радиацией, и даже прихожане «Плэйс» поверили этому и практически не выходили на поверхность. Только когда Хлоя Стилуильямс нашла их и убедила в том, что показатели приборов в Чикаго — это фальшивка, которую заложил в компьютеры шпион отряда Скорби во дворце МС в Новом Вавилоне, они все-таки решились выбраться.

Когда в МС обнаружили обман, отряду Скорби и прихожанам «Плэйс» пришлось бежать, причем в срочном порядке. После этого официальные лица МС решили, что Чикаго безопасен, и начали строить город заново. Но если в городе произошло то же, что и в Палос-Хиллс и других пригородах, то выходило, что он фактически принадлежит Эноху и его людям.

Энох ожидал увидеть ужасные последствия гибели врагов Христа, вроде тех, что он уже видел по соседству, когда машина

МС врезалась в гидрант. Улицы, устланные телами? Кровь повсюду? Кучи костей? Ничего такого не было. Всемирное землетрясение, похоже, очистило Землю. Многие небоскребы разрушились, в том числе Башня Стронга, где размещалась конспиративная квартира отряда Скорби. Эти кучи мусора и обломков похоронили под собой останки подручных Карпати.

Эноху нужно было поговорить с Богом о том, что делать дальше. Если во всех Соединенных Штатах остались только верующие — а в пророчествах Писания ничего об Америке не говорится, — то население страны резко сократится. Маленькие группы верующих, конечно, смогут найти друг друга, но что им делать дальше? Будет ли их достаточно, чтобы страна наконец стала по-настоящему христианской? Может быть, именно поэтому Бог очистил ее от грешников и сровнял с землей, сделав ее такой же плоской, как Иллинойс? Верующие уже несколько лет не работали в сфере коммунальных услуг. Все, кто отвечал за эти услуги, умерли или умрут в скором времени. Может быть, Бог таким способом собирает всех Своих людей к Иисусу в Израиль?

Медленно ведя машину по улицам Чикаго, Энох услышал голос Иисуса:

— Не бойся, Энох, ибо ты верно догадался, что ты и твоя паства будут со Мной.

— Но, Господи, мы...

— Я перемещу вас. Вам не нужно будет утруждать себя.

— Когда? Что нам делать с одеждой и...

— Энох, если траву на поле, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, то кольми паче тебя, маловер!

Итак, не беспокойся, потому что Отец твой Небесный знает, что ты имеешь нужду во всем этом. Не заботься о завтрашнем дне.

Энох никогда не смог бы забыть лица своих прихожан, когда они слышали от него:

— Мы отправляемся в Израиль. Не спрашивайте как. Бог проложит нам дорогу.

— Когда?

— Вот это можете спросить. Мне кажется, завтра.

* * *

Лия все же устала, и ей очень хотелось спать, но она хотела узнать о грядущих судах. Их, похоже, предстояло несколько, и всем остальным тоже было интересно.

— Я готов учить, если вы готовы учиться, — сказал Елеазар. — Да и не знаю я еще, как мы сможем спать при таком ярком свете.

— Сегодня, похоже, был Судный день для сатаны и его марионеток, — сказала Лия. — Но их, наверное, будет несколько?

— Да, это так, — сказал Елеазар. — Судов будет несколько, и у каждого из них — свое назначение. Доктор Бен-Иегуда, Розенцвейг и старейшины считают, что пройдут отдель-

ные суды над грехами и деяниями верующих, ветхозаветных святых, святых времен Скорби, евреев, переживших Скорбь, неевреев, переживших Скорбь, сатаны и падших ангелов — мы видели это сегодня — и всех, чья вина не искуплена.

Во время крестной смерти Христа Бог возложил на Иисуса грехи всех, кто станет верующим. Христос искупил наши грехи, и мы предстанем лишь перед судилищем Христовым, никакой другой суд нас не ждет. Сам Иисус сказал в Евангелии от Иоанна 5: 24: «Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь».

В Послании к Римлянам 8: 1—4 говорится: «Итак, нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут не по плоти, а по духу, потому что закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от законов греха и смерти. Как закон, ослабленный плотию, был бессилен, то Бог послал Сына Своего в подобии плоти греховной в жертву за грех и осудил грех во плоти, чтобы оправдание закона исполнилось в нас, живущих не по плоти, а по духу».

— Тогда, — спросила Лия, — почему мы предстанем перед судилищем Христовым и что это такое?

— Мы считаем, что судилище Христово отличается от суда над неверующими. Павел сказал коринфянским верующим: «И потому ревностно стараемся... быть Ему угодными,

ибо всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое».

— Но если Христос принял наше наказание и искупил наши грехи, — спросила Наоми, — на каком основании будут судить нас?

Елеазар улыбнулся дочери:

— Такая юная, но такая способная.

— Папа, — покраснев, сказала она, — прекрати.

— Прости. Ты задала хороший вопрос. — Он стал листать страницы Библии. — Послушайте, что апостол Павел сказал коринфянам: «Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос. Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, — каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть.

У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем, сам спасется, но так, как бы из огня.

Разве не знаете, что вы храм Божий и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а этот храм — вы».

Еще он сказал: «Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить.

Все подвижники воздерживаются от всего: те для получения венца тленного, а мы — нетленного. И потому я бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух; но усмиряю и порабощаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным».

На самом деле, Наоми, «судилище Христово» уже случилось. Оно произошло на небесах, чтобы церковь, восхищенная с Иисусом, могла одеться как Его невеста, когда спустилась вместе с Ним во время Второго Пришествия. В Откровении 19: 7—8 говорится: «Возрадуемся и возвеселимся и воздадим Ему славу; ибо наступил брак Агнца, и жена Его приготовила себя. И дано было ей облечься в виссон чистый и светлый; виссон же есть праведность святых». Те из нас, кто останутся в живых, скоро предстанут пред судилище Христово до того, как начнется Тысячелетие.

А что касается нас, евреев, сама Скорбь была временем, когда Бог заставил Израиль «пройти под жезлом», как говорится в Книге Иезекииля, 20. Бог говорит: «Я введу вас в узы завета. И выделю из вас мятежников и непокорных Мне. Из земли пребывания их выведу их, но в землю Израилеву они не войдут, и узнаете, что Я Господь».

А вы, дом Израилев, идите каждый к своим идолам и служите им, если Меня не слушаете, но не оскверняйте более святого имени Моего дарами вашими и идолами вашими, потому что на Моей святой горе, на горе высокой Израилевой, там будет служить Мне

весь дом Израилев, — весь, сколько ни есть его на земле... И узнаете, что Я Господь, когда введу вас в землю Израилеву, — в землю, которую Я клялся дать отцам вашим, подняв руку Мою».

В Книге Захарии, 13 говорится, что две трети Израиля умрет, а из оставшейся трети «весь Израиль спасется». Согласно Посланию к Римлянам 11: 26—27, «придет от Сиона Избавитель, и отвратит нечестие от Иакова. И сей завет им от Меня, когда сниму с них грехи их».

Мы, старейшины, подсчитали, что в Тысячелетнем царстве будет жить пять—десять миллионов евреев. Но, кроме того, Скорбь была временем суда над неверующими неевреями. Это очевидно по двадцати одной каре, сошедшей с небес за последние семь лет.

Джордж Себастьян поднял руку:

— Старейшина Тибериус, Цион и Хаим говорили нам, что будет еще суд над народами, но я либо прослушал, либо мы обсуждали это не очень подробно. Что это такое?

— Это еще будет, причем, скорее всего, довольно скоро. В Писании говорится, что долина, появившаяся после разрушения Масличной горы, называется долиной Иосафата, что значит «Иегова судит». При создании этой долины был погребен мусор от четырех тысяч лет цивилизации; она ведет от Масличной горы прямо к Иерусалиму. В этом чистом месте Господь устроит три суда: Он восстановит еврейский народ, будет судить агнцев и будет судить козлищ.

— Я помню, как мы изучали суд над агнцами и козличами, — сказала Ханна Пейлмун. — Но я забыла, кто они.

— Кто-то называет это «семитским судом», — ответил Елеазар. — Иисус будет судить вас, язычников, по тому, как вы относились к избранному Им народу. Те, кто почитал евреев, — агнцы, а те, кто не почитал — козлища.

Когда Иисус убил врагов Своих мечом, исходящим из уст Его, — самым Словом Божьим, — армии Антихриста были преданы смерти, чтобы подготовить мир к Тысячелетнему царству. Вскоре все оставшиеся неверующие — да, даже те, кто не принял печать зверя, но так и не решились обратиться к Христу, — тоже умрут.

— Только здесь, в Израиле? — спросила Мин Ву. — Или во всем мире?

— О, во всем мире, я уверен.

— И их будут судить здесь? Или в своих странах?

— Хороший вопрос. Я не знаю. В Библии говорится, что все произойдет в долине Иосафата.

— Чтобы добраться туда, понадобится много времени. А что, если кто-то не захочет прийти?

Елеазар усмехнулся:

— Вы видели сегодняшний суд. У кого-нибудь там был выбор?

— То есть вы говорите, — сказал Ри Ву, — что в Тысячелетнем царстве будут жить только верующие?

— Похоже, что так, да. По крайней мере, поначалу. Людям, родившимся во время Тысячелетия, конечно, придется делать выбор.

Присцилла Себастьян спросила:

— А Суд Великого Белого Престола, что произойдет в конце Тысячелетия, — самый последний?

— Да.

— Но, по-моему, там и судить будет особо нечего. Люди или признают Христа своим Спасителем, или не признают.

— Верно, но мы верим, что Бог, будучи мудрым и честным и желая показать, насколько мужчины и женщины не соответствуют Его меркам, будет судить их по делам их. Конечно же, никто не сможет уложиться в эти стандарты. Этим будет доказано, что наказание заслужено, и, как я уже говорил, их навечно низвергнут в огненное озеро.

— А что насчет козлиц на ближайшем суде? Куда они попадут? Их тоже будут судить у Великого Белого Престола через тысячу лет?

— Да. Их отправят в геенну — похоже, это какой-то отдел ада, — и они будут мучиться там до последнего суда, после чего их бросят в огненное озеро.

— Печально.

— Да, очень. Но я все равно считаю, что эти судилища покажут всему миру справедливость и праведность Бога и наконец заставят замолчать всех насмешников.

* * *

Перед сном Рэйфорд позвонил Джорджу Себастьяну, чтобы узнать, как там Кенни. Он надеялся, что звонок не разбудит детей.

— Спит без задних ног, — сказал Себастьян. — Присс немного удивлена: он говорит только об Иисусе и о том, как завтра увидит маму и папу.

— Мы изучали Тысячелетнее царство, воскресения и судилища. А вы?

— То же самое. Очень интересно.

— Вы устали, Себастьян?

— Совершенно выдохся. Пора бы уже. Мне даже интересно было, почувствую ли я когда-нибудь еще голод, жажду или усталость.

— А вы были голодны?

Себастьян засмеялся:

— После сегодняшнего ужина мне по-прежнему интересно, проголодаюсь ли я снова.

— Да, мне тоже. Я все еще чувствую вкус баранины.

— Я все еще чувствую вкус всего.

Рэйфорд задернул шторы и лег на спину, натянув на себя покрывало. Свет, проникающий через еле заметные трещины вокруг окна, был таким ярким, что ему пришлось прикрыть глаза согнутой в локте рукой. Он начал благодарить Бога за все события, свидетелем которых ему довелось стать, начиная с собственного исцеления, но прежде,

чем он успел произнести хоть слово, Иисус сказал:

— Я знаю, Рэйфорд. Я знаю. Я здесь, и Я всегда буду здесь. Я никогда не оставляю тебя и не брошу тебя.

Моя кровь драгоценна, как непорочного и чистого Агнца. Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни.

— Спасибо Тебе, Господи.

И, поверив, что Иисус всегда будет с ним, Рэйфорд уснул крепким сном праведника.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Лия поняла, что сейчас утро, только по росе на лепестках роз и прохладному воздуху. Свет был таким же ярким, как в полночь, когда она в последний раз смотрела на часы. Она проснулась, зная, что должна идти в новую долину Иосафата. В этом не было никаких сомнений. Принимая душ и одеваясь, она знала, что не должна ни есть, ни делать еще чего-то. Нужно идти.

Иисус не разговаривал с Лией ни ночью, ни утром, но она была настолько убеждена в том, что должна сделать, словно Он на самом деле явился к ней и все рассказал.

Она торопливо прошла к входной двери, где Елеазар и Наоми встречали других гостей. О завтраке и планах на день не было сказано ни слова. Лия хотела было рассказать о своем желании и спросить, как туда добраться, но, посмотрев на лица Джорджа и

Присциллы Себастьян, Ханы Пейлмун и Ри и Мин Ву, сразу поняла, что никаких слов не понадобится. Даже детям, Бет Энн и Кенни, не терпелось отправиться в дорогу.

Когда все собрались, Кенни спросил:

— Теперь мы пойдем?

Елеазар засмеялся, в его больших глазах заблестели веселые искорки.

— И куда ты хочешь отправиться, малыш?

Кенни пожал плечами.

— На встречу с Иисусом.

Лию поразило то, что он ни слова не сказал о маме и папе. По какой-то причине его тоже так сильно тянуло к Иисусу, что все остальное казалось неважным.

Они все забрались в машину, которую вел Елеазар; Лия оказалась рядом с супругами Ву.

— Куда мы едем, Мин? — спросила она.

— Я не знаю, куда едут все остальные, — ответила Мин. — Надеюсь лишь, что старейшина Тибериус остановится недалеко от новой долины.

«Недалеко» — это было мягко сказано. Елеазар заехал прямо в долину. Когда они выбрались из машины, Лия с изумлением увидела миллионы людей. Белые, черные, красные, желтые — все они шли в одном направлении. Лия почувствовала, что у одного конца этой человеческой «радуги» стоит Иисус, и она поняла, где найти Его, как только глянула на небо. Его там не было, но в небесах парило не только Его воинство — его окружали десятки тысяч ангелов.

Лия остановилась, уже потеряв из виду друзей. Она просто смотрела вверх. Небо было почти заполнено небесными созданиями, и ей пришлось прикрыть глаза. Но это не помогло. Свет славы Христовой был повсюду и светил даже через руку. Она словно медленно шла к предмету всеобщего внимания.

Лия бывала на спортивных соревнованиях с таким огромным количеством зрителей, что при входе и выходе со стадиона толпе не было конца. Здесь людей было в миллион раз больше. Она снова пошла вперед, слыша вокруг обрывки разговоров.

— Я был дома и занимался своими делами.

— Где?

— В Йоханнесбурге.

— А когда это было?

— Минут десять назад!

— А я спала в Мичигане!

Пройдя еще немного по пологому спуску, Лия остановилась. Сверху виднелся Вечный город; впереди она увидела Голгофу, место Крестных мук, и у нее перехватило дыхание.

— Лия, — сказал Иисус.

— Да, Господи.

— Когда увидишь Мой престол, встань с теми, кто справа от Меня и слева от тебя.

— Да, Господи.

Она повернулась и снова последовала за толпой; похоже, такие же указания получили все люди. Толпа разделялась надвое и расходилась в противоположных направлениях.

* * *

Рэйфорд попытался держаться вместе с Хаимом. Мужчины покинули дом Розенцвейга, не позавтракав и не обменявшись ни словом, будто бы точно знали, куда им идти. Рэйфорд решил: что бы ни произошло дальше, он постарается спросить об этом у Хаима. Остальным, похоже, в голову пришла та же мысль, так что все они держались вместе даже в огромной толпе.

Когда Иисус сказал Рэйфорду, куда идти, он без лишних вопросов свернул налево, а когда толпа разделилась на две, вид перед Рэйфордом внезапно оказался открыт. Прямо внизу, под небесным воинством, святыми и ангелами, стоял огромный пьедестал трона, на котором сидел Иисус. Позади Него были три ангела милосердия. По сторонам стояли архангелы Михаил и Гавриил.

Рэйфорд сразу понял, что в долине собрались абсолютно все жители Земли.

— Думаю, их несколько миллионов, Хаим, но это на самом деле немного по сравнению с населением Земли до того, как все случилось.

— Очень мало, — ответил Хаим, пытаясь поспеть за Рэйфордом. — Полмиллиарда или даже больше были восхищены семь лет назад. Половина оставшегося населения погибла во время кар с печатями и трубами в следующие три с половиной года. Очень многие умерли во время кар с чашами, мил-

лионы верующих приняли мученическую смерть. Вы смотрите, пожалуй, всего на четверть людей, оставшихся после Восхищения. И большинство из них сегодня умрет.

И действительно, Рэйфорд увидел, что справа от Иисуса собралось намного меньше людей, чем слева.

* * *

Энох сидел за рулем машины во дворе своего дома в Палос-Хиллс и молился. Когда он закончил и открыл глаза, то обнаружил, что сидит в израильской пустыне и мимо него идут миллионы людей. Энох поднялся и увидел небесное воинство, Град Божий и Голгофу. И Иисус сказал ему, куда идти.

— Господи, а мои прихожане? Они...

— Конечно, да, возлюбленный. Я направлю их к тебе.

* * *

Почти все утро люди искали свои места и располагались. Рэйфорду показалось, что люди, собравшиеся слева от Иисуса, в лучшем случае — озадачены, а в худшем — напуганы.

Гавриил вышел к краю пьедестала и простер руки, призывая к тишине.

— Поклонитесь Царю царей и Господу господствующих! — воскликнул он, и миллионы людей по обе стороны трона пали на колени. На множестве языков и диалектов они выкрикнули:

— Иисус Христос — Господь!

Те, кто стоял слева от Иисуса, начали подниматься на ноги; вокруг Рэйфорда все стояли на коленях.

— Тут две совсем разные группы людей, а, Хаим?

— На самом деле — три, — ответил старик. — Там — козлица, последователи Антихриста, которым как-то удалось до сих пор выжить. Вы — один из агнцев на этой стороне, а я — из третьей группы. Я — один из «братьев меньших» Иисуса, избранных людей Божьих, которым агнцы стали друзьями. Мы — евреи, которые войдут в Тысячелетнее царство верующими благодаря людям вроде вас.

* * *

Ханна Пейлмун стояла на коленях, молясь Спасителю. Миллионы людей из толпы слева от Иисуса признали Его, но она не чувствовала в них веры.

С самого времени пробуждения она страстно желала оказаться здесь. Слышать, как Иисус говорит с ней на родном языке — это больше, чем она когда-либо могла мечтать.

Люди вокруг Ханны начали вставать, и она повернулась к пьедесталу, чтобы посмотреть, в чем дело. Гавриил жестом показал, что все должны подняться. Когда все стихло, Гавриил заговорил громким голосом:

— Иоанн Богослов писал: «Я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели.

И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Потентат Святый и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?

И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число.

Послушайте меня, народ земли! Пришло время отмстить за кровь мучеников тем, кто живет на земле! Ибо пришел Сын Человеческий во славе Отца Своего с Ангелами Своими и воздаст каждому по делам его! Так написано: «Ибо вот, в те дни и в то самое время, когда Я возвращу плен Иуды и Иерусалима, Я соберу все народы, и приведу их в долину Иосафата, и там произведу над ними суд за народ Мой и за наследие Мое, Израиля, который они рассеяли между народами, и землю Мою разделили.

И о народе Моем они бросали жребий, и отдавали отрока за блудницу, и продавали отроковицу за вино, и пили».

Ханна вздрогнула, когда огромная толпа людей слева от Иисуса снова упала на колени и стала кричать и вопить:

— Иисус Христос — Господь! Иисус Христос — Господь!

Она задумалась, не стоит ли и ей сделать то же самое, но Иисус сказал:

— Ханна, я знаю твое сердце.

* * *

— Спасибо Тебе, Господи, — сказал Рэйфорд. — Я знаю, что Ты знаешь.

* * *

— Клеберн, — обратился Иисус к Маку, — прииди, благословенный Отца Моего, наследуй Царство, уготованное тебе от создания мира; ибо алкал Я, и ты дал Мне есть; жаждал, и ты напоил Меня; был странником, и ты принял Меня; был наг, и ты одел Меня; был болен, и ты посетил Меня; в темнице был, и ты пришел ко Мне.

* * *

Присцилла Себастьян ответила:

— Господи! Когда я видела Тебя алчущим и накормила? Или жаждущим и напоила?

* * *

Энох спросил:

— Когда я видел Тебя странником и принял? Или нагим и одел?

* * *

Рейзор проговорил:

— Когда я видел Тебя больным или в темнице и пришел к Тебе?

Иисус ответил по-испански:

— Истинно говорю тебе, Рейзор: так как ты сделал это одному из сих братьев Моих меньших, то сделал Мне.

— Спасибо Тебе, Иисус, — сказал Рейзор, склонив голову. Но тут его внимание привлекло движение в толпе слева от престола. Он поднял голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как Иисус встал и подошел к краю пьедестала.

С гневом и печалью Он сказал:

— Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его: ибо алкал Я, и вы не дали мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня.

Миллионы людей взмолились:

— Господи! Когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или

нагим, или больным, или в темнице и не послужили Тебе?

Иисус сказал:

— Истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне. И пойдете вы в муку вечную, а праведники в жизнь вечную.

— Нет! Нет! Нет!

Но, несмотря на огромное количество людей и их отчаянные, неслаженные вопли, голос Иисуса был по-прежнему слышен всем.

— Ибо как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет. Ибо Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну, дабы все чтили Сына, как чтут Отца. Кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца, пославшего Его.

— Мы чтим Тебя! Мы чтим! Ты — Господь!

— Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь.

Но Отец Мой дал Мне власть производить и суд, потому что Я есмь Сын Человеческий. Я ничего не могу творить Сам от Себя. Как слышу, так и сужу, и суд Мой праведен; ибо не ищу Моей воли, но воли пославшего Меня Отца.

— Иисус — Господь! — кричали приговоренные. — Иисус — Господь!

Гавриил шагнул вперед, когда Иисус вернулся на престол.

— Молчите! — приказал Гавриил. —
Пришло ваше время!

* * *

Хоть Рэйфорд и знал, что все так закончится, он все равно с ужасом смотрел на то, как козлища слева от Иисуса стали бить себя в грудь и с воплями упали на песок, скрежеща зубами и рвя на себе волосы. Иисус чуть приподнял одну руку, и в земле открылась огромная расщелина, поглотившая их всех. Они свалились туда, визжа и завывая, но вскоре земля снова затворилась, и наступила тишина.

Все на пьедестале вернулись на свои места, и Иисус сказал с престола:

— Как Я помыслил, так и будет; как Я определил, так и состоится.

— Потрясающе, — проговорил Хаим.

— Хм? — спросил Рэйфорд.

— Я знаю этот стих, — сказал Хаим, — но только подумайте об этом. То, о чем Он помыслит, сбывается, а то, как Он определит, состоится.

Рэйфорд был измотан, как наверняка и все остальные агнцы и братья меньшие. Несмотря на все ужасы, свидетелем которых он стал за время Скорби и Второго Пришествия, смерть и вечные муки, на которые обрекли сразу многие миллионы людей, оставили всех в подавленном состоянии.

— Я знаю, Рэйфорд, — сказал Иисус. — Теперь отдохни. Мир Мой даю тебе; не так, как мир дает, Я даю тебе. Да не смущается сердце твое и да не устрашается. Слушай теперь, как Мой служитель утешит тебя.

Гавриил снова вышел вперед. Он сказал: — Сын Божий, Господь наш Иисус Христос, родился от семени Давидова по плоти и открылся Сыном Божиим в силе, по духу святости, через воскресение из мертвых.

Чрез Иисуса Христа вы получили благодать. Вы — призванные Иисусом Христом: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа. В Его благовествовании открывается правда Божия от веры в веру, как написано: праведный верой жив будет.

Ибо открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою. Ибо, что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им.

Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны. Но как они, познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся.

То и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте, так что они сквернили сами свои

тела. Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца, Который благословен вовеки, аминь.

— Аминь! — закричали собравшиеся.

— Те, кто выброшен во тьму внешнюю и ждут Суда Великого Белого Престола через тысячу лет, не имеют извинения. Бог послал Свой Дух Святый в день Пятидесятницы, и двух проповедников с небес, объявлявших благовествование три с половиной года, и сто сорок четыре тысячи свидетелей из двенадцати колен. Бесконечные предупреждения и милосердные деяния предлагались тем, кто по-прежнему любил себя, а не Бога.

И Рэйфорд понял, что на Земле остались лишь верующие, поклоняющиеся Христу, и он будет среди тех, кто живет в Тысячелетии.

Гавриил жестом показал всем сесть. Когда все устроились, он широко улыбнулся и громко объявил:

— Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет.

Бог Богов возглаголал и призывает землю, от восхода солнца до запада. С Сиона, который есть верх красоты, является Бог. Пришел Бог наш, и не в безмолвии; Он призывает свыше небо и землю, судить народ Свой!

С этими словами Иисус встал, а Гавриил отошел за престол, к другим ангелам. И сказал Иисус:

— Соберите ко Мне святых Моих, вступивших в завет со Мною при жертве!

Отовсюду, из земли и из-за облаков, стали появляться души тех, кто умер в вере, тех, кого Хаим и Цион часто называли «мертвыми верующими»; Рэйфорд знал, что среди них сейчас и сам Цион вместе со многими друзьями и любимыми Рэйфорда.

Все они собрались вокруг престола, между Иисусом и святыми времен Скорби. Они были одеты в белые одежды, блестящие и чистые. Рэйфорд искал глазами Хлою и Бизона, Циона и Альби, Брюса Барнса, Аманду, Хэтти, Кена, Стива и остальных, но их было слишком много.

Иисус начал с воздаяния почестей святым Ветхого Завета, о которых Рэйфорд только слышал и читал. Он сделал все не так, как на личных аудиенциях со святыми времен Скорби — тогда он сверхъестественным образом уместил все в одно мгновение. В этот раз Иисус даровал всем зрителям Свою силу и терпение. Рэйфорд в конце концов понял, что церемония шла не один день, но он не чувствовал ни голода, ни жажды, ни усталости, ни даже боли в мышцах от долгой неподвижности. Он с любовью переживал каждую минуту, зная, что, когда Иисус закончит с ветхозаветными святыми, Он перейдет к мученикам времен Скорби. Рэйфорд ждал, когда воздадут почести его друзьям и любимым, и это было так же томительно, как на выпускном вечере в школе в ожидании, когда назовут имя

Хлои, но ради встречи, которая состоится после этого, можно и потерпеть.

* * *

Абдулла впитывал в себя каждое мгновение. Он постоянно посматривал на часы, понимая, как же много времени уделили ветхозаветным святым. О многих он даже не слышал — либо недостаточно изучал Библию, либо их подвиги не были записаны. Но Бог все равно знал. Он знал их сердца, знал об их жертве, знал об их вере. И Иисус воздавал им почести, одному за другим, и они вставали на колени у Его ног, и Он говорил им:

— Благодарю тебя, добрый и верный служитель.

* * *

Энох Дюма наслаждался оказанной ему честью. Его очень занимали имена, которые он знал из книг. Он оживился, когда Иисус сказал Авелю, сыну Адама:

— Верую ты принес Богу жертву лучшую, чем Каин; ею получил свидетельство, что ты праведен, как засвидетельствовал Бог о дарах твоих; ею ты и по смерти говорил еще.

Энох радовался возможности наконец воочию увидеть всех этих прославленных

мужчин и женщин. Когда они подходили к Нему один за другим, Иисус говорил:

— Без веры угодить Богу невозможно; ибо надобно, чтобы приходящий к Отцу Моему веровал, что Он есть и ищущим Его воздает.

К Иисусу подошел Ной и смиренно опустился на колени, ожидая награды.

— Верою, получив откровение о том, что еще не было видимо, благоговей приготовил ты ковчег для спасения дома своего; ею осудил ты весь мир и сделался наследником праведности по вере.

Через несколько часов воодушевились уже все: подошла очередь Авраама. Иисус сказал:

— Верою ты повиновался признанию идти в страну, которую имел получить в наследие, и пошел, не зная, куда идешь. Верою обитал ты на Земле обетованной, как на чужой, и жил в шатрах с Исааком и Иаковом, сонаследниками того же обетования; ибо ты ожидал города, имеющего основание, которого художник и строитель Бог.

За Авраамом шла Сарра, и Иисус сказал ей:

— Верою и сама ты получила силу к принятию семени, и не по времени возраста родила, ибо знала, что верен Обещавший. И потому от одного, и притом омертвелою, родилось так много, как много звезд на небе и как бесчислен песок на берегу морском.

Иисус обратился к наблюдавшим:

— Все сии умерли в вере, не получив обетований, а только издали видели оные, и ра-

довались, и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле; ибо те, которые так говорят, показывают, что они ищут отечества. И если бы они в мыслях имели то отечество, из которого вышли, то имели бы время возвратиться; но они стремились к лучшему, то есть к небесному; посему и Я не стыжусь их, называя Себя их Богом; ибо Я приготовил им город.

Верою Авраам, будучи искушаем, принес в жертву Исаака и, имея обетование, принес единокровного, о котором было сказано: в Исааке наречется тебе семя. Ибо он думал, что Бог силен и из мертвых воскресить, почему и получил его в предзнаменование.

Вскоре к престолу подошел Иаков, и Иисус сказал:

— Верою, умирая, ты благословил каждого сына Иосифова и поклонился навстречу жезла своего.

За ним шел Иосиф. Иисус сказал ему:

— Верою ты при кончине напоминал об исходе сынов Израилевых и завещал о костях своих.

Вокруг Эноха Думаса начали вставать со своих мест евреи. Вскоре на ноги поднялись уже все. Сам Моисей стоял на коленях перед Иисусом вместе с мужчиной и женщиной, и Господь обнял их всех и сказал:

— Благодарю вас, добрые и верные служители. Верою по рождению три месяца скрывали вы сына своего, ибо видели вы, что дитя прекрасно, и не уstraшили царского повеления.

А ты, Моисей, придя в возраст, верою отказался называться сыном дочери фараоновой, и лучше захотел страдать с народом Божиим, нежели иметь временное греховное наслаждение, и поношение Мое почел большим для себя богатством, нежели египетские сокровища; ибо ты взирал на воздаяние. Верою оставил ты Египет, не убоявшись гнева царского, ибо, как бы видя Невидимого, был тверд.

Верою совершил ты Пасху и пролитие крови, дабы истребитель первенцев не коснулся их.

Верою перешел ты Чермное море, как по суше, — на что покусившись, египтяне потонули.

Перед Иисусом встала на колени женщина. Он сказал:

— Верою ты, Раав, с миром приняв соглядатаев и проводив их других путем, не погибла с неверными.

* * *

Когда Лия увидела всех героев Ветхого Завета, в их числе Гедеона, Варака, Самсона и Иеффая, Давида, Самуила и других пророков, ей показалось, что она уже в раю. Иисус поднялся и сказал:

— Сии верою побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали

острия меча, укреплялись от немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих.

Жены получали умерших своих воскресшими; иные же замучены были, не приняв освобождения, дабы получить лучшее воскресение.

Другие испытали поругания и побои, а также узы и темницу, были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли.

И все сии засвидетельствованы были в вере.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Рэйфорд Стил думал о женщине, которой не касался уже больше семи лет. Как Ирэн будет выглядеть в воскрешенном теле? Что они скажут друг другу? Наблюдала ли она за ним все это время, знала ли, что он делает? Знает ли она, что он стал верующим?

— Вы представляете, сколько мы здесь пробыли? — спросил он.

Хаим посмотрел на часы:

— Несколько дней, но кажется, что прошел всего час. Знаете, вряд ли Иисус поступит со святыми и мучениками времен Скорби так же, как со святыми Ветхого Завета.

— Почему?

— Подумайте сами. На это уйдут годы.

— Сколько их? — спросил Рэйфорд.

— Одних мучеников — больше двухсот миллионов.

— Почему вы так уверены?

— Я читал Книгу Книг. В Откровении говорится, что мучеников, стоящих перед престолом, будет столько, что никто не сможет его перечесть.

— Но тогда как вы можете сказать...

— Слушайте дальше. Раньше в нем говорится о демоническом конном войске — помните его?

— Не спрашивайте.

— Говорится, что их «две тьмы тем», а это количество, очевидно, можно перечесть. Так что если мучеников перечесть невозможно, представляете, сколько их должно быть?

* * *

Мак попытался представить, как бы себя чувствовал, если бы столько же просидел в пустыне без пищи, воды и сна до Второго Пришествия. «Эти старые кости уже иссохли бы и рассыпались в прах».

Он вспомнил, что в детстве беспокоился о том, что будет после смерти. Большинство ребят, с которыми он дружил, ходили в церковь, и они говорили о рае, куда попадаешь после смерти, как о чем-то вполне обыденном.

— Да, — отвечал тогда он, — но что мы там будем *делать*?

Он представлял себе рай как сборище призраков в белых одеяниях и с нимбами, сидящих на облаках и играющих на арфах.

Друзья лишь пожимали плечами и отвечали:

— Уж лучше там, чем в аду.

Он был не так уверен. Его дядья часто шутили, что хотят попасть в ад, «потому что там будут все наши друзья».

Не стоит и говорить о том, как Мак обрадовался тому, что избежал ада. А если в раю будет так же интересно, как сейчас, перед Тысячелетием, ему там вполне понравится.

* * *

— Может быть, поздновато я спрашиваю об этом, Хаим, — сказал Рэйфорд, — но какие отношения у меня теперь будут с Ирэн? А Аманда... Да, я знаю, такой вопрос задали Иисусу фарисеи, когда пытались подловить Его, но я действительно хочу понять.

— Я могу вам сказать лишь то, что уже сказал Иисус. «В воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах. Ибо, когда из мертвых воскреснут, тогда не будут ни жениться, ни замуж выходить. А сподобившиеся достигнуть того века» — то есть нынешнего времени — «и воскресения из мертвых ни женятся, ни замуж не выходят». Я не могу объяснить это еще проще.

— То есть только люди, вошедшие в Тысячелетие живыми, смогут жениться и иметь детей?

— Похоже.

Рэйфорд тоже с нетерпением ждал встречи с героями Ветхого Завета.

— У нас ведь будет шанс пообщаться с ними, да?

— Конечно, — ответил Хаим. — В Евангелии от Матфея 8: 11 Иисус говорит: «Многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном».

Но пока что ветхозаветные святые не спешили смешиваться с толпой. Они тоже стали зрителями, потому что перед престолом собралась неисчислимая толпа, ожидавшая воздаяния.

— Те, кто убит за свидетельство Иисуса, — сказал Хаим, — то есть, по сути, все верующие, погибшие во времена Скорби, будут почтены. Но истинным мученикам вручат особый венец.

Гавриил снова вышел вперед и объявил:

— Иоанн Богослов написал: «И увидел я души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились зверю, ни образу ему, и не приняли начертания на чело свое и на руку свою. Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет».

Предположение Хаима подтвердилось. Господь каким-то образом устроил так, что лишь те, кто лично знал святых времен Скорби, видели, как их награждают. Так что Рэйфорду не пришлось смотреть на миллионы незнакомцев в ожидании знакомого лица:

как только начались торжества, к престолу подошел Брюс Барнс.

— Брюс! — воскликнул Рэйфорд, не в силах сдержаться; он вскочил на ноги и зааплодировал. Другие люди вокруг тоже поднимались, но называли другие имена.

— Тетя Мардж!

— Папа!

— Бабушка!

С такого расстояния Рэйфорд смог увидеть лишь то, что Брюс выглядит как раньше. Конечно, Рэйфорд никогда не видел его в белой мантии и не знал, как выглядит воскресенное тело, но он не мог дожидаться встречи с ним лицом к лицу.

Вскоре он увидел Лоретту, секретаршу Брюса, погибшую в первом всемирном землетрясении.

Затем пришла Аманда, вторая жена Рэйфорда.

Он увидел доктора Флойда Чарльза, работавшего с отрядом Скорби. И Давида Хассида, первого шпиона во дворце Мирового Сообщества, которого застрелили в Петре перед тем, как туда перебрались остатки Израиля.

Там был Т. Дилэнти, и милый Лукас Миклос с женой, которая получила венец мученицы за то, что ее обезглавили на гильотине. Потом пришел Кен Ритц, получивший пулю в голову от солдат МС во время попытки побега.

Какие воспоминания! Как здорово будет перебирать их... Иисус воздал почести Кену,

сказав, что он «использовал дарованный Богом разум и способности, чтобы часто препятствовать деяниям врага и помогать своим братьям и сестрам во Христе».

Рэйфорда накрыла меланхолия, когда он увидел Хэтти Дюрхем, обнимавшую Иисуса. Как он плохо с ней обращался, как едва не посчитал ее безнадежной, и какой храброй святой она стала! Когда она опустилась на колени, архангел Михаил протянул Иисусу прозрачную диадему, которую Тот водрузил ей на голову.

— Дочь Моя, — сказал Он, — ты приняла мученичество, засвидетельствовав Меня пред лицом Антихриста и лжепророка, и ты будешь вечно носить венец сей. Благодарю тебя, добрая и верная служительница.

Там была Анни Кристофер, подпольно работавшая во дворце МС. И Стив Планк, бывший начальник Бизона Уильямса, которого считали погибшим во время землетрясения Гнев Агнца — оказалось, что он продолжил подпольную работу под псевдонимом Пинкертон Стивенс.

— Ты принял страдания от меча ради Меня, — сказал Иисус, — и до конца отстаивал свое свидетельство. Носи венец сей вечно.

Появился Альби, старый друг и верный соотечественник Рэйфорда.

И наконец, Рэйфорд увидел Хлою, а сразу за ней — Бизона и Циона. Он кричал и аплодировал, когда его дочь, зять и духовный наставник получали свои похвалы, объятия

и венцы мучеников. Все небесное воинство приветствовало каждого мученика, но Калев, один из ангелов милосердия, вышел из-за трона и обнял Хлою. Рэйфорд решил позже спросить ее, в чем дело.

Хлое Иисус сказал:

— Ты тоже приняла страдания на гильотине ради Моего имени, смело говоря обо Мне до самого конца. Носи это вечно.

К Бизону Он обратился так:

— Ты и твоя жена расстались с сыном ради Меня, но он вернется к вам, и вы будете вознаграждены стократно. В Тысячелетнем царстве вас будут любить дети многих.

На Циона Бен-Иегуду Иисус потратил больше времени, прославив его за то, что «ты смело объявил Меня по всему миру Мессией, которого так долго ждал твой народ; потерял всю семью — ее вернут тебе; неустанно проповедовал Мое Евангелие миллионам по всему миру; защищал Иерусалим до последнего издыхания. Многие миллионы присоединились ко Мне в Моем царстве благодаря твоему свидетельству».

Рэйфорд смотрел, как Иисус приветствует десятки людей, чьи имена он уже забыл — верующих из разных стран, которые работали в Обществе взаимопомощи, укрывали людей из отряда Скорби, жертвовали жизнями за Евангелие.

Лишь благодаря чудесному деянию, совершенному Богом через Иисуса, воздаяние почестей более чем двумстам миллионам святых и мучеников времен Скорби закон-

чилося очень быстро. Иисус встал на краю огромного пьедестала и простер руки, словно обнимая огромную толпу людей — большинство из них было в воскрешенных телах, остальные — простые смертные, пережившие Скорбь.

— Я возведу определение, — сказал Он. — Господь сказал Мне: Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя; проси у Меня, и дам народы в наследие Тебе и пределы земли во владение Тебе; Ты поразишь их жезлом железным; сокрушишь их, как сосуд горшечника.

Итак, разумейтесь, цари; научитесь, судьи земли! Служите Господу со страхом и радуйтесь с трепетом. Почтите Сына, чтобы Он не прогневался и чтобы вам не погибнуть в пути вашем, ибо гнев Его возгорится скорее. Блаженны все, уповающие на Него.

Я приветствую вас, благословенные, в Царстве, что Я вам уготовал от создания мира. Добро пожаловать, Рэйфорд.

— Спасибо Тебе, Господи.

То, что всем удалось найти друг друга в бесконечной толпе душ, было не меньшим чудом. Рэйфорд увидел, как Хаим направился напрямик к Циону, которого уже обнимали жена и двое детей. Альби и Мак смеялись, кричали и обнимались.

Бизон с Хлоей и Кенни бежали навстречу друг другу.

И, словно из ниоткуда, за плечом Рэйфорда появилась Ирэн. О ее воскрешенном теле можно было сказать одно: она выгляде-

ла так, словно не постарела ни на день. О нем самом так, конечно, не скажешь.

— Привет, Рэйф, — сказала она, улыбаясь.

— Ирэн, — ответил он, обнимая ее. — Разрешаю тебе устроить мне разнос космических масштабов на тему «Я же тебе говорила».

— О, Рэйфорд, — сказала она и отступила на шаг, словно пытаюсь рассмотреть его получше. — Я благодарна, что ты пришел ко Христу, и очень рада, что благодаря тебе, Хлое и остальным здесь оказалось так много душ. — Она посмотрела за спину Рэйфорду. — Рэйми, иди ко мне.

Рэйфорд повернулся; там стоял его сын. Он заключил его в крепкие объятия.

— Даже ты знал правду, которой не знал я, — сказал он.

— Я так рад видеть тебя здесь, папа.

Рэйфорд показал на Бизона, Хлою и Кенни.

— Ты знаешь, кто это?

— Конечно, — ответила Ирэн. — Это мой внук — твой племянник, Рэйми.

Они застенчиво подошли; Хлоя сразу бросилась обнимать родителей, а первым заговорил Бизон.

— Я так рад наконец с вами увидаться, — сказал он, пожимая руку теще. — Я столько о вас слышал.

Кенни, похоже, обрадовался, что у него теперь есть дядя, да и еще такой молодой.

Пока они смеялись, обнимались и благодарили Бога друг за друга и за свое спасение, к ним подошла Аманда Уайт-Стил.

— Рэйфорд, — сказала она. — Ирэн!

— Аманда! — воскликнула Ирэн, обнимая ее. — Ты веришь, что я молилась за тебя даже после того, как меня восхитили на небо?

— Молитвы сработали.

— Я знаю. И вам с Рэйфом удалось пожить счастливо.

— Я так боялся, что возникнет неловкая ситуация, — сказал Рэйфорд.

— Нет, совсем нет, — ответила Ирэн. — Я не в обиде за то, что у тебя была хорошая жена и спутница. Я так обрадовалась, когда вы оба пришли к Иисусу. Вы поймете, что сейчас важен лишь Он.

— А я, — сказала Аманда, — очень рада, что ты пережил Скорбь, Рэйфорд. — Она повернулась к Ирэн и взяла ее за руку: — Знаешь, именно благодаря твоему свидетельству и характеру я пришла к Господу.

— Я знала, что именно это стало доказательством для тебя, — сказала Ирэн. — Но, по-моему, я не произвела на тебя никакого впечатления.

— Ты даже не пыталась. Ты просто это сделала.

Рэйфорд чувствовал, что все члены его семьи станут очень близкими друзьями в Тысячелетии. Он еще не понимал, почему так будет. Но он не мог не согласиться с Ирэн: теперь важен лишь Иисус. Не будет больше ни ревности, ни зависти, ни греха. Величай-

шей радостью будет служить и поклоняться Господу, Который привел их к Себе.

Пока Бизон и Хлоя болтали с Ирэн и Амандой, Рэйфорд отвел в сторону Рэйми:

— Сынок, я хочу увидеться еще со столькими людьми. Ты тоже должен со всеми ними познакомиться. А у нас осталась всего тысяча лет.

ЭПИЛОГ

После же всего [сатане] должно быть освобожденным на малое время.

Откровение 20: 3

Карта на стр. 7

KEY LOCATION FOR ARMAGEDDON
AND GLORIOUS APPERARING
АРМАГЕДДОН И ЯВЛЕНИЕ ВО СЛАВЕ.
ОПОРНЫЕ ТОЧКИ

Mediterranean Sea — Средиземное море
Haifa — Хайфа
Mt. Carmel — гора Кармель
Sea of Galilee — Галилейское море
Jordan River — река Иордан
Megiddo — Мегиддо
Jerusalem — Иерусалим
Mount of Olives — Масличная гора
Valley of Jehoshaphata — долина Иосафата (долина Суда)
Dead Sea — Мертвое море
Bozrah — Аль Басра
Edom — Эдом
Petra — Петра

Карта на стр. 8 (верх)

ИЕРУСАЛИМ. СТАРЫЙ ГОРОД

Rockefeller museum — музей Рокфеллера
Hel Ha Handasa — Хель ха-Андаса
Herod's gate — ворота Ирода
Suleimon Road — улица Сулеймана
Double Pool of Bethesda — двойной бассейн Вифесды
Lion's gate — Львиные врата
Temple mount — Храмовая гора
Golden gate (Closed) — Золотые ворота (закрыты)
Dome of the Rock — Купол Скалы

Jaffa gate (Wall Section demolished) — Яффские ворота (часть стены разрушена)

Citadel — Цитадель

Jaffa Road — улица Яффо

Wailing Wall — Стена Плача

Jericho Road — Иерихонское шоссе

Zion gate — Сионские ворота

Dung gate — Мусорные ворота

Карта на стр. 8 (низ)

Temple mount (Mount Moriah) — Храмовая гора (гора Мория)

Golden gate (Closed) — Золотые ворота (закрыты)

Dome of the Rock — Купол Скалы

Wailing Wall — Стена Плача

Solomon's Stables (underground) — подземные конюшни Соломона

Cradle of Jesus — Колыбель Иисуса

Карта на стр. 9

ИЕРУСАЛИМ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Jerusalem airport — Иерусалимский аэропорт «Атарот»

Atarot Industrial Zone — промышленная зона аэропорта «Атарот»

Ar Ram — Ар-Рам (Аль-Рам), палестинский город к северо-востоку от Иерусалима

Mukhmās — Михмас, город колена Иудина

Wadi as Suwaynit — вади Сувайнит

Jerusalem city limit unilaterally expanded by Israel, July 28, 1967; annexed by Knesset, July 30, 1980 — граница Иерусалима, расширенная Израй-

лем в одностороннем порядке 28 июля 1967 г.;
захвачен Кнессетом 30 июля 1980 г.

Wadi Salman — вади Саломон

Biddu — Бидду

West bank — Западное побережье

Tel El-Ful — холм Тель-эль-фул, примерно в 6 км
от Иерусалима

Wadi of Ghazal — вади Газал

Shu'afat — шуафат

1949 Armistice line — линия перемирия 1949 г.

Jerusalem boundary, 1947 — иерусалимская гра-
ница, 1947 г.

*Lines according to armistice agreement of July 7
1948* — линия перемирия по Соглашению от
7 июля 1948

Wadi or Rawabi — вади Раваби

Maoz Ziyon — Маоз Цион

Nahal Soreq — Нахаль Сореק, город

Israel — долина Израель

Qiriat HaYovel — Кирьят-ха-Йовель

Amminadav — Аминадав, округ

Hebrew Univ. — Еврейский университет

Ministry of Justice — Министерство юстиции

Israeli exclave — Израэльский эксклав

Disputed territory — спорная территория

No man's land — нейтральная территория

Knesset — Кнессет

Church of the Holy Sepulchre — Церковь Гроба Гос-
подня

Old city — Старый город

Christian quarter — Христианский квартал

New city — Новый город

Armenian quarter — Армянский квартал

Jewish quarter — Еврейский квартал

Muslim quarter — Мусульманский квартал

Mount Moriah — гора Мория

Dome of the Rock — Купол Скалы

El'Aqsa Mosque — Мечеть Аль Акса

Western Wall — Западная стена

Mequor Haiyim — Мекор Хаим

Abu dis — Абу дис

Sur bahir — Сур Бахир

Rachel's Tomb — гробницы Рахили

Wadi an N — вади Н.

Wadi Hulwah — вадип Алва

Bethlehem — Вифлеем (Бейт-Лехем)

Charch of the Nativity — Церковь Рождества Хри-
стова

Bayt Sahur — байт Сахур

ОБ АВТОРАХ

Джерри Б. Дженкинс (www.jerryjenkins.com) — автор серии романов «Left Behind®». Он возглавляет Гильдию христианских писателей Джерри Б. Дженкинса (www.Christian WritersGuild.com), организацию, занимающуюся воспитанием молодых писателей, а также кинокомпанию Jenkins Entertainment (www.Jenkins-Entertainment.com). В прошлом вице-президент издательства при Библейском институте имени Дуайта Муди, Чикаго, он также долгое время работал редактором журнала Moody и теперь является постоянным автором этого журнала.

Его статьи появлялись в таких изданиях, как журнал Time, Reader's Digest, Parade, Guideposts, в журналах для авиапассажиров и десятках других периодических изданий. «Послужной список» Дженкинса включает книги, написанные, в частности, в соавторстве с Билли Грэмом, Хэнком Аароном, Биллом Гайтером, Луисом Палау, Уолтером Пэйтоном, Орелом Херишером и Ноланом Райаном.

Его книги регулярно появляются в списке бестселлеров New York Times, USA Today, Wall Street Journal и Publishers Weekly.

Имеет две почетные ученые степени доктора, присвоенные Колледжем Бетель (Индиана) и Международным университетом Тринити.

Доктор Тим ЛаХэй (www.timlahaye.com), которому принадлежит идея серии романов по мотивам Откровения Иоанна Богослова, является популярным писателем, священнослужителем и широко известным в США исследователем библейских пророчеств. Он основатель Союза духовенства Тима ЛаХэя и Исследовательского центра ожидания времени Скорби.

Также недавно он стал сооснователем Школы откровения Тима ЛаХэя при Университете Либерти. Доктор ЛаХэй выступает с докладами на многих крупных конференциях, посвященных библейским пророчествам, в США и Канаде, где его исследования пророчеств весьма популярны.

Тим ЛаХэй получил степень доктора богословия в Западной теологической семинарии и почетную степень доктора филологических наук, присвоенную Университетом Либерти. В течение двадцати пяти лет он служил проповедником в одной из наиболее известных в Америке церковных общин в Сан-Диего, которая теперь имеет три филиала.

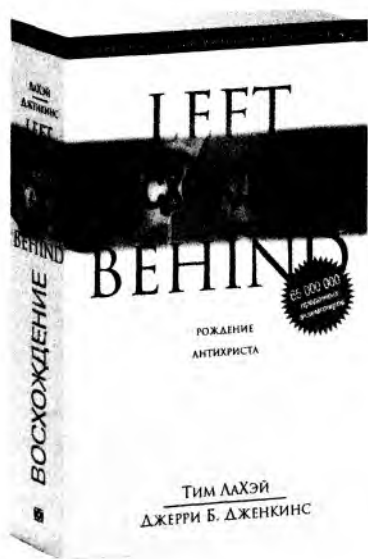
За это время он основал две аккредитованные христианские школы, сеть христианских школ, включающую десять учреждений, и Колледж Христианского Наследия.

Пятьдесят нехудожественных сочинений авторства доктора ЛаХэя были опубликованы более чем на тридцати семи иностранных языках и разошлись тиражом свыше 13 миллионов экземпляров. Он писал книги на множество тем, таких как семейная жизнь, человеческий характер, библейские пророчества. Его последние художественные произведения, романы из серии «Left Behind®», написанные в соавторстве с Джерри Б. Дженкинсом, продолжают входить в списки бестселлеров Ассоциации христианских книготорговцев, Publishers Weekly, Wall Street Journal, USA Today и New York Times.

Другая серия пророческих романов ЛаХэя включает «Восстание Вавилона», «Тайну Арапата», «Европейский заговор» и «На краю тьмы», которые попали в список бестселлеров New York Times. Действие в этой серии романов, включающей в себя четыре остросюжетных триллера, в отличие от «Left Behind®», начинается не с момента Восхищения, а в наши дни.

ВОСХОЖДЕНИЕ

ПЕРВЫЙ РОМАН ИЗ ТРИЛОГИИ
ПРИКВЕЛОВ К СЕРИИ «LEFT BEHIND®»

Роман «Восхождение» открывает трилогию книг, посвященных событиям, предшествующим Восхищению. Какой была жизнь до всемирных исчезновений у Рэйфорда Стила и его жены Ирэн, у Бизона и доктора Циона Бен-Иегуды? Почему Вив Айвинз играет настолько важную роль в жизни Николае Карпати? Почему именно Николае стал Антихристом? И как ему удалось взойти на вершины власти за столь короткое время?

Заказать книгу «ВОСХОЖДЕНИЕ» можно:
по телефону (495) 737-04-80 (по будням);
по e-mail: club@knigovek.ru;
по почте: 127206, Москва, а/я 24

Тим ЛаХэй
Джерри Б. Дженкинс

ЯВЛЕНИЕ ВО СЛАВЕ

Редактор *Н. Занозина*
Художественный редактор *А. Балашова*
Перевод *А. Захаров*
Консультант *А. Коныхова*
Технический редактор *О. Стоскова*
Корректор *О. Бубликова*
Компьютерная верстка *И. Немцева*

Подписано в печать 04.06.12 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Балтика».
Печать офсетная. Тираж 30 000 экз.
Усл. печ. л. 24,36. Уч.-изд. л. 16,51.

Книжный Клуб Книговек.
127206, Москва, Чуксин тупик, 9.
www.terra.su

Отпечатано BALTO print
www.balto.lt
www.baltoprint.ru

ЯВЛЕНИЕ ВО СЛАВЕ — в двенадцатом романе серии «LEFT BEHIND®» подходят к концу события семи лет Скорби, что выпали на долю людей, оставленных на земле после Восхищения. И вот наконец Иисус Христос нисходит на Землю, чтобы одержать окончательную победу над Люцифером.

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

Писатель, соавтор серии «LEFT BEHIND®», автор более сотни романов. Его книги регулярно появляются в списке бестселлеров «New York Times», «USA Today», «Wall Street Journal» и «Publishers Weekly».

ТИМ ЛАХЭЙ

Создатель и идейный вдохновитель серии романов «LEFT BEHIND®». В Америке широко известен не только как писатель, но и как исследователь библейских пророчеств. Написал более 50 книг, переведенных на 37 языков мира. Имеет несколько ученых степеней.

«Самый успешный литературный тандем всех времен и народов».

NEWSWEEK

«Саспенс в духе Тома Клэнси, чуть-чуть романтики, отблеск хай-тека и ссылки на Библию — в одном флаконе!».

THE NEW YORK TIMES

«Не просто художественный вымысел. Дженкинс... создал роман, представив конец света захватывающей историей, от которой — страница за страницей — невозможно оторваться до рассвета».

THE NEW YORK TIMES

ISBN 978-5-4224-0546-6

www.Leftbehind.ru